

9(с) 12

М-12

300

В. МАВРОДИН

ДРЕВНАЯ РУСЬ

ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ 1946

В. МАВРОДИН

ИЗ КНИГ
С. П. Григорова

9(d) 1
M 12

ДРЕВНАЯ РУСЬ

(ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА И
ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА)

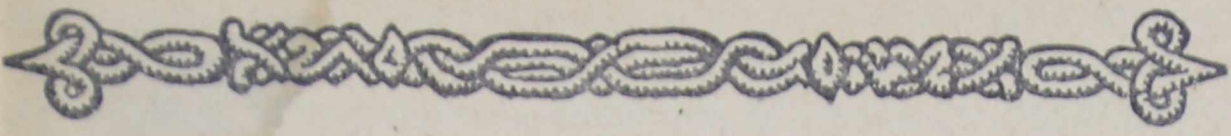
Российский Центр культурного
и природного наследия
библиотека

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1946

1841

Z

ПРОВЕРЕНО

ВВЕДЕНИЕ

«Откуда есть пошла Руская земля, кто в Кieve нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть».

Так начал «повесть свою», «Повесть временных лет» составитель древнейшей русской летописи.

Не успели отшуметь войны и походы первых русских князей эпохи «славного варварства», ещё только складывались основные контуры социальной, политической и культурной жизни древнерусского государства, как естественно пробудившийся интерес к истории своего народа, к его славному прошлому, заставил первых русских летописцев времён Ярослава Мудрого приняться за составление начальных летописей.

Они пытались осмыслить исторический процесс развития русского народа, складывания его культуры и государственности, и «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы». Византийские хроники, юридические источники, народные предания и сказания, погодные записи очевидцев легли в основу первых летописей.

Шли века... Создавались многочисленные местные летописи, складывались общерусские своды. С гордостью говорили они о Руси, о народе русском, о славном пути, пройдённом им. Появлялись исторические повести: «История о великом князе Московском» князя Андрея Курбского, «Степенная книга», «Царственная книга», «Хронограф», увязавший историю Москвы с всемирной историей, складывались многочисленные «Повести», «Сказания» и «Временники». В XVII в. были написаны «История» дьяка Грибоедова и «Синописис» Иннокентия Гизеля.

Наивность, несовершенство методов исследования несколько не умаляют значения этих первых исторических

трудов. Они свидетельствовали о патриотизме, о чувстве национальной гордости, об интересе к далёкому прошлому земли Русской, о большой, кропотливой работе по подбору источников и их осмыслению в рамках научных представлений той поры.

Всё умножающееся число всевозможного рода исторических произведений говорило о непрерывно растущем интересе к истории своего народа среди образованных людей древней Руси, а многочисленные былины и сказания, эта история народа, рассказываемая им самим, свидетельствовали о стремлении широких народных масс сохранить предания родной старины и передать их своим далёким потомкам.

Чувством величайшей гордости за своё прошлое, за свой народ, за его героические дела, за землю Русскую веет от этих первых исторических произведений. Но когда для работы в организованной по инициативе Петра Великого Академии наук прибыли первые учёные немцы и взяли в свои руки дело изучения истории русского народа, эти самодовольные, смотревшие свысока на всё русское, немецкие «культуртрегеры» попытались немедленно по своему осмыслить русский исторический процесс и место русского народа среди других народов Европы.

Кенигсбергский учёный Байер положил начало течению в исторической науке, получившему название норманизма. С его лёгкой руки Штрубе-де-Пирмонт, Миллер, Шлецер, Щербатов, а позднее Погодин, Куник, Браун и др. доказывали норманское, скандинавское происхождение Руси, создание скандинавами-варягами, «русью», государственности на Волхове и на Днепре, а крайние норманисты утверждали «дикость» восточнославянских племён до «призвания варягов», говорили о их неспособности организовать своё государство, о том, что своей культурой, своей цивилизацией, государственностью, т. е. буквально всем, восточнославянские, русские племена обязаны скандинавам-варягам.

Принеся методы научного исследования, используя легендарный рассказ летописца о призвании варягов, Байер, Шлецер и другие немецкие учёные, жившие и писавшие свои труды в России, привлекли на свою сторону и многих русских учёных и создали определённое направление в исторической науке — норманизм. Особенностью этого на-

правления было по сути дела признание превосходства иноземного, в частности германского, над русским, хотя сторонниками этого направления зачастую были и патриотически настроенные русские историки (Карамзин, Погодин).

Такого рода состояние исторической науки полностью соответствовало положению, занимаемому прибалтийскими и прочими немцами при дворе и вообще во всей политической жизни России XVIII—XIX вв.

Но уже тогда поднял свой голос в защиту национальной гордости русского народа «солнце науки русской» — Михайло Ломоносов. Он указал на внутренние силы, свойственные русскому народу, которые дали ему возможность без посторонней помощи подняться из «небытия» и встать во весь свой исполинский рост, на ошибочность норманистических предпосылок Байера и Миллера, построенных «на зыблущихся основаниях», на их рассуждения, «темной ночи подобные» и оскорбительные для чести русского народа. В Ломоносове говорил не только историк, но прежде всего патриот. Он отмечал, что у Миллера «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают...». «Сие так чудно, — добавляет он, — что если бы г. Миллер умел изображать живым штилем, то он бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».

Не менее резко отзывался он и о Шлецере, в те времена ещё только начинавшем свою деятельность и для Ломоносова остававшемся пришлым немцем.

«Древняя Российская история» Ломоносова была первым трудом антинорманиста, трудом борца за честь русского народа, за честь его культуры, языка, истории, трудом, направленным против теории немцев — историков России. Ломоносов пытался дать историю русского народа, именно народа, а не князей, показать его место среди других народов, великое международное значение древней Руси. Он знал прошлое Руси, верил в силы русского народа, в его светлое будущее. Он знал,

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать,

Ломоносов положил начало антинорманистскому направлению в русской исторической науке, заставил многих позднейших исследователей по-иному подойти к русскому историческому процессу, вырвал историческую науку из «немецкого пленения».

Современная советская историческая наука, обогащённая методом исторического материализма, учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, вооружённая всеми видами источников, со всей наглядностью показывает величественное и героическое прошлое русского народа, его борьбу за самостоятельность и независимость, вклад национальной русской культуры в сокровищницу человеческой культуры, международное значение России на всех этапах её исторического развития.

«Откуда есть пошла Руская земля...» Этот вопрос не может не интересовать каждого из нас, ибо это вопрос о том, как начал складываться великий русский народ, народ, прошедший многовековой славный и тернистый путь, путь испытаний и побед, народ, выдержавший, не склонив головы своей, все невзгоды: и германский «Drang nach Osten»,¹ разбив немецких «псов-рыцарей» (К. Маркс) на льду Чудского озера, и татарское иго, сбросив его тяжкие цепи, и годы лихолетья «смутного времени», времени польско-шведской интервенции, народ, уничтоживший вторгшихся в его землю солдат шведского «паладина» Карла XII, и «непобедимую» армию Наполеона.

Это вопрос о том, как начала складываться древнерусская народность — далёкая предшественница великой русской нации, нации «Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!» (И. Сталин).

Бесконечно велик вклад русского народа в сокровищницу мировой культуры, бесчисленна рождённая землёй Русской плеяда героев духа.

Ломоносов и Менделеев, Чебышев и Тимирязев, Лермонтов и Тургенев и многие другие славные сыновья русского народа вписали своё имя золотыми буквами на скрижалях истории человечества. В годину испытаний на

¹ — «натиск на Восток».

ратные дела подымали воинство русское Александр Невский и Димитрий Донской, Кузьма Минин и Димитрий Пожарский, Суворов и Кутузов, Ушаков и Нахимов. Не за одну свою землю, за свои леса дремучие, реки широкие, многоводные, степи необозримые, не только за свою независимость бился русский народ.

«Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшейся всем выстрелам, стеной, которую в половину разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона» (Н. Г. Чернышевский).

В истории человечества «России определено лишь высокое предназначение» (А. С. Пушкин).

В VI—VII вв. н. эры вместе с другими славянскими племенами русские обновили огромную одряхлевшую Византийскую империю и способствовали переходу её к новым, более передовым формам общественных отношений, что не могло не отразиться на судьбах народов Юго-восточной Европы и Малой Азии.

В IX—X вв. русские объединили вокруг себя племена и народности на громадном пространстве от Карпат и Вислы до Оки и верховьев Волги, от Ладоги до низовьев Дуная и положили начало могущественному государству, ставшему родоначальником ряда государств Восточной Европы.

В XIII в. Русь спасла Европу от орд Батыея, а в XIX в. — от деспотии Наполеона.

Под водительством Ленина и Сталина русский народ вместе с народами необъятного нашего отечества осуществил на одной шестой части земного шара мечту лучших людей всех национальностей и создал первое в истории человечества социалистическое государство.

В дни величайших испытаний, в дни самой страшной опасности, которая когда-либо угрожала миру, когда над странами и морями закружились коршуны с паучьей свастикой на крыльях, а по дорогам на запад, на юг и на восток двинулись на завоевание мирового господства танковые колонны бандитского «фюрера» — Гитлера, ефрейтора, одержимого манией величия, на свои плечи могучие

принял русский народ основную тяжесть борьбы с полчищами гитлеровских головорезов.

Под руководством своего вождя, великого Сталина, русский народ в невиданных боях, в кровопролитных сражениях под Москвой и в руинах Сталинграда, у стен героического Ленинграда и на рубежах Курской дуги подорвал мощь германской военной машины, и настал час, когда, пройдя с огнём и мечом Восточную Пруссию и Силезию, Померанию и Бранденбург, Красная Армия водрузила знамя победы над Берлином, довершив разгром гитлеровской Германии.

Русский народ приковывает к себе внимание всего передового человечества.

Навеки останется в памяти народной здравица, провозглашённая Иосифом Виссарионовичем Сталиным на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, армии-победительницы, 24 мая 1945 г.:

«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

В этой войне, Великой Отечественной войне с германским фашизмом, особенно отчётливо проявились национальные черты русского народа — народа-воина, народа-героя, народа-освободителя, народа-победителя: свободолюбие и мужество, стойкость и выносливость, героизм и патриотизм, самоотверженность и настойчивость, мудрость и выдержка.

А они, эти черты, являются традиционными национальными чертами русского народа, определяющими его психический, духовный склад, его национальный характер, чертами, складывавшимися на протяжении многих столетий и приумноженными Великой Октябрьской социалистической революцией.

Мы не можем безучастно относиться к вопросу о том, как складывались эти национальные черты русского на-

рода, как формировалась и расцветала русская культура во всех её бесчисленных проявлениях, как создавалась русская государственность, давшая возможность нашим далёким предкам отстоять независимость земли Русской и завещать нам, своим далёким потомкам, веками накопленную мудрость, веками создаваемую духовную и материальную культуру, свои черты психического склада, которыми по праву может гордиться русский народ.

Мы не можем быть безучастными к своей отечественной истории, к истории своей Родины, к истории своего народа. Мы гордимся славной историей своего народа, его великим «бореньем» за свою свободу и независимость, его достижениями в науке и искусстве, его успехами на поле брани, его революционной борьбой.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет!», — писал В. И. Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов», не случайно избрав для неё это название.

А чувство национальной гордости, чувство патриотизма воспитывается на отечественной истории, истории своего народа с самых древнейших времён.

И глубоко прав был известный русский историк И. Е. Забелин, когда писал: «Действительно, твёрдую опору и непоколебимую почву для национального сознания и самопознания всегда служит национальная история...».

Поэтому мы не можем быть безучастными к вопросу о том, «откуда есть пошла Русская земля».

ГЛАВА I

ЗЕМЛЯ РУССКАЯ

На много, много сотен километров протянулась Русская земля: от берегов Тиссы и Попрада, от Дунайца и Вислы, от Бодрога и Латорицы, от Быстрицы и Черемоша до Донца и Дона, Кубани и Керченского пролива, от Вепря и Буга, Бобра и Немана до Оки и верховьев Волги, Белоозера и Костромы, от Западной Двины и морского побережья, от Невы и Ладоги до днепровских плавней и дунайских гирл.

Есть в ней горы высокие, шапкой тёмных лесов покрытые, ущельями глубокими прорезанные, и степи широкие, бескрайние, ковылём поросшие, глухие боры суровые сосновые столетние и весёлые зелёные буковые рощи, тёмные, как ночь, лесные озёра и залитые солнцем плавни черноморских рек, быстрые, холодные, прозрачные реки северные и мутные воды рек южных, тёплых, камышом и осокою поросших.

Туманы Балтики и трескучие морозы ясных дней зимних русской тайги, белые ночи Белозерья и Невы и чёрные, как бархат, ночи южные, украинские, дожди и болота Полесья и степные суховеи, бураны задонских просторов и тишина ущелий Карпатских гор, холод страны «скал и озёр» и палящий зной Черноморья, тишина северной тайги и неумолчный птичий гомон на Днепровских лиманах.

Всё это — земля славянская, земля Русская.

И населяет её «словенеск язык» со времён незапамятных, позабытых.

Следы жизни и деятельности древних обитателей земли Русской, любовно откопанные и изученные археологом; остатки их речи, как отложилась она в названиях рек и озёр, болот и гор; древние источники, сохранившие упо-

минания о тех, кто населял восточноевропейскую равнину, её горы и степи, леса и болота в далёкие-далёкие времена; старинные народные предания о делах давно минувших дней, легенды и сказки, отразившие седую древность, дают нам возможность восстановить историю славянских и неславянских народов нашей страны, участвовавших в создании древнерусского государства.

И начинается она по крайней мере за 5000 лет до наших дней.

За это время

Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

(А. К. Толстой)

Да, изменилось само лицо Русской земли.

IV—III тысячелетия до н. эры...

Восточноевропейская равнина.

Северо-запад Восточной Европы омывает предтеча Балтийского моря Литториновое солёное море, сменившее огромное древнее пресноводное Анциловое озеро.

Его ответвлением на восток является громадный залив, тянувшийся в те времена по долине Невы до реки Тосны. Это — древний Финский залив.

Климат Восточной Европы той далёкой поры был тёплым и влажным. Это время распространения влаголюбивой растительности, время торфяных болот и торфяников.

На западе Восточной Европы преобладают леса из тисса и бука, доходящие на востоке до Днепровского левобережья, где по реке Ворскле остатки этих древних лесов можно наблюдать по сей день. К концу Атлантического периода, периода Литторинового моря, когда климат постепенно стал терять свою влажность, на востоке преобладает дуб, становящийся господствующим и на западе Восточной Европы.

Уровень стояния речных вод был выше, нежели теперь, и реки были шире и многоводней. Всюду сверкала гладь бесчисленных озёр, тянулись бесконечные топи, покрытые торфяниковой растительностью.

Обширные поймы и заливные луга рек Восточной Европы, надлуговые террасы с обрывистыми берегами, отстоящие друг от друга на километры и возвышающиеся над современным уровнем реки на 10—15 метров, свидетель-

ствуют о том, что реки эти текли когда-то в ложе, по сравнению с которым современная пойменная долина кажется ничтожной.

Более высокий уровень рек обуславливал и более высокий уровень стояния грунтовых вод, что и приводило к образованию многочисленных озёр и болот.

Этому же способствовало наличие колоссальных лесных массивов, задерживавших весной снег и таким образом вызывавших значительное увлажнение почвы.

В те времена степи заходили далеко на север вплоть до Оки, где и сейчас сохраняются остатки древнего степного ландшафта, степной животный и растительный мир.

И в то же самое время по песчаным надлуговым террасам степных рек, впадающих в Чёрное море, вековые сосновые боры с их торфяниками и мхами, северной растительностью и северными лесными животными (лось, медведь, бобр и др.) доходили вплоть до Днепровских лиманов.

Севернее, повсюду, вплоть до лесостепной полосы, лежали бесконечные лесные массивы, лишь кое-где прорезанные широкими речными долинами, болотами, да на востоке, к Оке и Волге, перемежающиеся с оазисами степи.

Борьба степи и леса на юге Восточной Европы шла всё время, пока, наконец, влияние надвигающихся среднеазиатских пустынь и общее уменьшение влаги в воздухе и в земле не привело к победе степей и к установлению в Причерноморье современного степного ландшафта, растительного и животного мира.

В то же самое время благотворное влияние Гольфстрема, ещё ранее изменившего своё течение и подошедшего к берегам Европы, и местные условия, обуславливающие большую влажность, способствовали надвиганию лесов на степь. Краины лесостепной полосы зарастают лесом, устремляющимся на юг.

Вместе с ухудшением климата меняется и сам характер лесов. Постепенно редеют леса влаголюбивых растений. На западе Восточной Европы господствуют буковые леса. Больше становится сосны и берёзы. Начинается высыхание торфяников, покрывающихся сосной и берёзой. Это время образования Невы, древнего Балтийского моря, эпоха позднего неолита и бронзы, III—I тысячелетий до н. эры.

Но и в эту пору влажность всё же была ещё велика, хотя, быть может, были отдельные породы засушливого (ксеротермического) климата.

Ещё в период трипольских поселений (III—II тысячелетия до н. эры) в районе и южнее Киева росли окружавшие многочисленные озера густые лиственные и смешанные леса, тянувшиеся полосами вдоль речных пойм и сплошными массивами по водоразделам. Остатки лосей, бобров, кабанов, речных черепах, водяных крыс и т. д. в местности ныне степного типа говорят о том, что во времена Триполья этот район представлял собой лесистую, обильную водами местность.

С течением времени (I тысячелетие до н. эры) восточноевропейская равнина принимает свой современный вид. Тайга с сосной и берёзой на востоке, ограниченная с юга островными лесами, протянулась от Финляндии до Урала, где она постепенно, принимая в себя пришельцев флоры Сибири, переходила в сибирские таёжные просторы.

Южнее лежала лесостепь, на востоке круто поднимавшаяся к северу, а на западе, у Днестра и Дуная, опускавшаяся почти до моря, а ещё южнее тянулась перемежаемая лесными островами черноморская степь, переходящая в степь и полупустыню Приволжья и Заволжья.

В это время множество изменений в растительном и животном мире Восточной Европы связано уже с деятельностью человека.

Лесные и степные пожары, возделывание почвы, рубание и выжигание лесов, истребление одних видов растений, животных и птиц и культивирование и приручение других, осушение болот, прокладывание дорог, расселение человека, а с ним вместе распространение видов животных и растений, ранее не встречающихся в данной местности, и т. д. приводят не только к радикальному изменению флоры и фауны, но даже к изменению местности (изменение течения рек, уменьшение числа озёр и болот и т. п.) и климатических условий.

Письменная история застаёт наших далёких предков заселяющими все три полосы Восточной Европы: степь, лесостепь и лес.

На крайнем западе Русской земли, за Карпатами, где, по старинному народному преданию, спит вечным сном «старший» русский богатырь Святогор, лежат покрытые

зелёными виноградниками, буковыми, хмелем повитыми, рощами долины Тиссы, Грона, Попрада, Лаборца, земли Угорской Руси. Незаметно повышается поверхность земли, переходит в холмы, а туда дальше к северу и востоку, в древние горы Карпатские, горы Русские, горы Угорские.

Мяжки контуры подёрнутых синеватой дымкой, поросших лесом Карпатских гор.

Поднимаются вверх туманы низменностей, клубятся облака, шумят на дне каменистых ущелий горные реки Белый и Чёрный Черемош, Быстрица, Сан, Стрый, Вислока, Тисса...

В предгорьях Карпат растут дубовые леса, а выше — бук и пихта, ещё выше — сосна. На горных плато, среди скал, раскинулись изумрудные альпийские луга.

Населяют их волки и лисицы, медведи и барсуки. В зарослях кустарников, у подножий гор, мелькают пугливые дикие козы. А дальше, на восток и юго-восток, — зелёные рощи Буковины, покрытые лесами холмы северной Бессарабии. Чем дальше на восток, тем реже встречается бук, сменяясь грабом и, наконец, дубом. Растут они попеременно с широколиственным клёном, липой, осиной и ярко-белой берёзой.

Южнее — холмы Кодр, поросшие древними лесами из граба, ясеня, клёна, липы, дуба, берёзы, ильма, черешни, а ещё дальше на юг, к морю, — леса, надвинувшиеся на степь. И тянутся до самых степей дуб и липа, черешня и груша, плющ и ясень, берест и клён, дикий виноград и серебристая липа.

А там, у Черноморского побережья, от низовьев Прута и Днестра и дальше на восток протянулись бескрайние степи, широкие, необозримые, ковылём и полынью поросшие.

«Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов: сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки, жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности, занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще...» (Н. В. Гоголь).

По весне, как спадёт снег, вся степь покрывается красными и жёлтыми тюльпанами, красными пионами. Позднее зацветают пурпуровые и голубые гиацинты. Но вот солнце печёт все сильнее и сильнее. Ковыль распускает свои серебристые ости. Степь как бы подёргивается сединой, и желтовато-серый фон её разнообразится только пятнами васильков, шалфея, колокольчиков.

Бегут по степи на юг широкие реки степные. У впадения их в море, по лиманам, растут плавневые леса из вяза, береста, вербы, тополя, дуба, ясеня.

Бесконечные плавни, рукава, ерики, камышом и осокой поросшие, с зарослями чакана (водяного ореха).

Тянутся вдоль берегов степных рек пойменные леса дубовые, липовые, ольховые, да кое-где остатками былых эпох, живыми ископаемыми, на песчаных почвах полынной южной степи высятся сосновые боры.

А в водоразделах — степь да степь, бескрайняя, необозримая.

Лишь кое-где однообразие её нарушают степные кустарники бобовника, тёрна, шиповника. Ранней весной пышно цветут они и оглашаются пением бесчисленных пернатых.

Свист полночный соловья,
Ветер, степь, да тучи...

(А. К. Толстой)

К концу лета степь выгорает. Уныла она в это время. Мутное, накалённое небо... Обожжённая, вымершая, почерневшая земля. Тишина. Только трещат кузнечики. Не видно ничего живого. Только высоко в небе парит степной орёл.

А зимой носятся по степи бураны холодные, засыпают овраги, наметают горы снега в лесах.

Богат животный мир степей.

Прносятся косяки одичавших лошадей — тарпангов, мелькает горбоносая сайга, мерно шагают огромные уса-тые дрофы, с треском снимается стрепет, свистит байбак (сурок), в воздухе звенят жаворонки, высоко в небе курлыкают журавли. Хрипит кроншнеп, купается в знойном воздухе с унылым криком чибис, с озера на озеро несутся стаями утки. В камышах лиманов гнездятся ибисы, колпицы, чепуры, огромные пеликаны, белоснежные ле-

беди, мелькает пёстрая шкура дикого кота, с шумом раздвигают камыши, лакомясь чаканом, клыкастые кабаны.

Далеко на восток раскинулись степи, поднимаясь всё дальше к северу до Дона, Хопра, Медведицы, где они переходят в лесостепь, в леса Рязанские, Мордовские, Мещерские, Муромские.

Севернее тянется лесостепь. С незапамятных времён здесь лес перемежался степью и наоборот, но всё же на заре нашей истории лесов было неизмеримо больше. С давних пор леса были разбросаны отдельными островами и полосами по речным долинам, оврагам, по высоким степным нагорьям. На юге лесостепь переходит в ковыльную степь, на севере по Остру и Десне, Тетереву и Ужу — в сплошные смешанные и хвойные леса Черниговского, Киевского и Волынского Полесья. На юге, по Пслу, Суле, Ворскле, росли огромные древние леса из дуба, ясеня, груши, граба, яблони, клёна, ильма.

Густой шатёр зелени высокоствольных широколистных деревьев, населённый мириадами пернатых певцов, оглушавших многоголосым громким пением, покрывал по опушкам заросли непролазного кустарника орешника, шиповника, бруслины, тёрна.

Огромные многовековые дубы и сосны в 3—4 сажени в окружности, колоссальные липы придавали лесу особый колорит.

У впадения реки Самары в Днепр лежал древний лес из дуба, сосны, береста, клёна, ясеня, липы, берёзы, где подобные гиганты были не редкость.

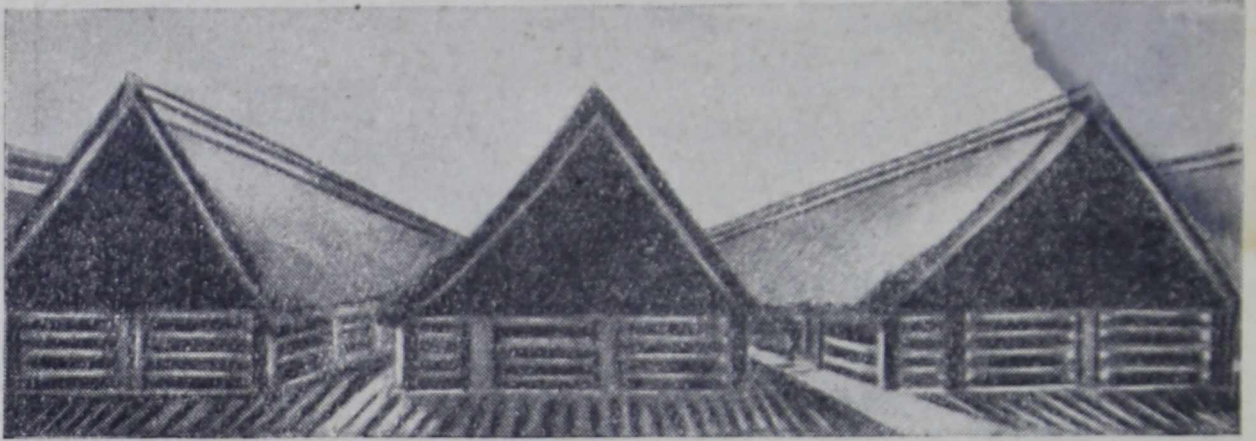
Эти древние степные леса во многих местах сливались с пойменными лесами. В промежутках между ними лежала степь с её ковылём и степным кустарником.

В лесостепи обитали тарпанги и сайги, медведи и волки, лоси и кабаны, дикие козы и благородные олени, барсуки и куницы, рыси и горностаи, бобры и выдры, сурки и хомяки. В лесах бродили огромные и сильные дикие быки — туры, большерогие, с чёрной полосой по спине, настоящие цари лесостепей, предки современного серого украинского скота. Здесь, в лесостепи, житель северной тайги — глухарь встречался с дрофой, сосновый клёст с удодом, а тетерев населял и леса и степные кустарники.

А дальше, к северу, — чернозёмная полоса, где чернолесье перемежается с «переполяньями», край, где

«Триполье». С картины М. Соколова (к стр. 25)

Лужицкий посёлок (к стр. 28)

Изображение «варвара» на Траяновой колонне (к стр. 37)

Лес дремучий кругом повесился
Вековыми дубами, берёзами,
Сполз с горы, перебрался и за реку
Точно в брод перешёл и раскинулся
В неоглядную даль, в необъездную...

(Л. Мей)

Массивы лиственных лесов с подлеском из постоянного спутника дуба — ореха и папоротников, с вековыми дубами, огромными осинами, остролистным клёном. Лесные поляны усеяны фиалками и незабудками, анемонами и ирисом.

Чащи, озёра и болота Белоруссии, где остатком древней поры, реликтом далёких времён, темнеет Беловежская пуца с её соснами, елью, дубами, грабами, вязами.

Высятся по песчаным почвам дремучие сосновые боры, по поймам многочисленных, мощных, но медленно текущих рек тянутся дубовые леса, а по низинам раскинулись заросли ольхи и осины.

Шумят высокие цветущие липы, гудят рои диких пчёл, в бесчисленных рощах заливаются соловьи.

На много верст протянулись древние Брынские, Мещерские леса.

Текут по ним тихие лесные реки.

«Свободно и могуче обрастают берега их широколиственной и узкою осокой, аиром, палочником и крупными незабудками; а по всем затишьям — необыкновенной величины тёмнозелёные круглые лопухи плавают уединённо на длинных стеблях своих, однообразно двигаясь течением реки. Водяная птица как будто боится уединения и утки перестают жить и водиться на реках, когда они слишком далеко углубляются в лесную глушь. Рыба и земноводный зверь остаются их хозяевами. В пустынном безмолвии и мраке катятся многоводные струи и только ветви наклонившихся или упавших в воду столетних деревьев, противясь течению, производят неумолкаемый, но тихий и глухой рокот. Плещётся большая щука, переплывет реку поречина, нырнёт выхухоль — и только; но и этот слабый шум скоро поглощается общим безмолвием. Смотрится только в воду разнообразное чернолесье — липа, осина, берёза и дуб, кладя то справа, то слева, согласно

стоянию солнца, прямые или косые тени свои на поверхность реки» (С. Т. Аксаков).

Дальше, к югу, к луговой степи берега рек порастают густой урёмой. Кусты лозы купаются в воде, перемежаемые зарослями черета и ситника, сплошным покровом белых и жёлтых лилий покрыты тихие заводи, склонились к водам реки ветви огромных дубов и лип, на много верст протянулись поросшие кустарником и камышом озёра заливных лугов.

На севере лиственные леса переходят в смешанные и, наконец, в хвойные. Тянутся они сплошным массивом, прерываемым лишь многочисленными реками и ручьями, болотами и озёрами, да кое-где, особенно на Оке, лежат безлесные пространства — поля, отроги далёких степей.

Дуб, клён, липа, вяз, рябина, орешник, чем дальше к северу, тем всё чаще и чаще перемежаются сосновыми и еловыми лесами, а на севере и северо-востоке от линии, идущей от устьев Невы к Ильменю, а оттуда на верховья Волги и низовья Оки, протянулась южная граница восточноевропейской тайги. Таёжные ель, сосна, пихта, лиственница, кедр, можжевельник сочетаются с берёзой, осиной, ольхой.

Мрачные, безжизненные еловые леса, бесконечные моховые болота и заболоченные низины, суровые, но светлые сосновые боры Озёрной области прорезаны холодными чистыми северными реками.

Здесь, в лесах, берут начало великие русские реки — Днепр, Десна, Ока, Волга, Западная Двина. Здесь, на севере, лежат огромные озёра: Ильмень, Ладога, Онега, плещут волны Финского залива, течёт красавица-Нева. Тут — северный край Русской земли, начало области финских «хладных скал» и озёр. В лесных пущах обитали зубры и лоси, туры и дикие козы, кабаны, волки, рыси, росомахи, бобры, соболи, куницы, белки, лисы, барсуки, медведи, глухари, рябчики.

По перелескам и моховым болотам гнездились тетерева, журавли, белые куропатки, по рекам, озёрам и болотам бесчисленные водоплавающие и болотные птицы: лебеди, гуси, утки, кулики.

Такова была Восточная Европа на заре истории славянства, на начальном этапе истории русского народа и русской государственности.

Необъятна земля Русская, разнообразна природа её изобильная.

И с незапамятных времён хозяином её был предприимчивый и трудолюбивый русский человек.

ГЛАВА II

О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН

«Во мнозех же временах сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И о тех Словен разидошася по земле и прозавашася имены своими, где седше, на котором месте».

Так повествует о прародине славян и о расселении славянских племён древнерусский летописец. Старинные смутные предания, передававшиеся из уст в уста, а быть может, и документальные материалы, говорящие о давнем жительстве славян по Дунаю, заставили летописца усматривать в дунайских землях прародину славян. С тех пор как были написаны эти строки летописи, прошло много столетий. Вопрос о происхождении славян интересовал средневековых хронистов и летописцев, византийских, римских и германских историков, географов, политических деятелей, католических и православных монахов, арабских и персидских путешественников, слагателей скандинавских саг и анонимных авторов древнееврейских источников.

Могущественный и многочисленный славянский народ, с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел вышедший могучей поступью на арену мировой истории и распростёрший владения свои на огромное пространство от лазоревых вод Адриатики и прибрежных скал Эгейского моря до дремучих лесов верховьев Оки и Днепра, от покрытых туманом берегов Балтики и залабских лесов и полей, от прозрачных озёр и холодных скал Карелии до залитых солнцем черноморских степей, не мог не приковать к себе внимание Запада и Востока.

И если заброшенными куда-то далеко на север «венедями» державный Рим только интересовался, то могучий натиск славян заставил византийских и западноевропейских

писателей VI—VII вв. с тревогой искать ответа на вопрос: откуда взялись эти высокие, русоволосые, сильные и воинственные варвары с копьями, мечами и луками со стрелами, покорившие «ромеев», и как с ними бороться?

Этот натиск славян и продвижение их всё дальше на юг и запад, когда славянские дружины дошли до Морей, Италии, Малой Азии, Африки и Испании то в качестве самостоятельного войска, то в качестве союзных и наёмных отрядов, заставили историка готов Иордана констатировать, что «теперь по грехам нашим они свирепствуют повсюду», а императора Константина Багрянородного с грустью заметить, что «вся страна» (Византия) ослаблялась.

Современники этой эпохи «бури и натиска» славянства оставили нам свои труды. Неясные отрывочные сведения о славянах, домыслы, пересказы, записи со слов очевидцев, собственные впечатления, попытки по-своему осмыслить разные легенды, предания и сообщения — вот что представляют собой произведения античных, греко-римских, византийских, западноевропейских и восточных писателей I—VII вв. Скудны сообщаемые ими сведения, темна и неясна древнейшая история народов славянских, но тем ценнее каждый незначительный эпизод её, запечатлённый в труде древнего автора, каждая особенность славянской жизни, быта, культуры, отразившаяся в письменном источнике, каждый заржавленный изломанный серп, полуистлевший кусок ткани, простенькое украшение, добытое трудом археолога, тем ценнее следы древних славянских языков, обнаруженные в современной речи, в топонимике,¹ в надписях, в произведениях далёких, давно прошедших веков кропотливой работой лингвиста.

В эпоху славянских войн и походов, вторжений и завоеваний, передвижений и переселений о славянах говорили и в Византии, пышной, великолепной, блестящей Византии, наследнике и преемнике Рима, и в полуразрушенном варварами и ими же варваризированном «вечном городе» — Риме, в монастырях, замках и городах пёстрой и многоплеменной, полуварварской, полуфеодальной Западной Европы, напуганной появлением славян у Фульдского монастыря, в лесах Тюрингии, в прирейнских землях и в городах мусульманского Востока, в Закавказье, в Малой и

¹ *Топонимика* — наука о названиях географических пунктов.

Средней Азии, где учёные арабские географы, путешественники, поэты и купцы повествовали о «сакалибах» и «русах», совершавших отважные походы на города Закавказья, пробиравшихся со своими товарами и на Каму и в далёкий Багдад.

Не оставили воспоминания о первых страницах своей истории лишь сами славяне, храбрый и мужественный, великий и трудолюбивый славянский народ. В годы славянских завоеваний они ещё не знали письменности, не могли записать даже те полуполюгендарные сказания о начале славянского народа, которые передавались из уст в уста. По туманным, сказочным преданиям восстанавливали начальные страницы истории своих народов славянские летописцы и хронисты, наивными домыслами и собственной фантазией искажая и приукрашивая то немногое, что им было известно. И недалеко ушли от них первые историки славянства XVI — XVII вв., повторявшие и развивавшие фантастические рассказы своих предшественников. Да и можно ли предъявлять требования к тем, кто писал во времена, когда историческая наука находилась ещё в младенческом состоянии?

Ставя вопрос о происхождении славян, мы исходим из двух положений, принятых в советской исторической науке.

1. Ни один народ как физическая величина не исчезает бесследно. Народ вечен. Каждый народ, имя которого, речь, культура, обычай, сами соматические (телесные) особенности с течением времени исчезают, всё же продолжает жить в лице своих далёких потомков, и древние племена и народы должны быть учтены как творческая сила формирования позднейших и современных народностей и наций.

«Нынешняя итальянская нация, — говорит товарищ Сталин, — образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать и об англичанах, немцах и пр. сложившихся в нации из людей различных рас и племен». ¹ И в гораздо более древние времена более обширные группы племён — германцы, славяне и другие — впитали в себя и ассимилировали десятки и сотни мелких племён, как протогерманских, про-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1935, стр. 4.

тославянских, так и ставших германцами и славянами в силу включения их в очаги германского и славянского этногенеза в результате экономических, политических и культурных связей, ибо «когда говорят о конкретном племени (а не об отвлечённом племени — примитиве), то это определённое скрещение ряда племён...» Так писал известный советский учёный языковед, археолог и историк Н. Я. Марр.

Речь, культура и обычаи древних народов, само наименование которых исчезает, продолжают в пережиточной форме сохраняться у их далёких потомков.

Эти последние резко отличаются от древнейших племён и народов во всём, но всё же они являются физическими потомками своих отдалённых предшественников.

2. Все передвижения и переселения народов, а они в истории были и неоднократно, как правило, не затрагивают основных масс населения той или иной области, страны, края как физической величины.

Говоря о переселении народов, трудно отказать себе в удовольствии привести одно яркое и красочное место из популярной брошюры академика А. Н. Толстого «Откуда пошла Русская земля».

«Движение народных масс подобно морским волнам, — кажется, что они бегут издалека и разбиваются о берег, но вода неподвижна, лишь одна волна вызывает взлёт и падение другой. Так и народы в своей массе обычно неподвижны, за редким исключением; проносятся тысячелетия над страной, проходят отряды завоевателей, меняются экономические условия, общественные отношения, племена смешиваются с племенами, изменяется самый язык, но основная масса народа остаётся верной своей родине».

Вытекает ли из этого, что советская историческая наука должна отрицать передвижения и переселения народов и сводить всё их историческое развитие только к одной эволюции, так сказать, к «перевоплощению»? Отнюдь нет. Но складывание племён и народностей явилось результатом отнюдь не одних переселений.

Н. Я. Марр указывает:

«В формации славянина, конкретного русского, как, впрочем, по всем видимостям, и финнов, действительное историческое население должно учитываться не как источ-

ник влияния, а творческая материальная сила формирования...».

Древнее население Европы, в процессе общественного развития, передвижений и скрещений, в процессе эволюции быта, мышления и языка, выковывает и формирует, развиваясь и преобразовываясь, впитывая в себя и поглощая пришлые племена и группы, этнические объединения более поздних времён. Оно, это древнейшее население, принимает участие в формировании и славянства, и финнов, и литовцев, и угорских, и тюркских народов. Ибо нет и не может быть «расово чистых» народов, нет и не может быть совпадения рас и языков, нет и не может быть «этнически чистых» племён, народностей и наций.

И в формировании современного славянства приняло участие множество племён глубокой древности: тех, кого уже знают древние греческие и римские историки и географы, и тех, которые сошли со сцены ещё до того, как варварская Средняя и Восточная Европа стала известной писателям древности.

На первый взгляд отнесение ряда племён к непосредственным предкам славян кажется натянутым, но «что понимать под племенем. Тварей одного вида, зоологический тип с врождёнными ab ovo (с самого начала. — В. М.) племенными особенностями, как у племенных коней, племенных коров? Мы таких человеческих племён не знаем, когда дело касается языка» (Н. Я. Марр).

А язык — основа народности, добавим мы от себя. Такова постановка вопроса о происхождении и развитии народов и языков.

Исходя из этих двух положений, мы и попытаемся подойти к вопросу о происхождении славян.

В поисках этнических предшественников славян мы углубляемся в тот период времени, когда на территории Европы ряд неолитических племён, ещё не будучи славянами в собственном смысле этого слова, выступая лишь в качестве «пра»- или «протославян», т. е. этнических слагаемых, из которых в дальнейшем, в силу исторических условий, образуется славянство, вступает в связь друг с другом, и, на основе общности хозяйственного уклада и сношений между ними устанавливается культурная и этническая общность или, во всяком случае, близость.

В формировании современных славянских народов при-

няло участие множество племён и народов древности, при этом мы отмечаем, что основная линия этногенеза идёт от дробности к целостности, от множественности к единству, не к расчленению единого пранарода с определёнными, с самого начала сложившимися антропологическими (соматическими) и языковыми устойчивыми и неизменяющимися особенностями, а к объединению слабо связанных между собой этнических образований в великие семьи народов.

Понятно, что такое сближение происходит и в отдалённые и в более близкие нам времена, чаще всего между племенами, близкими друг другу по образу жизни, уровню общественного развития, по быту, языку, культуре, что имеют место и обратные процессы, а именно расхождения, расчленения единого на дробное, разъединения, выключение племён, их частей или групп племён из этногонического процесса, их передвижения и переселения, поглощение ими других племён или ассимиляция, всё новые и новые дробления, перемещения и скрещения.

И каждое современное этническое образование является продуктом чрезвычайно сложного исторического процесса схождения и слияния, дробления и распада, переселений и перерождений, скрещений и трансформаций, разнообразных этнических, т. е. языковых, расовых и культурных элементов.

Из этих позиций мы исходим при попытке постановки проблемы этногенеза славян и, в частности, восточных славян.

Уже за 3000 лет до н. эры неолитические племена Европы поделились на охотничье-рыболовческие, занимавшие почти всю лесную полосу Восточной Европы от Балтики до Урала и от крайнего Севера до Припяти и Десны и создавшие так называемую культуру «ямочно-гребенчатой керамики», и земледельческие, занимавшие более южные области Европы от Атлантического океана до Днестра, среднего Днепра и Дуная.

На востоке этой территории, в современных Югославии, Румынии, на Правобережной Украине и, частично, в Заднепровском левобережье неолитические земледельческие племена создают так называемую «Трипольскую культуру», своеобразную, яркую, высокую культуру оседлых племён, занимавшихся мотыжным земледелием и живших матриархальными родами.

Земледелие трипольцев носило так называемый «огороднический» характер, так как земля возделывалась от руки,

мотыгой, как огород. Трипольцы возделывали просо, ячмень, пшеницу. В раннетрипольское время примитивное мотыжное земледелие было ведущим. Земледелие сочеталось со скотоводством, носившим пастушеский характер, причём разводился главным образом крупный рогатый скот, и только позднее, в позднетрипольское время, наряду с рогатым скотом появилась недавно приручённая лошадь. Скот разводился только на подножном корму, и никаких заготовок сена не было. По мере необходимости и в момент опасности скот загонялся на площадь внутри поселения. Охота и рыбная ловля, особенно последняя, играли второстепенную роль.

Трипольцы были оседлым земледельческим населением. Их посёлки располагались у воды, но при этом не всегда избирались берега больших рек, а зачастую трипольцы довольствовались небольшим ручейком, текущим по дну степного оврага. Это обстоятельство отчасти и обуславливало слабое развитие рыболовства. Оседлость трипольцев способствовала развитию гончарного искусства и созданию знаменитой расписной трипольской керамики.

Жилищем трипольцам служили большие дома, покрытые двускатной крышей, стены которых были сплетены из ветвей и обмазаны глиной. Стены домов трипольцы иногда расписывали краской. Дом возводился на плотной глиняной площадке, которая служила полом. Внутри дома помещались печи.

Позднетрипольские племена отходят от мотыжного земледелия. Усиливается значение скотоводства и охоты. Главным домашним животным вместо крупного рогатого скота становится лошадь. Вместе с ростом скотоводства наблюдается и естественный результат этого явления — большая подвижность населения. Время от времени в некоторых местах начинаются переходы с места на место. Ухудшается керамика. Исчезают большие дома, и их место занимают семейные землянки. Поселения трипольцев этой поры сосредоточиваются уже главным образом на изменённых левых берегах степных и лесостепных рек. Наблюдается переход к патриархально-родовым отношениям. Появляются и распространяются первые украшения и орудия из меди и бронзы. Начинаются межплеменные войны. Возникают укреплённые поселения — городища.

Нам неизвестны племенные названия создателей «Три-

польской культуры», мы не знаем, каковы были их языки, а язык — основа этноса, основа народности, но не связывать эти земледельческие оседлые племена, к которым генетически восходит ряд племён Приднепровья, с позднейшими славянами, также не представляется возможным. Несомненно, что создатели «Трипольской культуры» приняли в какой-то мере участие в формировании славянства.

Земледельческие традиции, имеющие глубокие исторические корни в Среднем Приднепровье и сопредельных областях, остатки древних религиозных представлений, свойственных трипольцам, сохранившиеся у позднейших обитателей этих мест вплоть до времён древней Руси (культ матери-Земли, культ быка), сохранение некоторых особенностей материальной культуры и т. п., — всё это генетически роднит трипольцев с земледельческими скифскими племенами, а этих последних — с восточным славянством.

«Трипольская культура» связывала население Приднепровья, с одной стороны, с Западом, с Подунавьем, с протоиллирийцами, с племенами культуры «ленточной керамики», с другой — с Балканами, с протофракийцами, племенами культуры «крашеной керамики», со Средиземноморьем.

Несколько более высокое развитие культуры трипольцев, выделяющее их из числа других неолитических земледельческих племён, объясняется влиянием со стороны древних цивилизаций Восточного Средиземноморья, в частности Крито-Микенской культуры, так ярко сказывающееся на культуре древних фракийских племён.

Со времён Триполья племена Восточной Европы вступают в общение с цивилизациями Восточного Средиземноморья — древнейшего очага человеческой культуры, и попадают в орбиту их влияния.

В силу всего изложенного нет оснований не признавать в трипольцах один из древнейших компонентов славянства и можно вслед за Хвойко, открывшим «Трипольскую культуру», говорить о создателях «Трипольской культуры» как о «протославянах», учитывая, конечно, исторические передвижения и скрещения.

В лесной полосе Восточной Европы, к северу от областей распространения трипольской культуры, обитали племена, отличавшиеся от земледельцев-трипольцев.

Племена лесной полосы Восточной Европы создают культуру «ямочно-гребенчатой керамики» (3000—1000 лет

до н. эры). Эта культура принадлежит рыбакам и охотникам, жившим родами, объединёнными в племена, в поселениях, не знавших укреплений, причём зимой жильём служила землянка, а летом — шалаш. Господствовали матриархальные отношения.

Большинство лесных племён, племён рыболовов и охотников, в дальнейшей своей истории дало литовские и главным образом финно-угорские племена Восточной Европы. Но часть их со временем, в середине I тысячелетия н. эры, смешалась с земледельческими протославянскими племенами, обитавшими к югу и западу от них, и ославянилась. Процесс поглощения малочисленных и слабо связанных друг с другом лесных племён славянами шёл и ранее и позднее (так, например, уже в летописное время обрусели литовское племя голядь и восточно-финские племена меря, мурома и весь), что нашло отражение и в духовной и в материальной культуре (например, сходство керамики славянских городищ так называемого «Роменского типа», распространённых в IX в. на левобережной Украине, явно северного, лесного происхождения, с «ямочно-гребенчатой керамикой», наличие общих элементов в языке, обычаях и т. д.). Это даёт нам право утверждать, что и часть племён лесной полосы является далёкими предками восточных славян.

В более поздние времена, между 2500 и 1800 гг. до н. эры, создаётся земледельческая, так называемая «лужицкая культура», охватывающая земли от Эльбы и Верхнего Дуная до Днепровского правобережья, от Балтики до Карпат на востоке, несомненно связанная с культурой племён позднего Триполья.

Область распределения «лужицкой культуры» совпадает с землями, занятыми славянством уже в исторические времена.

«Лужицкая культура» без какого бы то ни было разрыва связывается с культурой «полей погребальных урн», уже безусловно славянской.

Всё это даёт нам возможность видеть в областях распространения «лужицкой культуры» второй, западный, очаг славянского этногенеза.

Племена «лужицкой культуры» возводили большие городища, окружённые валом и бревенчатыми стенами. Обитаемым служили большие деревянные дома. На некоторых

городищах обнаружены остатки мостовой. Высокого развития достигают земледелие и ремесленная деятельность.

Несомненным для нас является тот факт, что в эпоху позднего неолита и бронзы, на низшей стадии варварства, у ряда земледельческих племён, сохранивших следы древности зарождения у них земледелия и своей этнической близости — в общности земледельческих терминов в их языках, на огромной территории Центральной и Восточной Европы начинают складываться общие черты.

Нет никакого сомнения в том, что славянское единство развивалось на основе древней земледельческой культуры. Тщательный анализ земледельческих терминов во всех славянских языках даёт возможность говорить об их удивительной близости, больше того — о тождестве, несмотря на огромные расстояния, отделявшие славянские народы один от другого. Так, например, термин «жито» от глагола «жить» существует во всех славянских языках в обозначении главного рода хлеба, бывшего основным продуктом питания, и обозначает рожь, ячмень, пшеницу, а у резян — даже кукурузу. Слово «обилие» означает богатство вообще и одновременно урожай хлеба, хлеб собранный, хлеб на корню и хлеб вообще. Слово «брашно» («борошно») означает и имущество, и еду вообще, и, в частности, муку.

Приведённое свидетельствует о том, что у древних славян в эпоху их первоначальной близости земледелие играло решающую роль, так как термины, означающие богатство, имущество, даже самое жизнь, взяты из земледельческой терминологии и обозначают хлеб как главную пищу, имущество и средство к поддержанию жизни.

Кроме того, мы можем сделать вывод о древности земледелия и о тесной связи славянских племён между собой в период зарождения у них земледелия, на что указывает общность сельскохозяйственных терминов.

Название целого ряда злаков тоже носит общеславянский характер — «пшеница» (пшеница), «пшено» (пшено), «овос» (овёс), «зрно» (зерно), лён и др. Общеславянскими терминами являются «орати» (пахать), «сеять», «ратай» (пахарь), «нива», «семя», «роля» (пашня), «ляда», «целина», «угор», «перелог», «бразда», а также обозначения земледельческих орудий: соха, плуг, лемех, рало, борона, серп, коса, грабли, мотыга, лопата.

Такими же общеславянскими наименованиями являются яр, ярина, озимь, озимина, жатва, молотьба, «млин» (мельница), мука, сито, решето, сноп, сено, жернов («жорн»).

Из области огородничества мы могли бы указать на такие общеславянские названия, как горох, сочевица, лук, чеснок, репа, хмель, мак, плевел, полоть.

Сопоставляя термины земледельческого хозяйства с терминами, связанными с рыбной ловлей, характерными для славянских языков, и устанавливая их общность, мы приходим к выводу, что общих слов, относящихся к рыболовству, в славянских языках очень немного (окунь, осетр, угорь, лосось, — причём последние два встречаются и в других европейских языках, — уда, невод, мережа) и выступают они далеко не в таком всеобъемлющем значении, как слова земледельческой терминологии.

А это свидетельствует о том, что в период формирования из пёстрых племенных языков палеоевропейцев славянских языков рыбная ловля не играла решающей роли и главенство в хозяйственной деятельности принадлежало земледелию.

Всё указанное свидетельствует о том, что славянские языки формировались в котле славянской этно- и глоттогонии¹ в землях, население которых не было по преимуществу рыбаками. Бросаются в глаза в то же самое время рыболовческий характер занятий неолитических племён лесной полосы Восточной Европы, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики», и незначительная роль рыбной ловли у оседлых земледельческих племён Триполья и их преемников, которые со своими поселениями даже не выходят на берега крупных рек. Это свидетельствует о земледельческом характере древних протославян, выкристаллизовавшихся из массы палеоевропейских племён в конце неолита. Позднее они, распространяя своё влияние и расселяясь на север и северо-восток, включили в свой состав и, ассимилируя, славянизировали одних потомков племён рыбаков неолита лесов Восточной Европы, создателей культуры «ямочно-гребенчатой керамики», тогда как другие потомки этих племён продолжали развиваться независимо или в очень слабой зависимости от славянства, оформляясь

¹ *Этногония* или *этногенез* (этногенезис) — происхождение народов; *глотогония* — происхождение языков.

В восточно- и западно-финские племена, сохраняющие в своих языках некоторые общие со славянскими элементы, восходящие к речи праевропейцев времён легендарной, доисторической «чуди» былины и преданий.

О земледельческом характере хозяйства славян говорит и древнеславянский календарь, сохранившийся у украинцев, белоруссов, поляков и других славянских народов.

В январе подрубают, секут деревья. Отсюда название месяца — *сечень* (січень, styszen). В следующем месяце они сохнут на корню. Этот месяц называется *сухой* (февраль). Затем сухостой рубят и сжигают на корню, и деревья превращаются в золу. Этот месяц, соответствующий марту, носил название «березозол». Затем идут: *кветень* (апрель), когда травой покрываются луга и поля и наступает первое цветение; *червень* (июнь), *липень* (июль), когда цветут липы и рои диких пчёл усиленно собирают мёд, добываемый в бортиках; *серпень* (польское sierpen) или *жнивень* (август) — начало уборки урожая, когда основным орудием становится серп; *вресьень* (польское wrzesien, т. е. сентябрь), когда начинают молотить (от «врещи» — молотить); наконец, *жовтень* — время, когда в золото одеваются лиственные леса; *листопад* (ноябрь) и *грудень* или *снежень* (декабрь), когда замёрзшая земля превращается в «грудки» (комья) и ровной пеленой ложится снег. Древний календарь славян не вызывает сомнений в том, что земледелие было основой хозяйственной жизни славян во времена седой древности.

Но он позволяет нам сделать и некоторые другие выводы. Во-первых, мы можем утверждать, что древнеславянское земледелие было подсечным и возникло не в степях, а в лесной и лесостепной полосах.

Во-вторых, совершенно очевидно, что областью славянского земледелия в весьма отдалённую от нас эпоху были не юг и не север Европы, а именно центральная лесная и лесостепная полоса, где в апреле буйно зеленеют луга, поля и нивы, где липа цветёт в июне, где в августе убирают созревший хлеб, в сентябре молотят, в октябре желтеет листва, в ноябре падает лист и оголяются деревья, в декабре смерзается земля, ещё не везде покрытая снегом, в январе начинаются трескучие морозы и звенят под ударами топора лесные исполины, в феврале ещё «лютуют» морозы (украинское «лютый», польское luty, т. е. «лютый»), а в марте готовят под пашню выжженный лес, где

едва ли не преобладающим деревом была берёза («березозол», «березень»). Это не дремучие хвойные леса далёкого севера, не южная степь, а область смешанных и лиственных лесов, тянущаяся в центральной полосе Восточной и Средней Европы. Общность земледельческих терминов в различных славянских языках, древний земледельческий календарь, соответствующий чередованию различных сельскохозяйственных работ, — явления очень древнего порядка, реликты давней эпохи. Именно в эту эпоху в Центральной и Восточной Европе зарождаются и развиваются культуры, распространённые там, где позднее появляются славянские племена, и эти культуры, близкие между собой, отличаются от соседних культур.

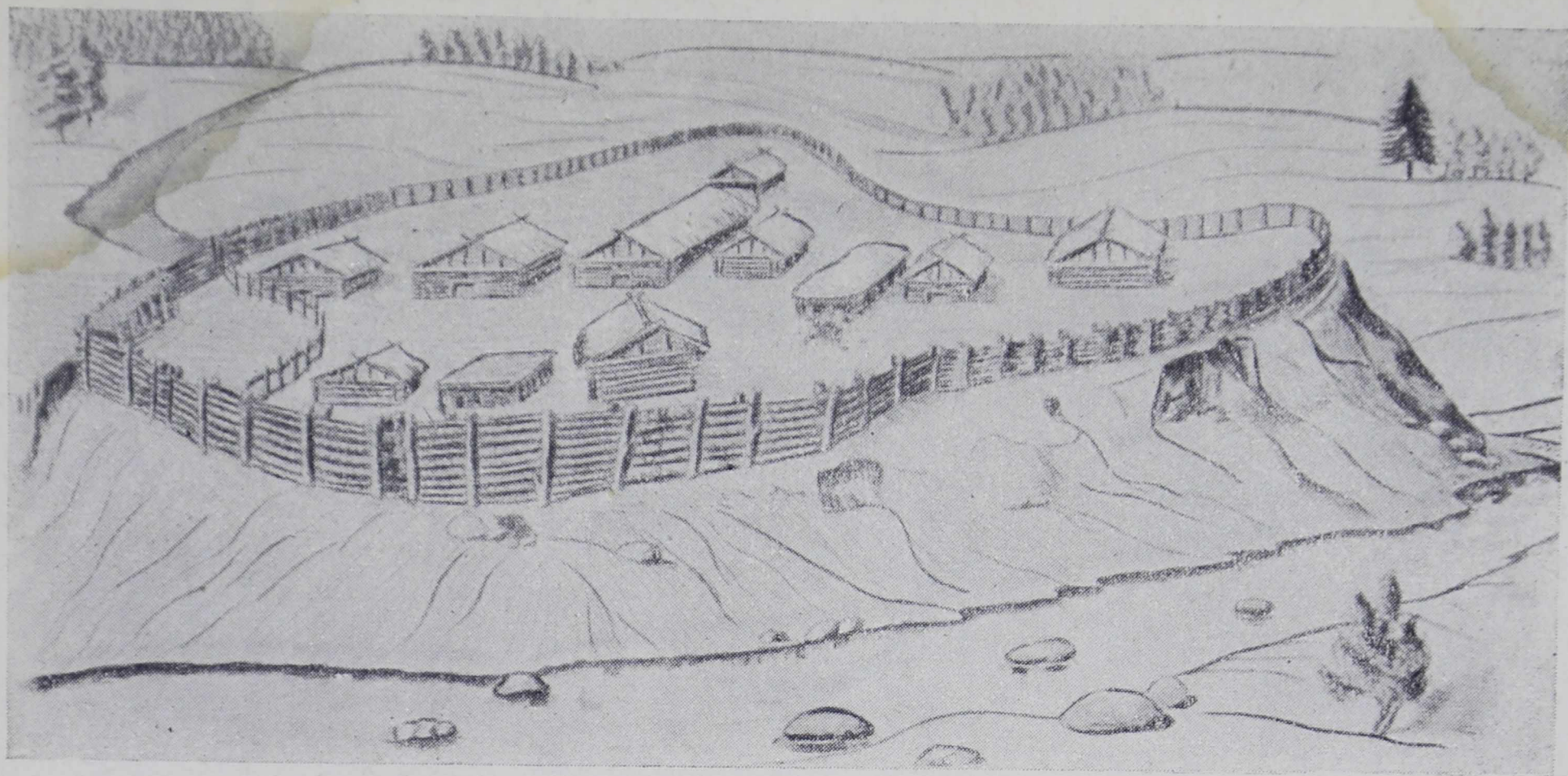
Итак, средой, в которой начинает устанавливаться этническая, т. е. языковая, бытовая и культурная общность, которую можно именовать зарождением славянства, была среда земледельческих племён лесной и лесостепной полос Восточной и, частично, Центральной Европы.

Эта среда возникает на основе однородного типа хозяйства, быта, культуры. Но однородность хозяйства сама по себе ещё не обуславливает этнической общности, и на основе земледелия на огромном пространстве от Атлантики и до Днепровского левобережья развилась разноликая культура многочисленных неолитических палеоевропейских племён.

Различные по хозяйственному укладу племена могут говорить на родственных языках (финны-суоми — земледельцы и охотники и олениводы лопари-саамы, тюрки-кочевники и тюрки-земледельцы и т. п.), а народы, занимающиеся одним и тем же видом хозяйственной деятельности, говорят на различных языках. Примеры подобного рода буквально бесчисленны.

Племена неолита пестры и разнообразны. Они живут изолированно, каждое на своём пространстве, на своей земле, которую оно рассматривает как условие своего существования и охраняет от соседей, в которых чаще всего видит только врагов. Каждое племя говорит на своём языке, придерживается своих обычаев, хотя и сходных с обычаями соседей.

Только на определённой стадии племена начинают объединяться, и устанавливается этническая общность. Причина этого явления заключается в росте населения, в разви-

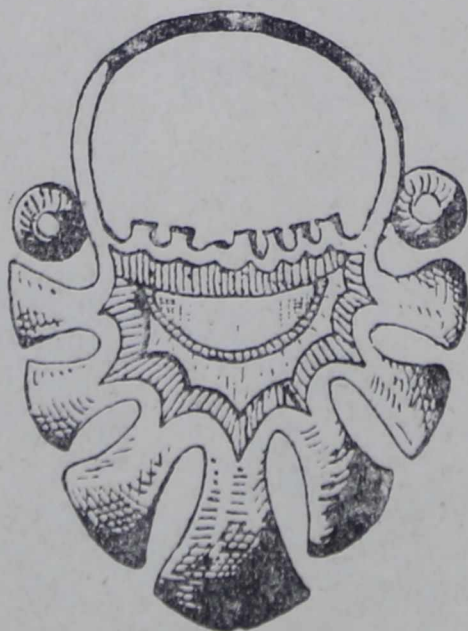

Посёлок на р. Сонохте у деревни Березняки (к стр. 72)

А

Б

В

Височные кольца восточных славян: А) северян, Б) вятичей, В) радимичей (к стр. 87)

тии производительных сил, всё чаще и чаще происходящих мирных и военных столкновениях между различными племенами, в освоении человеком всё большего и большего количества земель, что ставит племена в более тесное соприкосновение друг с другом. Для ведения совместных войн и охраны своих земель и имущества складываются союзы племён. В процессе этих войн пленных перестают убивать. Их берут в род, в племя, и они, естественно, передают победителям элементы своего языка и культуры. В процессе расселения, складывания военных союзов, столкновений, войн и торговли усиливается общение племён друг с другом, и вместе с этим происходит языковое и культурное взаимопроникновение, ассимиляция.

Так представляется нам общий путь складывания крупных племенных образований, в основе которых лежит языковая общность или близость.

Так начало складываться и славянство.

Итак, одна общность занятий (земледелие) ещё не могла сплотить неолитические племена в единый этнический массив. Другие причины должны были побудить славян к объединению. Эти причины носили политический характер.

В то же самое время надо отметить, что общность протославянских племён, установившаяся ещё в эпоху неолита и бронзы, была столь велика, что даже тогда, когда славяне стали объединяться в различные племенные союзы, расселяться и попадали в очаги различных исторических процессов, то общее, что заложено было в них ещё во времена глубокой древности, не исчезло и продолжало сближать далеко разошедшиеся друг от друга славянские племена. Это был первый, доисторический, дописьменный этап формирования славянства.

Огромную роль в образовании славянства сыграли скифы.

В самом деле, что побудило объединиться отдельные племена Восточной Европы? В конце II и начале I тысячелетия до н. эры в черноморских степях происходит выделение кочевых скотоводческих племён. Писатели древности знают их под общим именем скифов или сколотов.

Позже, когда окончательно оформилось «первое крупное общественное разделение труда» и «пастушеские племена выделились из основной массы варваров» (Фр. Энгельс), скотоводы отделились от земледельцев, кочевники от осед-

лых; когда подвижные и воинственные кочевники начали непрерывные нападения на оседлые земледельческие племена, результатами которых был увод скота и рабов, грабёж и насилия, земледельцы принялись за постройку укреплённых городищ, возведение огромных, длинных, так называемых «змиевых», валов и т. п. Так возникли громадные городища скифской поры: Пастерское, Бельское, Матронинское и др.

Они располагаются главным образом, как и ранее, на берегах небольших рек, у оврагов, на дне которых текли ручьи. Интересной особенностью городищ скифской поры является их тяготение к лесным массивам, служившим естественной защитой от враждебных степняков-кочевников. Даже на опушках лесных массивов мы почти не встречаем городищ. Большая площадь городищ, обнесённых валом и рвом, и достигающая нескольких тысяч гектаров, представляет собой целый заселённый район с поселением из землянок, полуземлянок и наземных жилищ, с обработанными полями, площадкой для скота и т. д. У скифских земледельческих племён существовало плужное земледелие. Возделывались просо, пшеница, лук, чеснок, лён, конопля. Несмотря на господство земледелия, у скифских земледельческих племён большую роль играло скотоводство. Орудия труда изготовлялись из меди, бронзы, а позднее и железа.

Скифские городища довольно многочисленны, и от Днестра и Припяти до Северного Донца их насчитывается более сотни.

Древнегреческий писатель Геродот, «отец истории», посетивший Северное Причерноморье в V в. до н. эры, говорит о том, что к северу и западу от кочующих скифов живут скифские и не скифские оседлые земледельческие племена.

В 10—11 днях пути от низовьев Днестра, т. е. на территории современных Запорожской, Днепропетровской, Киевской и Полтавской областей, он помещает скифов-пахарей.

Земледельческие племена занимают обширную территорию от Бессарабии и Днестра до Северного Донца.

Выделение воинственных кочевых племён, занявших причерноморские степи и постоянно нападавших на живших к северу и северо-западу оседлых земледельцев, по-

будило этих последних для борьбы со степняками создать целую укрепленную линию, состоящую из длинных валов и огромных городищ, тянущуюся на сотни километров. Создание такой укрепленной линии было под силу только племенным объединениям. Следовательно, времена скифских земледельческих племён (VIII—VII вв. до н. эры и до III—II вв. до н. эры), когда земледельцы боролись с кочевниками, прорывавшимися до Припяти, Польши и Восточной Пруссии, были временами укрепления тесных межплеменных связей, а следовательно, временами установления языковой, культурной и бытовой общности. Это был большой диалектический скачок в процессе славянского этногенеза, первый этап формирования славян из аморфной массы палеоевропейских племён. Генетическая связь в городищах скифской поры культурных слоёв эпох скифской и киевской, отсутствие указаний на смену населения этих городищ, сходство обычаев, верований, вещественных памятников, произведений искусства, наконец, самого антропологического типа скифов и древних русских, связи скифских языков с славянскими, конкретно, русскими, показанные Н. Я. Марром, — всё это говорит о том, что вклад скифских земледельческих племён в славянство очень велик, как велик и вклад скифской культуры в древнерусскую культуру.

Как показали раскопки ряда городищ скифской поры в среднем Приднепровье, особенно на территории Киевщины, как то: Жарища, Матронинского, Великобудского и др., они были обитаемы от времён скифов и до периода расцвета Киевского государства. Вскрытая раскопками эволюция культуры земледельческого населения ведёт от земледельческой скифской культуры к культуре «полей погребальных урн» времён готов, гуннов и антов, причём обе они генетически тесно связаны и последняя является дальнейшим развитием первой, затем к культуре VII—VIII—IX вв., за которой укрепился термин «раннеславянской», и, наконец, всё это покрывается слоями культуры Киевской Руси XI—XII вв.

Культура земледельческих племён скифской поры как бы незаметно перерастает в культуру «полей погребальных урн» (о которой речь будет далее), уже безусловно славянскую, и перерастает без каких бы то ни было указаний на смену населения.

Не представляет исключения и сам Киев, на территории которого не раз находили скифо-сарматские, греческие и римские вещи: керамику, римские монеты, бронзовые и железные изделия и т. п., остатки культуры «полей погребальных урн» и, наконец, вещи «раннеславянской» поры, что свидетельствует, между прочим, о возникновении Киева как поселения ещё в первые века нашей эры.

В народном искусстве древней Руси продолжают традиции скифо-сарматского искусства (терракоты, «черпала», вышивки, в частности, вышивки, изображающие коней и богинь, и т. д.).

Внешний облик скифа (так, как он представлен в изображениях) также имеет поразительное сходство со славянским, русским типом.

В религиозных представлениях древних славян длительное время сохраняются пережитки скифо-сарматских религиозных представлений.

Поэтому мы можем утверждать, что потомки трипольцев — скифские земледельческие племена Приднепровья — могут одновременно считаться одним из предков восточных славян — протославянами, при этом протославянами, не порвавшими связи с западным, повислинско-прибалтийским очагом славянского этногенеза.

В этногенез восточного славянства включились и другие племена.

Это были невры, о которых говорит Геродот и память о которых сохранилась в топонимике западных областей древней Руси.

Между Вислой и Западным Бугом, а быть может, и дальше на восток до Днепра лежали земли невров. Никаких сдвигов населения на этой территории нельзя отметить на протяжении двух-трёх тысячелетий и во всяком случае от Геродота и до времени Киевского государства.

Геродот сообщает только о передвижении невров на восток, в земли будинов, которых исследователи считают протофиннами, и это, быть может, первое глухое упоминание о расселении славян на восток, в земли древних финских племён.

В Заднепровье среди финских наименований встречаются и чисто славянские, например, Десна, причём название левого притока Днепра «Десной» заставило исследователей

говорить о расселении славян по левобережью из среднего Поднепровья на север, вверх по течению Днепра. Характерно то обстоятельство, что земледельческие племена древних культур (Трипольской, «полей погребений») почти не занимали левый берег Днепра, а если и обитали здесь, то главным образом на среднем течении.

Имя неvroв отложилось в топонимике края.

По течению Западного Буга, где ещё в XVI в. лежала «Нурская земля», струятся Нур, Нурец и Нурчик. Здесь когда-то жили неvры и в летописные времена народ «нарицаемии Норци, иже суть Словене».

Эти неясные указания, вера в волков-оборотней, почитание змей связывают геродотовых неvroв с литовским и западнорусским населением этого края летописных и более поздних времён.

В состав славянства вошли несомненно и племена Придунайских земель, которых древние греки называли гетами, а римляне — даками. Не случайно Феофилакт Симокатта упорно называет славян гетами, подчёркивая, что так именовали славян в древности, а на изображениях знаменитостей Траяновой колонны, поставленной в честь покорителя Дакии, римского императора Траяна, среди фигур, изображающих покорённых обитателей Дакии, встречаются фигуры «варваров» со славянским типом лица, причёской, одеждой и т. д.

В течение длительного процесса формирования славянства в него включились и другие племена. Несомненно в состав славянства вошли лугии, жившие на территории современных Лужиц (Восточная Германия), частично кельты (Карпаты и Закарпатье), фракийцы, иллирийцы (Подунавье и Балканы), прафинские и пралитовские племена севера.

Процесс расширения очага славянского этногенеза, в который включаются различные племена, постепенно сливающиеся с протославянами в единый славянский массив, находит отражение в распространении на обширной территории культуры «полей погребальных урн». Так как в первых письменных источниках эта территория выступает в основном как область расселения славян, то и культуру «полей погребальных урн» мы считаем славянской.

Культура «полей погребальных урн» возникает в Поднепровье около н. эры. Несколько раньше она появляется в западных областях Центральной Европы, в районах древней

«лужицкой культуры», т. е. в тех местах, где ещё в конце неолита и в эпоху бронзы наметилась культурная общность, которую мы вправе назвать этногенезом протославян.

«Поля погребальных урн» охватывают Бранденбург и Лужицы, где доходят до Эльбы, северную Чехию, Моравию, Познань, Закарпатье, Галицию и Польшу. В Восточной Европе они распространены на Волыни, среднем Приднепровье, где «поля погребений» выходят частично на левый берег Днепра у устья Десны и южнее, в Полтавской области; в бассейне Западного Буга, где они встречаются восточнее и севернее Бреста до Гродно, а на северо-востоке северные «поля погребальных урн» доходят до верховьев Днепра.

Несмотря на сравнительно широкое распространение «полей погребальных урн» в Восточной Европе, основными их центрами на востоке являются Приднепровье и Западная Украина, где (в Чехах и Поповке) находятся древнейшие её очаги, восходящие к неолиту и бронзе.

В лесостепной полосе Украины нанесён на карту 161 пункт находок «полей погребальных урн», датируемых только I—IV вв. н. эры. Большое количество «полей погребений» датируется несколько более поздним временем.

Ничем не выделяющиеся над поверхностью земли «поля погребальных урн» обнаруживаются с трудом. Они представляют собой кладбища, состоящие иногда из 600 и более индивидуальных погребений. Для культуры «полей погребальных урн» характерны сочетание труположения с трупосожжением и наличие урн с прахом и вещами, поставленных на глиняной площадке, напоминающей площадки Триполья. Инвентарь бедный, однообразный и состоит главным образом из фибул, шпилек, бус, гребешков, подвесок, пряслиц, пряжек и т. п. Из орудий труда попадаются серпы. Оружие не встречается вовсе. Из импортных вещей попадают стекло, краснолаковая посуда, серебряные и бронзовые украшения, морские раковины. Нередки находки римских монет.

Период зарождения и развития культуры «полей погребальных урн» был временем, когда Центральная и Восточная Европа, населённые пёстрыми по культуре многоязычными племенами, находились под влиянием Рима, когда границы могущественной Римской империи в задунайской Дакии простирались на севере до Карпат, а на

востоке до низовьев Днепра, когда вместе с вовлечением в торговлю с Римом, с античными городами Причерноморья и Подунавья на север проникали не только римские изделия, украшения, драгоценности и монеты, обнаруживаемые вкладах древних славянских земель эпохи великого переселения народов, но и римское влияние. Торговля с Римом варварских племён, создавших культуру «полей погребальных урн», способствовала дальнейшему разрушению их первобытной изолированности, начавшемуся ещё в эпоху позднего неолита и бронзы, их сближению между собой, втягивала в орбиту влияния Рима, создавала близость варварских племён между собой. Римское влияние шло не только по линии экономических связей; оно способствовало проникновению римской культуры в среду варварских племён. Этим влиянием объясняются предание о Трояне (под Трояном подразумевается покоритель Дакии римский император Траян), коляды и русалии, трансформировавшие древнеславянских «берегынъ» в русалок, заимствование у римлян русскими меры сыпучих тел — «четверти» (26,24 литра), полностью соответствующей римскому «квадранту» (26,24 литра), появление местных подражаний римским фибулам, римской чёрной лощёной посуде и т. д. В борьбе с Римом складывались, рассыпались и вновь складывались обширные объединения варварских племён, в которых деятельное участие приняли славяне, начавшие эпоху политического объединения славянства, — дальнейший шаг по пути славянского этногенеза.

Так на рубеже двух эр на огромной территории от Левобережья Среднего Днепра до Лабы (Эльбы), от Поморья (Померании), Лужиц и Бреста до Закарпатья, Поднепровья и Нижнего Днепра в процессе объединения племён, языков и культур на древней местной «прото»-или «праславянской» основе начинает складываться собственно славянство.

Я считаю необходимым подчеркнуть этот термин — «собственно славянство», так как процесс складывания этнически однообразных массивов на древнейших стадиях (Триполье, «лужицкая культура», культура скифов-пахарей), в силу архаических форм объединения может быть назван процессом складывания «прото»-или «пра-славян», тогда как во времена «полей погребальных

урн» славянство в собственном смысле этого слова выступает уже в исторических источниках.

Этногенез славянства распадается на ряд этапов, отличающихся между собой тем, что каждый последующий этап имел место во времена более высокого уровня развития производительных сил, производственных отношений, быта и культуры, что и определило более совершенную стадию этнического объединения. Культура «полей погребальных урн», уже несомненно раннеславянская, подвергшаяся значительному воздействию римской цивилизации на всей территории распространения «полей погребений», характеризуется высоким развитием производства, социальных отношений, быта и культуры. Господствуют плужное, пашенное земледелие, высокоразвитое ремесло с гончарным кругом, а наличие в трупоположениях более богатого инвентаря по сравнению с инвентарём трупосожжений свидетельствует об имущественной дифференциации, характерной для высшей степени варварства, для эпохи «военной демократии».

К сожалению, до сих пор плохо изучены поселения культуры «полей погребальных урн». Повидимому, основным типом поселения были открытые «селища», хотя создатели «полей погребений» продолжали обитать и в огромных древних скифских городищах: Пастерском, Матронинском, Великобудском. Появляются и небольшие городища типа Кременчугского, Кантемировского и др. Но были ли их создателями те, кто хоронил своих покойников на «полях погребений», — сказать трудно.

Культура «полей погребальных урн» в значительной степени отличается от культуры этого же периода времени, распространённой в верховьях Днепра, Волги и Оки, где позднее мы находим северные восточнославянские племена. Поэтому можно с уверенностью сказать, что процесс возникновения славянства в более южных и западных областях Европы, где оно выступает в I—VII вв. под названием «венедов», «славян» и «антов», начался раньше, чем на севере. Но о племенах северной части Восточной Европы мы будем говорить далее, в связи с вопросом об антах.

Итак, мы должны констатировать, что в первые века новой эры процесс этногенеза славян протекает чрезвычайно быстро и в яркой форме. В этот процесс включа-

лись и племена, в эпоху неолита и бронзы чуждые протославянской культуре, становясь таким образом славянами, так же точно, как отдельные племена протославянской группы могли быть позднее поглощены соседями и ассимилироваться в их среде, что тем более понятно, если учесть сравнительно слабую заселённость лесных пространств, где часто племена различной этнической принадлежности сидели чересполосно, взаимопроникая в земли друг друга. Но племена, попавшие в основной, главный очаг славянского этногенеза, границы которого мы очертили ранее, несомненно, могут считаться создателями славянского этнического типа.

В процесс формирования славянства включились различные племена, причём не они поглотили славян, а славяне растворили их в своей среде, так как одни из них сошли со сцены очень давно (кельты), другие были разгромлены (гето-дакийцы), третьи перенесли центр тяжести своей политической деятельности на запад (германцы), четвёртые, отсталые, малочисленные и рассеянные на огромном пространстве (угро-финны и балтийцы), сами подпали под влияние славян.

В качестве примера приведём так называемую «липицкую культуру» (от с. Липица Горна Рогатинского района Западной Украины), представляющую собой местный вариант культуры «полей погребальных урн».

Липицкая культура, с одной стороны, сближается с культурой земли гетов, древней Дакии (Румыния, Венгрия) раннеримского периода, с другой — перерастает в раннеславянскую культуру. В это время (III—V вв. н. эры) начинают сливаться два очага этногенеза восточных славян — Прикарпатский и Среднепетровский. В процессе этого слияния ославяниваются остатки гето-дакийских, кельтских, скифских и сарматских племён, и далёкие потомки тех, кого греки называли гетами, а римляне даками, бессами, костобоками и т. д., выступают уже в качестве юго-западной ветви восточнославянских, русских племён.

Наличие в древней Дакии римской поры славянской топонимики (Patissus—Потиссье, Pistra—Быстра, Быстрица, Tsierna — Чёрная и т. д.), находка древнегреческой надписи «dzoapan» — жупан, антропологический и этнографический тип варвара Дакии подтверждают наши предположения.

Таковы составные части славянства по археологическим данным.

Вполне понятно, почему своё рассмотрение вопроса о происхождении славян мы начали с рассмотрения памятников материальной культуры.

Ещё до того, как писатели древности впервые упомянули о венедах, славянах и антах, за столетия и даже тысячелетия до н. эры, на обширной территории начинаются процессы, приведшие к образованию племенных массивов, которые складываются в землях исторических славян.

Если материальную культуру славянских земель эпохи письменных источников мы можем безоговорочно считать славянской, то, анализируя пути её сложения и её истоки, мы можем проследить и те протославянские элементы, из которых она сложилась в результате длительного и сложного развития, и то исчезновение частных, локальных, а следовательно, племенных признаков, которые столь характерны для глубокой древности, и нарастание общих, которое не оставляет сомнения в том, что племена однородной культуры складываются в этническое образование нового типа — славянство.

С начала н. эры о славянах говорят и письменные источники.

В Певтингеровых таблицах — дорожнике, составленном в самом начале н. эры при императоре Августе, дважды упоминается племя венетов, соседей бастарнов, обитавших на Карпатах, и гетов и даков, занимавших низовья Дуная; дважды потому, что, очевидно, дорога два раза проходила через их землю. Певтингеровы таблицы — один из первых источников, говорящих о венедах.

В «Естественной истории» Плиния Старшего, жившего в I в. н. эры, мы читаем: «Некоторые писатели передают, что эти местности, вплоть до реки Вистулы (Вислы), заселены сарматами, венедами, скифами, гиррами».

В «Германии» Тацита также говорится о венетах или венедах: «Здесь конец страны свевов. Относительно племен певкинов, венетов и финнов я не знаю, причислять ли мне их к германцам или сарматам... Более похожи венеты на сарматов по своим нравам и обычаям».

Ещё одно упоминание о венедах мы имеем в «Географии» Птолемея: «Сарматюю занимают очень большие

племена: Венеды вдоль всего Венедского залива; на Даккии господствуют певкины и бастарны; по всей территории, прилегающей к Меотийскому озеру, — языги и роксаланы; в глубь страны от них находятся амаксобии и аланы — скифы».

И это не первые упоминания о венедах. О венедах знали в классической Греции. Так, например, Геродот сообщает о том, что янтарь привозят с реки Эридана от енетов (венетов). Софокл (V в. до н. эры) знал, что янтарь доставляют с севера, с берегов Северного океана, добывая его в какой-то реке у индов. В енетах (венетах) и индах V в. до н. эры не трудно усмотреть виндов или венефов.

Сравнивая и сличая скудные свидетельства древних авторов, мы можем сделать вывод, что венеды обитали к северу от Карпат до Балтийского моря («Венедского залива»). Оттуда северная граница расселения венефов шла на восток вдоль полосы озёр и болот к Нарове и Припяти и на запад заходила за Вислу к Одере. Южная граница венефов от северных склонов Карпат шла на восток вдоль лесостепной полосы, в юго-западной части которой венеды были соседями даков, а в юго-восточной — сарматов.

Что под термином «венеды» скрываются славяне, не вызывает никаких сомнений.

Если для Плиния, Тацита и Птоломея венеды — малоизвестный народ далёкого севера, а Тацит откровенно сознаётся в своей неосведомлённости по поводу того, к кому из известных римлянам народов — германцам или сарматам — их причислить, высказавшись всё же, после некоторых колебаний, в пользу близости венефов по нравам и обычаям к сарматам, то более поздние писатели, познакомившиеся со славянами и антами во времена их вторжения в пределы Византийской империи, не колеблясь, считают венефов древним названием славян и антов.

Историк готы Иордан, писавший в VI в., указывает: «От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венефов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племён и местностей, однако, главным образом они именуются склавинами и антами». И далее: «Они (славяне. — В. М.), как мы установили в начале изложения, именно в перечне

народов, происходя из одного племени, имеют теперь три имени: т. е. венеды, анты и склавины».

Венедами называли славян и позднее. Так, Алкуин говорит о «славянах, которых мы называем венедами». О «венедах» и их реке Висле говорит так называемая «Песня английского путника» (VIII — IX вв.). Немцы и по сию пору называют славян «вендами», а финны — «венейя».

Никаких следов языка венедов в письменных источниках мы не обнаруживаем. Никаких слов, никаких имён собственных писателей древности нам не сохранили.

Тем большее значение приобретает топонимика — «язык земли».

Речь древнейшего населения отложилась в названиях рек, озёр, болот, гор, лесов. Так, например, если «дон» по-осетински (осетинский язык принадлежит к иранским языкам) означает «вода», то это значит, что название реки Дона дано было сарматами, среди которых были иранцы.

Так же точно название озера «Селигер» объясняется из финских языков, в которых оно обозначает «рыбное озеро» (или «изрезанное озеро», «озеро уклейки»).

В русском же языке эти слова — лишь набор звуков, ассоциируемый с определённым географическим пунктом.

Это означает, что оба названия даны не русскими, не славянами и область Дона и Селигера была заселена славянами поздно и они восприняли эти названия от населения с иной речью, древнейшего населения данных областей.

Там же, где текут Припять, Бобр, Десна, Березина, Вепрь, — там издавна обитали славяне.

Если мы обратимся к «языку земли», то увидим, что почти по всей территории распространения культуры «полей погребальных урн» господствует славянская топонимика.

На всём пространстве от Поморья, Лужиц, Силезии до Заднепровья и Полесья, от низовьев Вислы до Карпат и даже Закарпатской низменности тянутся земли, по которым текут Десна и Припять, Березина и Тетерев, Бобр и Вепрь, где такие наименования, как Болотница, Бродница, Гнилая, Добра, Ельня, Комар, Яблонца, Быстрица, Лозница и т. п., встречаются повсеместно.

К северу от Припяти тянутся земли, где встречается смешанная славяно-литовская и литовская топонимика

(Упа — литовское «река», Жиздра — лит. «песок», Нара — лит. «петля», Обща — лит. «ольховая» и т. д.).

Близость и созвучность языка древнейшего населения Ясельды, Немана и Нарева — протолитовцев и славян — результат того времени, когда речь племён, населявших этот край, ещё не была ни славянской, ни литовской, но заключала в себе зародыши той и другой. Это была эпоха венецов Плиния, Тацита и Птолемея.

Литовские наименования встречаются далеко на востоке и северо-востоке. Ещё дальше, в верховьях Днепра, Оки, Волги и далее на восток топонимика, как правило, финно-угорского происхождения.

Характерно, что область распространения топонимики такого рода в основном совпадает с границей распространения в неолитическую эпоху культуры охотников и рыбаков, создателей «ямочно-гребенчатой керамики». Когда мы говорим о топонимике финно-угорского происхождения, то имеем в виду, конечно, не современные исторические финские народы и не современную речь восточных финнов.

В «языке земли» Восточной Европы отложилась речь древнейшего населения. Это были палеоевропейцы, сложный комплекс разноязычных племён, следы речи которых сохранились и в топонимике и в языках финских племён севера Восточной Европы, и в языках литовских, и в языках славянских племён. Но север и восток Восточной Европы были очагом этногенеза финно-угорских племён, тогда как северо-запад — литовских, а запад, центр и юго-запад — славянских племён. Поэтому в одних местах превалирует славянская топонимика, так как более устойчивыми при данных исторических условиях оказались те элементы в доиндоевропейской и дофинно-угорской речи палеоевропейцев, которые были исходно-славянскими, в других — финно-угорская, так как здесь шёл процесс формирования из древних языков финно-угорской речи, и поэтому, естественно, сохранились те их элементы, которые были близки к исходно-финно-угорским и т. д.

Исходя из анализа «языка земли», мы приходим к выводу, что славянская топонимика земель от Одры и Лабы до Десны и Сожа — очень древнего происхождения. В ней, как в зеркале, отразился древнейший этап истории славян.

В однообразных названиях рек и озёр, гор и лесов древнее население сохранило память о себе, о своей культуре, своих обычаях и религиозных верованиях. Это население было славянским. Постепенно славянская топонимика охватывает всё новые и новые земли, распространяется на север и северо-восток, на запад и юг. Это свидетельствует о расселении славян и о включении в очаг славянского этногенеза племён с иной в прошлом, не протославянской речью и культурой (лугии, частично кельты, восточные германцы и гето-фракийцы на западе, финно-угорские и литовские племена на востоке, в частности, в более поздние времена, голядь, меря, весь, мурома и др.).

Так расширяется круг предков славян. Этот процесс усилился в эпоху вторжений славян в пределы Византийской империи, в период их расселений на запад, на север и восток, всколыхнувших весь славянский мир, когда древнейший очаг славянского этногенеза в Восточной Европе включил в орбиту своего влияния, а следовательно, и в процесс формирования славянства протославянские племена верховьев Днепра, Оки и Волги.

Период «бури и натиска» славян, сплавивая их в войнах и походах на Византию, в то же самое время был эпохой расселения славян, расчленения и отпочкования племён, дифференциации славянских языков и культур, т. е. эпохой не только объединений и схождения, но и расхождений и изоляции, которые привели славян на побережье Адриатики и на верховья Волги, на берег Финского залива и на Балканы и обусловили формирование новых племенных языков, зарождение местных культурных и бытовых особенностей славянских племён, всё более и более отличающихся друг от друга.

Это было в середине I тысячелетия н. эры.

Так разрешает современная наука сложный и очень важный для понимания древнейшей истории русского народа вопрос о происхождении славян.

ГЛАВА III

АНТЫ. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА И РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Около середины I тысячелетия н. эры происходит обособление восточнославянских племён, известных нам по источникам VI—VII вв. под наименованием антов.

«От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов. Хотя названия их изменяются теперь в зависимости от различных племён и местностей, однако, главным образом, они именуются склафинами и антами.

Склавины живут от города Новиетуна (Новиедуна. — В. М.) и озера, которое именуется Мурсианским, до Данастра, а на севере до Вислы. Место городов занимают у них болота и леса. Анты же, храбрейшие из них, живя на изгибе Понта, простираются до Данапра. Реки эти отстоят друг от друга на много дневных переходов».

Так говорит об антах и славянах историк готов Иордан. От Черноморского побережья у Лукоморья (Угла) и Днестра до Днепра простираются, по Иордану, земли антов — храбрейших из всех славянских племён.

Прокопий Кесарийский, живший, как и Иордан, в VI в. н. эры, в царствование византийского императора Юстиниана, несколько расширяет территорию расселения антов. Он говорит о славянах и антах, «которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега». В другой части своего произведения «Готская война» Прокопий снова возвращается к вопросу о границах земли антов, которые он расширяет на восток, за Днепр, где, по его свидетельству, «занимают земли бесчисленные племена антов».

О расселении славян и антов вплоть до низовьев Дуная сообщает и третий автор VI в. Я имею в виду Мав-

рикия или Псевдо-Маврикия. В своём «Стратегиконе», говоря о славянах и антах, он указывает, что «их реки вливаются в Дунай».

Свидетельства писателей древности дают нам возможность говорить о том, что анты занимали земли от гирл Дуная до Днепра и далее на восток, где границы их расселения точно установить трудно.

Здесь, на востоке, анты соприкасались с кочевыми и полуседлыми племенами, обитавшими в лесостепной и степной полосе Дона и Донца. Эти племена были остатками сарматских племён, среди которых были и иранцы, и яфетиды (народы, близкие современным черкесам, чеченцам, ингушам и т. д.), и тюрки.

Их связи с антами прослеживаются и в языке (русско-яфетических, русско-иранских, русско-древнетюркских речевых связях), и в материальной культуре (скифо-сарматские элементы в русском народном творчестве), и в религиозных представлениях (иранское слово «Хуршид» — солнце — в русском языке стало обозначать бога солнца — Хорса, древнерусское божество Симаргл сохранился от времён сарматов-иранцев и т. д.).

Возможно, что здесь, у Донца, анты входили в состав сарматских политических племенных объединений. Северная граница антов нам неизвестна, но можно думать, что та часть «бесчисленных племён антов», которая была известна писателям раннего средневековья, вряд ли обитала далеко к северу от лесостепной полосы.

В «Истории Лангобардов» Павла Диакона, использовавшей древнее сказание остготов о начале лангобардов¹ говорится о «крае» (или «земле») антов — «Anthaiß».

Где же была «земля антов»?

Если обратиться к памятникам материальной культуры, которые в науке принято считать антскими, то следует отметить, что основным ядром земли антов было среднее Поднепровье: оба берега Днепра от Припяти до порогов, Подесенье, Посеймье, течения Псла, Сулы и Ворсклы. Отдельные островки антской культуры доходят до Воронежа на Дону, до Харькова и, наконец, до Херсона на Нижнем Днепре.

В результате рассмотрения и сопоставления приведён-

¹ Остготы и лангобарды — германские племена.

ных выше источников мы можем, наконец, установить границы «края антов». «Край антов» окажется лесостепной полосой, которая от Днепра к Бугу и Днестру и далее к Дунаю спускается всё южнее и южнее, почти до самого берега Чёрного моря. Отсюда, от гирл Дуная и побережья Чёрного моря, южная граница «края антов», направляясь на северо-восток, пересечёт Днестр, Буг, выйдет к Днепру южнее Киева, а оттуда лесостепь, заселённая «бесчисленными племенами антов», потянется к Полтаве, Харькову, Курску и Воронежу. Анты живут и южнее, в степи, на нижнем течении Днепра, возможно, и восточней, но степь освоена ими мало. Так рисуется нам «земля антов» по скудным, скупым и немногочисленным, но, в силу этого обстоятельства, чрезвычайно ценным источникам раннего средневековья.

Кем же были анты?

Нет никакого сомнения в том, что писатели VI — VII вв., прекрасно знавшие и славян и антов, уже в силу хотя бы того обстоятельства, что военная мощь славянских и антских племён Дамокловым мечом нависла над Византийской империей, считают и тех и других потомками одного племени — венедов.

Иордан говорит о славянах и антах как о двух главнейших ветвях «многолюдного племени венедов».

Для Иордана, жившего в Мизии, современника и свидетеля опустошительных набегов славян и антов на византийские земли, не было никаких сомнений в том, что славяне и анты — родственные, близкие друг другу группы племён, носившие ранее название венедов, которое продолжало обозначать то славян в целом, то определённую, главным образом западную, группу славян.

Отмечая родство славян и антов и подчёркивая, что «... обоих этих вышеназванных варварских племен вся жизнь и узаконения одинаковы», Прокопий говорит: «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же».

Прокопий указывает: «У тех и других (т. е. у славян и антов. — В. М.) один и тот же язык, довольно варварский, и по внешнему виду они не отличаются друг от друга».

Подтверждение этому мы находим в «Стратегиконе»: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе».

В свете приведённых выше свидетельств мы можем установить не только область расселения «бесчисленных племён антов» на протяжении лесостепной полосы от низовьев Дуная до Дона, имеющей более или менее однородные физико-географические природные условия, фауну, флору, но и притти к выводу о формировании на указанной территории не только в силу географических, но и исторических условий, особой группы славянских племён. Это были анты, ближайшие предки восточнославянских, русских племён.

Анты являются восточными славянами, непосредственными предками русских.

Антские имена собственные, дошедшие до нас в латинизированной или эллинизированной форме, звучат как чисто славянские имена. В них характерное для русской речи полногласие: Доброгаст (или Доброгост), Всегорд, Хвалибуд, Мезамир (Межамир), Идар, Келагаст, Бож. Верования (культ «бога, творца молний», по Прокопию, т. е. Перуна, сохранение в русских погребальных обычаях некоторых особенностей обычаев эпохи «полей погребальных урн»), сходство и генетическая связь вещественных памятников (украшений, посуды и т. п.), сходство поселений и жилищ (жилища с ходами, поселения на берегах рек и у края болот) и т. д. сближают антов и русских.

Некоторые обряды антов, сохранившиеся у древних русских, уводят нас в седую даль времён, ко временам трипольцев, и являются соединительным звеном между Трипольем и русскими времён Киевского государства (культ быка трипольцев — обычай принесения в жертву богу грозы быков у антов — остатки этого же культа в языческих верованиях древних русских).

Древнейшему этапу истории антов соответствует культура «полей погребальных урн» и более поздние, близкие к ней, памятники VI—VII вв., центром которых было среднее Приднепровье.

Анты — не единый народ.

На отсутствие полного единства антских племён указывает наличие местных особенностей в материальной культуре и погребальных обычаях (трупоположение и трупосожжение) — типичный признак этнической пестроты. Но эта последняя всё же не столько отрицает, сколько под-

тверждает факт начавшегося процесса этногенеза восточных славян ранней, антской, ступени формирования.

О жизни и быте антов мы узнаём, главным образом, из произведений писателей VI века Прокопия, Маврикия, Менандра и Иордана. Им мы и предоставим слово.

Говоря о славянах и антах, Маврикий (Псевдо-Маврикий) замечает: «Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, что и естественно, опасностей».

Прокопий дополняет его рассказ: «Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства». Это же подтверждает и Маврикий своим замечанием о том, что «они... (славяне и анты. — В. М.) ведут жизнь бродячую».

Свидетельства обоих писателей древности во многом подтверждаются материалами археологии. Славяне и анты, действительно, живут в лесах, у рек, болот и озёр. Если мы возьмём карту городищ и могильников антской поры и даже более позднюю, восточнославянских поселений VIII—X вв., и наложим её контуры на карту распространения лесов в Восточной Европе, то в южной своей части они почти полностью совпадают. В открытую степь поселения антов выходят редко. Антские и собственно восточнославянские поселения, естественно, группируются у рек, болот и озёр, так как, во-первых, это были труднодоступные места, и, как правило, избираемые славянами для жительства правые, высокие и холмистые, покрытые лесом, берега рек были, как и болота и озёра, естественными укреплениями; во-вторых, река кормила рыбой, река давала дичь, на реках били бобров и выдр, на речных поймах заливных лугов пасли скот, реками пользовались как средством передвижения, у рек и озёр лежали и возделанные поля, так как в чащу дремучего леса славянин-земледелец заходил в те времена редко.

Но как примирить указания и Прокопия и Маврикия на бродячий образ жизни славян и антов с оседлым земледельческим бытом славянства той поры, как он рисуется нам по памятникам материальной культуры? Прежде всего нужно отметить, что Маврикий говорит об антах, как о земледельческом оседлом народе: «У них большое количе-

ство разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы».

Обратимся к памятникам материальной культуры.

Говоря о памятниках материальной культуры, которые могут быть определены как принадлежащие антам, мы, естественно, будем называть антскими все те из них, которые связаны с культурой «полей погребальных урн». Бытование этой культуры в среднем Приднепровье и в сопредельных областях в I—VI вв. н. эры, т. е. во времена антов, её связи с позднейшею собственно славянской культурой дают возможность признать антов её создателями.

Археологические раскопки по берегам рек киевского Полесья выявили наличие исключительно одних селищ — остатков открытых неукреплённых поселений среди памятников I тысячелетия н. эры. Ни одного городища этой поры не было обнаружено. Селища очень невелики по размерам и имеют незначительные культурные наслоения. Повидимому, в это время в лесной части среднего Приднепровья люди селились в древности совсем маленькими посёлками. Южнее, к границам лесной полосы, размеры селищ возрастают. Жилищем в открытых поселениях времён «полей погребений» служила полуземлянка с крышей, возвышающаяся над поверхностью земли. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что во времена антов славянское население среднего Приднепровья и сопредельных областей обитало в небольших открытых поселениях, что свидетельствует о мирном быте обитателей поселений времени «полей погребальных урн». Но обращают на себя внимание антские слои и в огромных городищах Приднепровья. На громадных, достигающих 35—45 тысяч кв. метров, городищах: Жарище, Матронинском и др. обнаружены слои V—VII вв. с вещами, принадлежность которых антам не вызывает сомнений. Высокий вал городища Жарище был обнесён деревянным частоколом из брёвен. Целая система валов и рвов окружает другие городища. Наряду с большими городищами встречаются менее крупные, площадью в 4—5 тысяч кв. метров, располагающиеся обычно на высоких, крутых берегах рек, обведённые валом и рвом. Укреплённые поселения антов говорят о войнах, о вступлении антов с течением времени в высшую стадию варварства, в эпоху военной демократии.

Внутри городищ, заселённых в ту пору антами, обнаружены остатки наземных жилищ или полуземлянок со стенами, сплетёнными из камыша или хвороста и обмазанными глиной. Размеры их невелики: 4×3 ; 4×5 ; 6×5 ; 6×4 метра. Внутри жилищ помещались глинобитные очаги и печи. Рассказ Маврикия о множестве выходов в жилищах у славян и антов подтверждается раскопками Б. А. Рыбакова на Гочевском городище в Курской области, где в слоях VI—VII вв. обнаружен ряд землянок с соединительными ходами и, следовательно, несколькими выходами. Подобного же рода соединительные ходы обнаружены в более поздних городищах VIII—X вв. раскопками Н. Макаренко в районе г. Ромны Полтавской области и раскопками П. П. Ефименко на Борщевском городище у Дона.

Эти соединительные ходы говорят о комплексном жилье, которое занимала целая группа родственников, состоявшая из отца, взрослых сыновей с их семьями, ведущая общее хозяйство. Это была патриархальная большая семья, семейная община, основная общественная организация древних славян, объединённая общим хозяйством, общим имуществом, общей работой, известная позднее под названием большой кучи, задруги, дружства или верви, из которой развилась позднее сельская община. Внутренние ходы, действительно, давали возможность антам использовать их в целях укрытия и обороны, но не это было целью их создания.

Таким образом, анты обитали не только в «жалких хижинах». Поселениями служили им и громадные городища с целыми жилищными комплексами, помещавшимися внутри их.

Но как понять утверждение Прокопия о «жалких хижинах» антов?

«Жалкими хижинами» византийцы называли землянки и полуземлянки антов, шалаши охотников и рыбаков-антов, уходивших промыслять зверя и птицу в лес или степь. Кроме того, сам способ ведения хозяйства у древних славян, обширность и слабая заселённость земель приводили к постоянным расселениям и переселениям в поисках лучших земель и угодий. Эти переселения совершались семейными общинами, обитавшими в маленьких поселениях в один-два двора.

Вот это-то постоянное передвижение и расселение, а ещё в большей степени вторжение славян и антов в пределы Византийской империи, присущее варварским народам стремление к переселениям, и давали возможность византийским писателям назвать их жизнь бродячей и этим самым вступить в противоречие со своими утверждениями о земледельческом хозяйстве, а следовательно, и об оседлом образе жизни славян.

Маврикий говорит о кучах проса («кенхрос») и пшеницы (вернее, особого рода проса «элюмос», заменяющего пшеницу) у антов. Археологическими раскопками обнаружены ямы-хранилища, где найдены остатки пшеницы и проса и серпы.

В лесостепной и степной полосе Приднепровья во времена антов, повидимому, господствовало пашенное земледелие. Развито было и скотоводство. При раскопках городищ обнаружены кости быков, коров, лошадей, свиней, коз и овец. Бык у антов считался главным жертвенным животным и приносился в жертву богу грозы. Этот обычай уводит нас в седую древность, во времена Триполья с его культом быка. Большую роль играли охота и рыбная ловля. За это говорят находки в ямах-хранилищах рыбьей чешуи, а также рыболовных крючков и грузил для сетей. Охотились на лося, медведя, бобра, лисицу, куницу, били и ловили дикую птицу.

Высокого развития достигало ремесло.

Почти везде на городищах найдены следы обработки железа сыродутным способом. Железо добывалось из местных болотных руд. Из привозных меди, бронзы, золота и серебра выделялись разнообразные украшения: фибулы, пряжки, кольца, бляхи и т. д. Особое распространение в Восточной Европе получили выделявавшиеся антами среднего Приднепровья в III—V вв. н. эры бронзовые вещи, украшенные красными и зелёными вставками и эмалью.

Гончарная керамика, изготовленная на круге, достигающая высокого совершенства, особенно знаменитая посуда с чёрной лощёной поверхностью, свидетельствует о высоком развитии ремесла. Правда, бытует и грубая керамика, лепленная от руки. Стандартность форм изделий кузнецов, ювелиров, гончаров говорит о ремесленной форме производства, о сложении ремесла, об отделении его от сель-

ского хозяйства. А эти процессы говорят уже о начале распада общины.

Высокого развития достигла у антов и торговля. Из причерноморских и придунайских городов на север, к антам, шли украшения: бусы, фибулы, зеркала, оружие и пр.

Перейдём к общественному строю антов.

«Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», — говорит Прокопий Кесарийский.

Маврикий Стратег говорит о славянах и антах, что они не имеют единого начальника, воинственны и свободолюбивы и «их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране».

По свидетельству Прокопия, анты «рассуждают обо всем, что для них полезно или вредно, сообща», т. е. на сходках, собраниях, на вече их вожди, «рексы» или «риксы», то объединяются, то враждуют друг с другом, и союзы племён антов то складываются, то рассыпаются.

С течением времени, в борьбе с врагами, объединения племён антов становятся более длительными и прочными. В IV в. в борьбе с готами анты объединились под руководством своего вождя Божа (Иордан).

По свидетельству Менандра, в VI в. анты в борьбе с аварами объединились под властью одной семьи антов: Идара и его сыновей Межамира и Келагаста.

Межплеменные и завоевательные войны, заканчивавшиеся уводом пленных и захватом ценностей: скота, имущества, драгоценностей, торговля и поборы с покорённых племён обогащают антских предводителей и усиливают их власть. Маврикий пишет о славянах и антах: «Необходимые для них вещи они зарывают (в землю) в тайниках, ничем лишним открыто не владеют».

По всей лесостепной полосе, где обнаружены антские городища, тянутся богатые погребения и клады дорогих византийских золотых и серебряных вещей с клеймами византийских мастеров Константинополя и причерноморских городов. Из этих кладов наиболее известны Обоянский, Днепропетровский и Перещепинский. Эти клады, несомненно, принадлежат антской знати.

О походах славян и антов в пределы Византийской империи, походах, сопровождавшихся уводом пленных,

угоном скота и захватом ценностей и датируемых VI—VII вв., говорят Прокопий, Менандр, Иордан, Иоанн Эфесский.

Антская племенная верхушка, варварская знать становится обладателем ценностей и сокровищ. Развивается частная собственность. Принадлежащее ей она метит знаками своей родовой собственности — тамгами.

В известном Мощинском кладе (верхняя Ока), в находках у Смелы (у Киева) были обнаружены трапецевидные подвески из тонкой медной пластины, на которых были выбиты тамги: одна (мощинская) в виде двузубца, другая (из Смелы) в виде двузубца с отрогом внизу, усложнённым дугой.

У антов зарождается рабство.

Маврикий сообщает: «Находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси, или остаться там, где они находятся, на положении свободных и друзей». Ограниченный срок рабства, небольшой выкуп, возможность стать свободным и полноправным членом общины антов — всё это говорит о патриархальном характере рабства.

Долгового рабства анты не знали. И плен был едва ли не единственным источником рабства. Пленники-рабы, сосредоточивающиеся у антских «риксов», ещё более усиливали их власть и увеличивали их богатство.

Сообщение Маврикия о самоубийстве жён на могилах мужей тоже говорит о рабстве, а именно — о ритуальном убийстве жён-наложниц, рабынь на могиле своего господина.

Анты вышли на поприще мировой истории из своих дремучих лесов и степей как воинственный, храбрый и свободолюбивый народ.

«Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище», — говорит об антах Маврикий.

Вооружённые небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжёлыми щитами, анты были опасными врагами. В густых лесах, обрывах, ущельях поджидали они своих противни-

ков и внезапно с криком нападали на них из засады. Днём и ночью, используя знание местности, прибегая к всевозможного рода хитростям, анты нападали на врагов, изобретая всевозможного рода способы боя. Анты умело переправлялись через реки, «превосходя в этом отношении всех людей» (Маврикий). На своих однодеревках они отваживались пускаться и далеко в море и вместе со славянами нападали на византийские владения вдоль морских побережий. Застигнутые врасплох, анты укрывались в камышах и, опустившись у берегов на дно реки или озера, дышали через выдолбленные камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врага.

Когда враг внезапно нападал на антов в походе, они устраивали укрепление из телег, как это делали русские во время походов в глубь степей, на половцев. Такой круг, составленный из сдвинутых телег, напомиавших казачий табор, был неприступен для неприятеля. Меткие стрелы и метательные копья антов держали врага на почтительном расстоянии от боевого стана антов.

В непрерывных походах и войнах «грубые варвары» — славяне и анты, шедшие в бой с «ромеями» в начале своих вторжений в Византию с щитами и копьями в руках, одетые в простые рубахи и шаровары, научились военному искусству у своих же врагов, вооружились их же оружием, и настало время, когда изумившие Прокопия своей доблестью анты «научились вести войну лучше, чем римляне» (Иоанн Эфесский). Немудрено, что «они стали богаты, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия».

Византийцы высоко оценивали военное искусство антов, умевших воевать в самых трудных условиях, в горах, ущельях, лесах и болотах, стойких, мужественных, искусно использовавших местность, предприимчивых и смелых в бою, «доблестных» и «энергичных» (Прокопий). Маврикий посвятил искусству войны со славянами и антами целый ряд разделов своего «Стратегикона», а это свидетельствует о том, что Византия считала их опасными врагами. Вначале славяне и анты не умели сражаться сомкнутым строем и обрушивались на врага с криком, нестройной толпой. Им трудно было сражаться с византийцами на открытом месте. Поэтому они предпочитали сражаться в лесах и болотах, в горах и ущельях, пользоваться заса-

дами, ловушками, внезапными нападениями и т. д. Но это было «детство» военного искусства антов. Выйдя на широкие просторы византийских земель, они вынуждены были отказаться от своей примитивной тактики и усвоить искусство врагов. Но с самого начала войн с Византией недостаток вооружения заменяли антам храбрость, стойкость, выносливость и предприимчивость.

Иордан называет антов «храбрейшими из них» (славян). Высоко расценивая боевые качества своих противников, император Юстиниан с гордостью носил титул «победителя антов». Фредегар говорит о том, что авары всегда ставили в первых рядах славянских воинов, как самых сильных и храбрых.

Византийцы видели в антах искусных воинов, людей, способных воспринимать культуру «ромеев» и оплодотворять её элементами своей культуры, людей, могущих принять активное участие в политической жизни империи. Византия неоднократно приглашала антских вождей на военную службу. В 469 г. начальником фракийских войск Византии был славянин или ант Анангаст. В 30-х гг. VI в. ант Хвалибуд был начальником византийских гарнизонов по Дунаю, а другой ант, Доброгаст, был командующим византийской черноморской эскадрой. Среди военачальников византийского войска упоминается ант Всегорд.

Анты были варварами эпохи «военной демократии» со всеми присущими им отрицательными и положительными качествами. И не случайно хорошо знавший антов Прокопий говорит, что, несмотря на их жестокость, «грубый, без удобств» образ жизни, они «по существу неплохие люди и совсем не злобные», хотя и сохраняют «гуннские», т. е. варварские, нравы.

Эти высокие, сильные темнорусые люди, страшные для врагов, отличаются гостеприимством, ласково принимают иноземцев, заботятся и охраняют их, и если по вине какого-либо анта с чужеземцем случится несчастье, то первый приютивший его у себя ант «начинает войну против виновного...».

Патриархальное гостеприимство и кровная месть за чужеземцев, как за сородичей, говорят о родовом быте антов, ещё не успевшем окончательно разложиться под влиянием имущественного расслоения и рабства. Патриархальный быт антов с родовыми и племенными вечевыми

сходами выступает и в указании Прокопия на то, что «у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим», и в свидетельстве его же о межплеменных собраниях. Патриархальный быт антов отразился и на положении женщин в семье, «скромность» которых «превышает всякую человеческую природу...», предпочитающих смерть вдовству.

Подводя итог всему тому, что нам известно об общественном строе антов, мы приходим к выводу, что на обширном пространстве от Карпат до Среднего Днепра, а на юге до Прута, Дуная и Нижнего Днепра анты вступают в эпоху «военной демократии» с её имущественным неравенством и общинным строем, патриархальной семьёй и патриархальным рабством, первобытным гостеприимством и кровной мезтью, свободолюбием и народоправством, вооружённым народом и «риксами»-вождями, с народными сходками и выборными, а впоследствии наследственными вождями, с походами и войнами, которые становятся функцией народной жизни, т. е. со всеми чертами, присущими высшей стадии варварства.

Они стоят на грани первобытного и классового общества у порога цивилизации, в преддверии государства.

Первые упоминания о политической истории антов связаны с их столкновениями с восточными германцами-готами, дружины которых в начале н. эры проникли в Причерноморье.

Историк готов Иордан рассказывает о том, как после смерти готского вождя Германариха (Ерманариха), в конце 70-х или начале 80-х гг. IV в., остготский вождь Винитар (по Аммиану Марцеллину, Витимир), подвластный гуннам, напал на антов, вторгшись в их страну. В первом же столкновении с антами он потерпел поражение, но затем сумел захватить антского вождя Божа с сыновьями и 70 «старшими вельможами» и распял их, но за своё выступление против антов через год был разгромлён гуннским вождём Баламбером (или Валамиром) и убит.

Память об этой борьбе антов — восточных славян — с готами отразилась в готском («Гута-сага», «Харвар-сага», Иордан) и русском эпосе («Слово о полку Игореве», в котором упоминаются готские девы, поющие «время Бу-сово»).

Держава Германариха была сметена гуннской волной, и горсточка крымских готов, дожившая до времён Екатерины II, — вот всё, что осталось от готского владычества в черноморских степях. Вторжение гуннов в Восточную Европу и продвижение их дальше, на запад, в Центральную Европу, не могли не отразиться на антах. Из рассказа Иордана мы узнаём, что гунны, повидимому, посчитали расправу с антскими князьями самоуправством Винитара и обрушились на готов, так как те напали на антов, являвшихся подданными или союзниками гуннов. Нет никакого сомнения в том, что какая-то часть антских дружин, как это имело место и во времена владычества аваров, была включена в состав гуннских орд и вместе с ними устремилась на запад. Наличие среди гуннов в Паннонии славян зафиксировано рассказом Приска Паннонского о его путешествии в ставку гуннского вождя Аттилы. Перевозчики-гунны говорили на славянском языке.

В течение всего V в. никаких упоминаний об антах нет. В конце V в. первые славянские дружины появляются в пределах Византийской империи, а с VI в. вторжения славян и антов в «страну ромеев» становятся обыденным явлением.

«Когда Юстиниан, дядя Германа, вступил на престол (527 г. — В. М.), анты, ближайšie соседи славян, перейдя Истр (Дунай. — В. М.) с большим войском, вторглись в пределы римлян», — так рассказывает о вторжении антов за Дунай в 533 г. Прокопий Кесарийский. Герман не надолго останавливает их, но вскоре новый натиск антов и славян опрокидывает заградительные кордоны Византии по Дунаю.

Юстиниан вступил в переговоры с антами, стремясь удержать их натиск на Византию. Он привлёк на свою сторону антского вождя Хилбудия (Хвалибуда), сделав его магистром византийской армии, вёл с антами переговоры о предоставлении им города Турриса и области и т. д. Но отбросить антов от Дуная Византии не удалось. Они переходят Дунай и поселяются на территории империи. К концу 50-х гг. VI в. относится нападение на антов аваров — полукочевого народа, пришедшего с востока и занявшего территорию Паннонии (Венгрии). В борьбе с аварами анты объединились под властью Идара и его сыновей Межамира и Келагаста. Но в ставке аварского

кагана Межамир был предательски убит, и «властители антские были приведены в бедственное положение и утратили свои надежды» (Менандр).

До русского летописца дошло народное сказание, быть может, в форме песни, отражённое им в известном рассказе о дулебах и обрах (аварах): «Си же Обри воеваху на словенех и примучиша Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху женам Дулебским: аще поехати будяше Обрину, не дадыше въпрячи коня, ни вола, но веляще въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли жен в телегу, и повести Обърена. . .».

Такую же систему грабежа и насилий авары установили, по свидетельству франкского летописца VII в. Фредегара, и в земле славян: «Каждый год гунны (авары. — В. М.) приходили к славянам, чтобы провести у них зиму; они брали тогда из славян жен и детей и пользовались ими, и, к довершению остальных насилий, славяне должны были платить гуннам дань».

В борьбе с аварами в VI в. на Волыни, в Прикарпатье, создаётся мощное политическое объединение восточных славян-антов под руководством дулебов-волынян.

Это политическое объединение дулебов-волынян и является начальным этапом русской государственности.

Память о борьбе антов с аварами была ещё свежа на Руси во времена летописца и дошла до нас в виде народного сказания о дулебах и обрах, записанного летописцем.

Через посредство восточных купцов этот рассказ дошёл и до арабского писателя X в. Масуди, повествующего в своих «Промывальнях золота» о могучем племени волынян, т. е. тех же дулебов, которому некогда были подчинены многие другие славянские племена. Племя «Валинана», по сообщению Масуди, «кoему повиновались в древности все прочие славянские племена», «есть одно из коренных племен славянских».

О «племени, которое называлось Влинбаба, и было это племя у них (славян. — В. М.) почитаемым» — говорит и Ибрагим-ибн-Якуб: Волыняне — это и есть дулебы, так как древнейшим племенным названием обитателей Волыни было дулебы. В масудиевых «Валинана» мы видим межплеменное объединение, причём само название «Валинана» (волыняне) не племенное, этническое, а политическое, произведённое от названия города Волыня или Вельня —

географического политического центра юго-западных земель восточных славян, названия, которое больше чем на тысячелетие закрепило за всей землёй наименование Воляныя. Термин «воляняне» такого же происхождения, как и «суздальцы» («Суздальская земля») и «новгородцы», т. е. не этнический, не племенной, а политический, сменивший собой древнее племенное название славянского населения этого края — дулебы.

Если мы обратимся к вещественным памятникам восточно-славянских племён Прикарпатья, Воляни, Подолии и Днепровского правобережья IX—X вв., нам бросится в глаза бедность, однообразие и монотонность погребального инвентаря. Этого не наблюдается севернее и восточнее, в верховьях Днепра, Оки, по Десне. Кроме того, племенные границы, довольно отчётливо выступающие при анализе, классификации и систематизации вещественных памятников северных, северо-восточных и восточных славянских племён, здесь, на юго-западе и западе Восточной Европы, почти незаметны. Все эти явления говорят о далеко зашедшем, ещё в древности, задолго до IX в., процессе нивелировки племенных особенностей быта и культуры юго-западной ветви восточных славян, что объясняется их слиянием в некое политическое объединение, стирающее племенные границы.

Союз волянян был политическим образованием типа варварского государства эпохи «военной демократии». Он, не механически объединял племена, а сплавивая, сливал их. Поэтому здесь рано, в VI—VII вв., стали исчезать племенные, частные особенности, а укреплялись общие, результат политического единства. По Масуди, это было «в древности», т. е. задолго до X в.

Нет сомнения в том, что Прикарпатский союз волянян — первое варварское государство восточных славян эпохи «военной демократии» — прямой предшественник Киевского государства.

Аварская опасность сблизила антов и Византию. В качестве союзников Византии анты сражались в Лукании (Италии). В 80-х гг. VI в. византийские войска вместе с антами сражались против аваров, лангобардов (германцев) и подвластных аварам славян.

В 602 г. аварский каган попытался вторгнуться в землю союзников византийцев — антов, но, очевидно, перспектива

итти походом на антѡв мало улыбалась аварским воинам, и войско кагана отказалось воевать с антами.

Это событие указывает на то, что в конце VI и самом начале VII в. анты в Прикарпатье и на Волыни становятся мощной политической силой, и их объединение, «держава волынян», заключившая союз с Византией, внушает страх врагам восточнославянского мира.

Только в конце 20-х гг. VII в. (626 год или около этого) «держава волынян» — могущественный союз антских племён был разгромлён аварами, которые «ходиша на Ираклия царя и мало его не яша». К этому же времени летописец приурочивает «примучивание» обрами дулебов. Вспоминает о распаде союза волынян и Масуди.

На этом сообщения об антах прекращаются.

Какой характер носили нападения антов на Византию?

Несомненно, большею частью, совершив нападение на «ромеев» (византийцев), анты с добычей возвращались в свои земли — в Поднестровье и Поднепровье.

Но часть «бесчисленных племен антов», и прежде всего воины антов отрываются от родных рек и озёр, болот и лесов Поднепровья и стремятся на юг, в Византию, на Дунай, тот голубой Дунай, который воспел в своих былинах и сказаниях русский народ. И для таких, как Доброгаст и Хвалибуд, для многих других антских князей приднепровские леса и поля стали чужими. Их землёй стала земля, добытая в бою, земля «ромеев» — Придунайские области и Балканы.

В период «бури и натиска» VI в. происходили настоящие переселения антских племён на Дунай и за Дунай.

Указывая на то, что в VI в. поступательное движение германцев приостановилось, Фр. Энгельс отмечает, что «... речь идет о германцах, но не о славянах, которые и после них еще долгое время находились в движении. Это были подлинные переселения народов. Целые народности или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом».

Речь идёт, конечно, не о переселении всех, без исключения, «бесчисленных племен антов», даже не о переселении отдельных племён целиком. Отделялась часть племени — дружинники, их семьи. За ними тянулись другие переселенцы. Шли на юго-запад, туда, на плодородные земли, шли в поисках добычи и удобных мест для посе-

лений. Из этого не следует, что антские племена целиком освобождали занимаемые ими земли в Поднепровье. Да и в великое передвижение славянских племён на юг включались, главным образом, лишь южные антские племена. Север жил в те времена, не зная ещё тех побудительных мотивов, которые бросили в водоворот событий их южных собратьев, издавна связанных с цивилизацией Черноморья. Здесь, на севере, в глухих и болотистых лесах жизнь текла медленно и размеренно, сохраняя архаические черты ещё долгое время. Всё было грубее, примитивнее, архаичнее. Север отставал во всём от юга. Но если мы не признаём факта передвижения антов на юг, то чем же объяснить появление их у Дуная в местах, где ранее обитали геты и даки, бастарны и бессы? Здесь, на Дунае, несомненно, имела место славянизация местных дакийских племён, издавна соприкасавшихся со славянами, в среду которых славянские элементы стали проникать очень давно.

Этим переселением из лесов Восточной Европы на юг, за Дунай и на Балканы, объясняется появление в гористых окрестностях Солуни (Салоник) и в горах Западного Родопа «дреговичей», само название которых ведёт на север, к покрытым болотами («дрягвами» или «дрегвами») пущам Полесья, туда, к «дреговичам» нашей летописи.

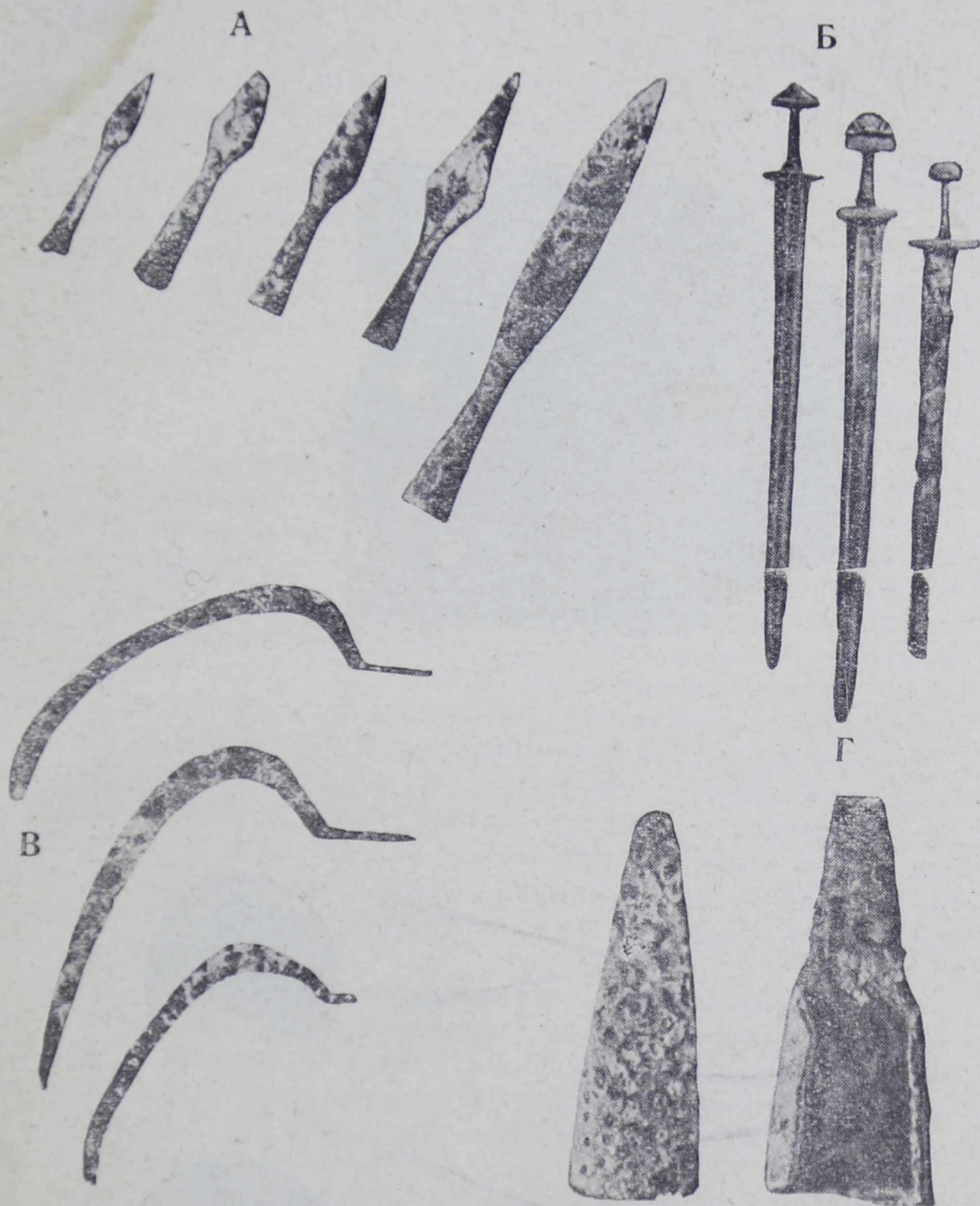
Этим объясняется наличие в Придунайских землях реки Ольты или Альты, одноимённой Ольте или Альте Приднепровья, наличие в Добрудже северян и кривичей — двойников русских северян и кривичей. Речь идёт о появлении на Балканском полуострове восточнославянских переселенцев.

Все эти дреговичи, северяне и кривичи на Дунае и Балканах являются сородичами их восточнославянских двойников.

Соприкосновением южных и восточных славян где-то у Дуная и на Балканах объясняются древние и тесные связи русского и болгарского языков, русской и болгарской культуры, обычаев, верований и т. д.

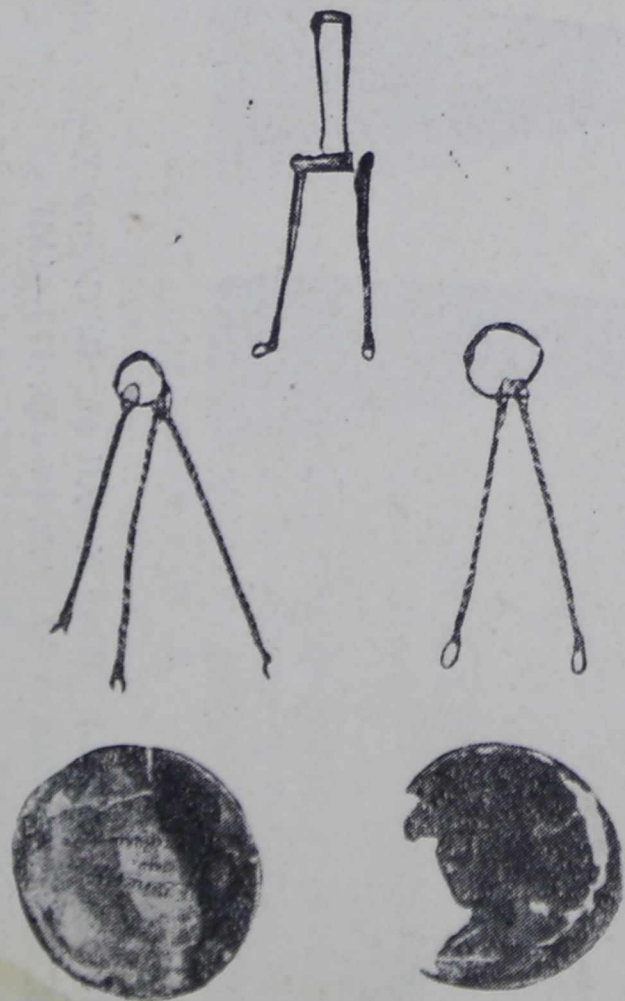
Не приходится уже говорить об оседании в Византии союзных ей антских дружин, о службе и жительстве в Византии антских «риксов» и их дружин, о поселении в землях «ромеев» их союзников — антов и т. д.

Своим вторжением на территорию Византии славяне и

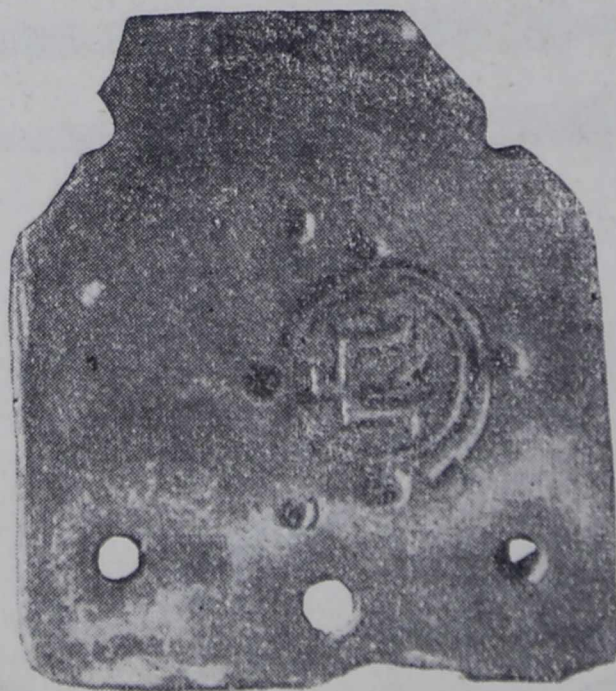

А) Копья X—XII вв. Б) Мечи X—XII вв. В) Серпы X—XII вв.
 Г) Сошники X—XII вв. (к стр. 110—114)

A

Б

А) Весы X—XI вв. Б) Клеймо ремесленника (к стр. 115)

анты ускорили процесс ликвидации остатков античного рабства и развития феодальных отношений. Они принесли с собой в пределы империи свою общину, послужившую величайшим стимулом в развитии феодализма в Византии и перестроившую всю социальную жизнь империи на новых, более передовых началах. И в этом заключается историческая роль славян и антов в судьбах Византии, что не могло не отразиться на жизни южной, юго-восточной и, отчасти, Средней Европы и даже Малой Азии.

В VII в. эпоха «бури и натиска» славян и антов заканчивается славянизацией Подунавья и Балканского полуострова.

Язык — основа народности, — указывали мы. К эпохе антов относится формирование восточнославянских языков. В первые века н. эры восточно- и южнославянские языки имели ещё много общего между собой и в то же время отличались от языков западных славян (выпадение «т» и «д» перед «л» — вместо западнославянского «ведл» — «вёл» и т. п.; переход «к» и «г» в «ц» и «з» — вместо квет, звезда — цвет, звезда). Это сходство между древними южнославянскими и древними восточнославянскими языками антской поры объясняется совместными вторжениями южных славян и антов в пределы Византийской империи, их столкновениями друг с другом на Дунае, Балканах (а быть может, в более ранние времена и севернее), их соседством где-то на обширной территории у Дуная, тогда как западные славяне двигались всё дальше и дальше на запад, отрываясь от своих южных и восточных сородичей.

Первоначально антские племена не знали характерного для восточнославянских языков полногласия, как не знали его древнеславянские языки вообще, складывающиеся на основе схождения различных протоиндоевропейских и неиндоевропейских языков, ибо оно было неизвестно речи палеоевропейцев.

Полногласие появилось в восточнославянских языках, и, повидимому, вначале не на юге, а в центре Восточной Европы, лишь позднее, в VI—VII вв.

Тогда же исчезли у антов — восточных славян — общие когда-то всем славянским языкам исходные формы, а именно носовые звуки, произошла замена «е» — «о» («елень» — «олень», «езеро» — «озеро», «есень» — «осень»

и т. д.), «а» — «я» («аз» — «яз», «агне» — «ягне», «агода» — «ягода» и др.), «о» — «а» («розный» — «разный»), появилось полногласие («ворона» вместо «врана» или «врона», «голова» вместо «глава» или «глова» и т. д.), сочетание глухих гласных «ъ» и «ь» с плавными согласными, смягчение зубных «д» и «т» и т. п.

Так во времена антов на основе общности быта и культуры связей и исторических традиций складывалась общность восточнославянских языков.

Несмотря на то, что анты представляли собой не единый народ, а «бесчисленные племена» (Прокопий), каждое из которых сохраняло следы своей былой обособленности в своём этническом облике, историческое развитие восточного славянства шло по пути сближения и объединения, а не расчленения.

Правда, этот процесс охватывает главным образом южную часть Восточной Европы, лесостепную и, отчасти, степную её полосы, а именно среднее, частично нижнее, Приднепровье, Прикарпатье и Поднестровье.

В лесах Восточной Европы в это время обитали более отсталые славянские племена и племена, происшедшие от предков с иной речью и культурой, отличной от протославянских, но впоследствии слившиеся со славянами.

В первые века н. эры лесную полосу Восточной Европы занимают различные по своей культуре и языку многочисленные племенные группы. Это были протославяне, протолитовцы, протофинны, протоугры. Все они имели в далёком прошлом общих предков — палеоевразийцев (палеоевропейцев) эпохи неолита, а в будущем — единых потомков — русских. Но только в будущем. Пока что только часть этих племён могла считаться протославянами, с речью и культурой, близкой речи и культуре славян более южных областей.

Сюда, правда, уже проникают анты (находки антских среднеднепровских вещей, изготовленных на месте, распространение на север «полей погребальных урн», среднеднепровские мотивы в искусстве и т. п.), но окончательное слияние двух очагов этногенеза восточных славян: 1) лесостепного, среднеднепровского-прикарпатского, южного, и 2) лесного, области верховьев, северного, произойдёт лишь через несколько столетий.

В материальной и духовной культуре, в политической

истории и традициях анты являются непосредственными предшественниками своих прямых потомков — русских киевских времён.

Смутные предания об истории восточных славян антской поры сохранились ещё во времена летописца. Стоит вспомнить рассказ летописца о дулебах и обрах, о Кие, ходившем в Царьград, обосновавшемся на Дунае, где он «срубил» город «Киевец», рассказ, отразивший переход антов на Дунай.

С начала VII в. исчезают упоминания об антах.

В то же самое время наблюдается известный упадок культуры в среднем Приднепровье, важнейшем очаге культуры антов.

Отмечаемый упадок культуры в среднем Приднепровье (появление городищ-поселений родовых общин, примитивного и грубого инвентаря, замена посуды, изготовленной на гончарном круге, лепленной от руки и т. п.) и известное его запустение являются результатом опустошительных набегов кочевников (аваров) и передвижения части антских племён во главе со своими «риксами» на юго-запад, в пределы манящей своим богатством и цивилизацией Византийской империи.

С севера, в район среднего Приднепровья, на оба берега Днепра, в это же время (VII—VIII вв.) передвигаются лесные, более отсталые славянские племена, с более архаичной культурой. Этим и объясняется упадок среднего Приднепровья в тот период.

Продвижение лесных, северных отсталых славянских племён на юг объясняется: 1) их стремлением обосноваться на более плодородных землях Среднего Днепра, на землях лесостепной полосы, что обусловлено было ростом значения земледелия в их хозяйственном быте, и 2) естественной для варваров тягой к военной добыче, которую сулили города и земли юга, в частности, Византии, и стремлением включиться в жизнь тогдашнего цивилизованного мира.

Но здесь, в среднем Приднепровье, эти лесные отсталые славянские племена не встретили лишённую жизни пустыню. Древнее антское население продолжало обитать на старых местах, населяло Киев и прилежащие области, ставшие такими же центрами восточного славянства IX—X вв., какими они были в период антов.

Своим отсталым северным сородичам, на которых они начинают оказывать большое влияние ещё с середины I тысячелетия н. эры, анты передали свои культурно-бытовые особенности, свой социальный строй, исторические традиции, свои связи с очагом цивилизации — Византией. Поэтому тот строй «военной демократии», который существовал у антов столетия, был быстро пройден северными русскими племенами, передвинувшимися в среднее Приднепровье и здесь смешавшимися со своими стоящими на грани цивилизации южными соплеменниками. И среднее Приднепровье в течение одного-двух столетий проходит этап «военной демократии», дофеодальный период, и вступает в эпоху феодализма.

ГЛАВА IV

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА ПЕРЕД ОБРАЗОВАНИЕМ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Повествуя о расселении славян, летописец рассказывает о том, как одни славяне «седоша по Днепру и нарекошася Поляне», другие назывались древлянами («зане седоша в лесех»), третьи, жившие между Припятью и Двиной, именовались дреговичами, четвёртые обитали по течению реки Полоты и назывались полочане. У Ильменского озера жили словене, а по Десне, Сейму и Суле — северяне.

Постепенно в рассказе летописца появляются названия других восточнославянских племён.

В верховьях Волги, Двины и Днепра живут кривичи «их же град есть Смоленск». «От кривичей» летописец выводит северян и полочан. Летописец говорит о жителях Побужья, которые в древности назывались дулебами, а ныне волынянами или бужанами. В рассказе летописца выступают и обитатели Посожья — радимичи, и жители окских лесов — вятичи, и карпатские хорваты и обитатели Причерноморских степей от Днепра и Буга до Днестра и Дуная — уличи и тиверцы. «Се бо токмо Словенск язык (народ. — В. М.) в Руси», — заканчивает свой рассказ о расселении восточных славян летописец.

Летописец ещё помнит о тех временах, когда славяне Восточной Европы делились на племена, когда племена русские «имеху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, кождо свой нрав» и жили «особе», «кождо с своим родом и на своих местах, владеюще кождо родом своим».

Но когда составлялся летописный начальный свод (XI в.), племенной быт уже отходил в область преданий. На смену племенным объединениям приходили новые объединения — политические, территориальные. Исчезают сами

племенные наименования. Уже с середины X в. старое племенное название «поляне» сменяется новым — «кияне» (киевляне), а область полян, «Поле», становится Русью. То же самое происходит и на Волыни, в Побужье, где древнее племенное название обитателей края — «дулебы» — уступает своё место новому наименованию — волыняне или бужане (от городов Волыня и Бужска). Исключение представляют собой жители дремучих окских лесов — вятичи, жившие «особе», «родом своим», ещё в XI в.

От Карпатских гор и Западной Двины до верховьев Оки и Волги, от Ильменя и Ладоги до Чёрного моря и Дуная жили русские племена накануне образования Киевского государства. Карпатские хорваты, придунайские уличи и тиверцы, побужские дулебы или волыняне, обитатели болотистых лесов Припяти — дреговичи, ильменские словене, жители дремучих окских лесов — вятичи, многочисленные кривичи верховьев Днепра, Западной Двины и Волги, заднепровские северяне и другие восточнославянские племена составляли некое этническое единство, «Словенский язык в Руси». Это была восточная, русская ветвь славянских плёмен. Этническая близость их способствовала образованию единого государства, а единое государство консолидировало, сплачивало в этнический массив славянские племена.

Но русские племена не свалились с неба в готовом виде со всеми присущими им особенностями языка, быта, культуры, а явились результатом сложного этно- и глоттогонического процесса. Рассказ летописца о расселении славянских племён на Руси — это последний акт сложного процесса формирования русских племён. В Повести временных лет нашли отражение лишь последние часы существования племенного быта. Новые производственные отношения, зарождение классов и государства ломали старые племенные границы, сплачивали народные массы внутри новых политических границ, объединяли их по новому территориальному признаку. Когда летописец повествовал о восточнославянских племенах, они уже переставали существовать, а многие из них, если даже не все, уже давно, по существу, были не племенами, а союзами племён.

Как же сложились те славянские племена, о которых успел рассказать ещё по памяти, по преданиям и припоминаниям составитель начального летописного свода?

Прежде всего я остановлюсь на памятниках материальной культуры той территории, на которой разместила Повесть временных лет древнерусские племена. Я вынужден начать именно с памятников материальной культуры, так как письменные источники полностью отсутствуют. «Язык земли» и данные языка будут служить нам вторым источником.

В главе «О происхождении славян» я уже указывал на то, что в формировании славянства в процессе схождения приняли участие различные племена, создатели и носители различных, хотя и близких друг к другу культур. Это же относится и к восточному славянству, причём компонентами восточного славянства выступили и протославянские племена среднего Поднепровья, и собственно славянские племена раннего, антского этапа формирования славянства, создатели культуры «полей погребальных урн», и потомки племён охотников и рыбаков лесной полосы Восточной Европы, создатели культуры «ямочно-гребенчатой керамики», из которых с течением времени образовались и литовские, и финские, и, отчасти, славянские племена.

В состав восточного славянства вошли не только праславянские племена среднего Поднепровья и сопредельных речных систем, не только раннеславянские племена времён культуры «полей погребений», но и племена, происходящие от предков с культурой иного рода, с иным языком, значительно отличавшихся в эпоху позднего неолита и бронзы от племён основного очага славянского этногенеза.

Если среднее Приднепровье, древнейший очаг этногенеза восточных славян, ещё в первые века н. эры вступает в эпоху «военной демократии», которая характеризует общественный строй антов, то иную картину рисует нам область лесов Восточной Европы в последние века до н. эры и в первые века н. эры, когда здесь, в лесах, распространяются так называемые городища «Дьякова типа».

Патриархально-родовой строй нерушим. В укрепленных поселениях-городищах обитают большие семьи. Гнёзда городищ составляют поселение рода. Городище — посёлок семейной общины — замкнутый мирок, производящий сам всё, что необходимо для жизни. Гнёзда городищ тянутся по берегам рек. Огромные пространства незаселённых земель речных водоразделов, поросшие лесом, отделяют области расселения древних племён лесной полосы Восточ-

ной Европы. Наряду с примитивным подсечным земледелием большую роль играют скотоводство, охота и рыбная ловля, причём эти последние зачастую имеют большее значение, чем земледелие.

Ни частной собственности, ни индивидуального хозяйства, ни имущественного, ни, тем более, социального расслоения нет и в помине.

Такую картину в общих чертах рисуют нам вещественные памятники лесной полосы Восточной Европы.

К северу от территории распространения культуры «полей погребальных урн», в лесах верховьев Днепра, Западной Двины, Оки и Волги в начале новой эры обитает множество племён, связанных с бассейнами рек, лесными массивами и другими естественными границами. Их поселения — городища «Дьякова типа».

Древнейшие из городищ «Дьякова типа» восходят к середине I тысячелетия до н. эры и даже к несколько более ранней эпохе. К ним относятся Старшее Каширское, Кондраковское (у Мурома), Городищенское (у г. Калязина на Волге), Городок (на Верхней Волге) и некоторые другие.

Характерным для городищ «Дьякова типа» является городище у деревни Березняки в устье реки Сонохты, впадающей в Волгу, датируемое III—V вв. н. эры. Естественно укреплённое рекой, крутыми склонами и оврагами, оно было ещё огорожено массивной бревенчатой стеной. Размеры городища — 80 метров в длину и 50 в ширину. В середине посёлка был обнаружен низкий бревенчатый дом с очагом, покрытый двускатной крышей. Это было общественное здание, принадлежавшее всем жителям посёлка. Вокруг него располагалось шесть жилых бревенчатых домов с земляными полами и очагами, представлявших собой жилища отдельных семей. Правая сторона домов принадлежала женщинам. В ней готовилась пища, стояли лепленные от руки сосуды. Левая сторона принадлежала мужчинам; тут были найдены крючки, топоры, стрелы, уздечки и т. п. Рядом с общественным домом располагалась постройка для хранения зерна, где были найдены зернотёрки и серп; несколько дальше — кузница с очагом из огромных камней, а против неё — лёгкая постройка, в которой женщины собирались шить, прясть, ткать и т. д. Население посёлка состояло из 40—50 чело-

век. Все шесть семей патриархальной общины вели совместно коллективное хозяйство. На заливных лугах пасся скот, загоняемый на ночь в загон. Крупный рогатый скот давал молоко, овцы — шерсть, а лошади и свиньи шли в пищу. В реке ловили рыбу, в лесах ловили и били зверя и птицу. Большую роль играло примитивное подсечное земледелие. Железные изделия вырабатывались тут же, в общинной кузнице, из криц¹ мягкой болотной руды. Жители посёлка сами выделывали кожи, шили одежды из шерсти и льна, изготовляли обувь, посуду. Только украшения покупали у соседей. Такая патриархальная община представляла собой самодовлеющий мирок.

«Домик мёртвых» и обычай сжигания покойников говорят о культе огня и солнца, о космических религиозных представлениях, о культе предков, характерных для патриархально-родового строя.

Посёлки объединялись по принципу родства, племенной общности. Сидели они гнёздами, отделёнными друг от друга огромными незаселёнными пространствами. Общались люди друг с другом редко и мало. В каждом иноплеменнике и соседе видели врага. Взаимное влияние было слабым. Жизнь текла медленно, размеренно. Из года в год, из десятилетия в десятилетие, из века в век всё шло по старому, и очень медленно прорастали семена нового, очень медленно назревали условия для вступления общества в новую, высшую степень развития общественных отношений и культуры. Чем же объяснить эту архаичность, косность, отсталость, замедленные темпы развития племён верховьев Днепра, Оки и Волги?

Причины длительного бытования на севере древних форм патриархального строя лежат прежде всего в характере земледелия. Нужно указать, во-первых, на то обстоятельство, что земледелие на севере, в лесах Восточной Европы, абсолютно преобладающей отраслью хозяйства стало лишь в VIII—IX вв., т. е. в те времена, когда в земледелии произошли крупные сдвиги, обеспечившие ему ведущую роль в хозяйстве лесных племён. До этого скотоводство, рыбная ловля и охота играли весьма большую, чаще всего решающую роль, давая более половины

¹ Крица — губчатая масса железа, пропитанная шлаком, из которой вырабатывались железные изделия.

всех средств существования. Это можно заключить хотя бы из того, что главная рабочая тяговая сила северного земледелия — лошадь употреблялась в пищу и не только тогда, в середине I тысячелетия н. эры, но в верховьях Волги и гораздо позднее. Этот вывод можно сделать, анализируя не только материальные остатки земледельческой культуры, но и остатки пищи и остеологический материал.¹ Во-вторых, отметим ещё один чрезвычайно важный фактор: пашенное земледелие, давно известное в среднем Поднепровье, на севере распространилось лишь в VIII—IX—X вв. н. эры. До этого господствующей формой земледелия было подсечное или огневое земледелие. Для подготовки участка земли под посев надо было подрубить деревья, выждать, пока они засохнут на корню, затем сжечь сухостой, и тогда прямо в золу, оставшуюся от пожарища, без предварительной вспашки сеяли зёрна. Орудием труда служила большая косуля, соха-суковатка, в которой роль сошника играл толстый, острый, обожжённый для крепости сук. Такой участок выжженного леса первое время давал большой урожай, но по прошествии трёх-четырёх лет пережжённая земля утрачивала плодородие, и надо было браться за другой участок леса, снова подрубать, валить и жечь лесные исполины, снова браться за примитивный, долотообразный, узколезвийный топор, огниво, соху. Подсечное земледелие было очень трудоёмким и требовало колоссальных затрат труда. А это было под силу только большим коллективам, целым патриархальным семейным общинам. И существование семейных общин диктовалось самой формой земледелия.

Миниатюрные размеры поселений также были обусловлены распространением на севере подсечного земледелия. Дело в том, что при частых сменах участков земли требовалась обширная площадь для ведения каждой общиной земледельческого хозяйства. Поэтому селиться огромными посёлками, состоящими из нескольких патриархальных семей, как это было у антов в среднем Приднепровье, в лесной полосе было невозможно. Кроме того, смены участков земли вызывали систематические передвижки населения; северные земледельцы вынуждены были часто переходить с места на место и менять места своего обитания.

¹ *Остеологический материал* — костные остатки.

Наконец, нужно также отметить, что в общем пользовании находились выпасы, выгоны, луга, «бортные ухажай», рыболовные участки и охотничьи угодья.

Вот в чём лежат причины отсталости северных племён, если речь идёт об их внутренней жизни. Конечно, немаловажное значение имело также и то обстоятельство, что, как я уже указывал, среднее Приднепровье со времён античных греческих колоний было вовлечено в орбиту влияния древних цивилизаций. На лесную поляну Восточной Европы оно распространялось в меньшей степени. Север связался с цивилизованным югом гораздо позднее, лишь накануне образования Русского государства.

Та же картина наблюдается и в западной части лесной полосы — в Смоленщине и Белоруссии. Из открытых селищ латенской поры, обнесённых тыном, вырастают городища, окружённые рвом и валом. Городища Белоруссии и Смоленщины, подобно «дьяковым», располагаются гнёздами по берегам рек и озёр или на болотах. Укреплённые рвами и валами, они представляют собой маленькие крепости размером 30×20 ; 40×30 ; 50×40 ; 70×50 метров. Находки зернотёрок, серпов, зёрен проса, пшеницы, овса, вики, гороха, конских бобов говорят о развитии земледелия (Банцеровское городище, датируемое VI—VIII вв.). Кости лошади, коровы, овцы и свиньи свидетельствуют о большой роли скотоводства. Охота и рыбная ловля также имели важное значение в хозяйстве древних обитателей городищ Белоруссии и Смоленщины. Наряду с железными изделиями встречается много каменных и костяных. Керамика грубая, лепленная от руки. В наиболее древних городищах всюду встречаются сырдутные печи для обработки железа. Жилища наземные, бревенчатые, с потолками. Землянок не встречается. Если обратиться к погребениям, то следует отметить, что древним городищам всюду сопутствуют могильники различных форм, в том числе типа «полей погребальных урн», с крайне бедным, скудным, однообразным инвентарём, обнаруживаемым в трупосожжениях. Эти могильники с трупосожжениями представляют собой родовые кладбища.

Итак, перед нами типичная картина патриархально-родового строя, неразложившихся первобытно-общинных отношений, покоящихся на архаичном подсечном земледелии, скотоводстве, рыбной ловле и охоте. Техника прими-

тивна. Орудия труда грубы и архаичны. Наряду с железом бытуют камень и кость. Разделение труда ещё не началось. Ремесло связано со всеми видами производства. Безраздельно господствуют коллективный труд и общинная собственность. Имущественное, а тем более социальное, неравенство отсутствует. Патриархальная семья, род, племя — таковы формы общественной жизни племён лесной полосы Восточной Европы в середине I тысячелетия н. эры.

Вот что говорят нам о жизни и быте лесных племён памятники материальной культуры, единственный наш источник для изучения древнейших судеб тех, кто принял участие в формировании восточного славянства. Но ограничиться только этими выводами нельзя. Нас, вполне естественно, интересует вопрос, кто были эти племена, какова была их культура, на каком языке они говорили?

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в целом ряде районов Белоруссии и Смоленщины распространены так называемые «северные поля погребальных урн». Они тянутся по южной Белоруссии, пересекают среднее течение Березины, идут на северо-восток к Смоленску, оттуда граница их распространения спускается на юг и юго-запад к Десне и Чернигову.

«Северные поля погребальных урн», несомненно, принадлежат древним восточным славянам, сородичам среднеднепровских славян, создавшим культуру «полей погребений». Дальше к северо-западу, северу и северо-востоку от области распространения «северных полей погребальных урн» лежат земли, которые занимали различные по своей культуре многочисленные племенные группы, ещё не распадавшиеся на отдельные резко очерченные этнические массивы, как это имело место во второй половине I тысячелетия н. эры, когда окончательно консолидировались восточно-финские, прибалтийские (летто-литовские) и славянские, русские племена. Культура смежных племенных групп имела много общих черт. Но это сходство касается лишь основных черт, объединяющих в некое единство группы соседящих племён. Культурной общности, которая могла бы говорить и об этническом единстве, ещё не было.

Изучение вещественных памятников даёт возможность нарисовать следующую этническую карту лесной полосы Восточной Европы. В верхнем Приднепровье намечаются

три локальные группы: Припятская, Деснинская и Верхнеднепровская. Культура этих групп близка к культуре среднеднепровских племён скифской поры, а также более поздним «полям погребальных урн». Городища верхнего Поднепровья окружены своеобразными миниатюрными «полями погребальных урн» с трупосожжениями. По верхней Березине и по среднему течению Западной Двины лежит группа городищ с весьма примитивными памятниками материальной культуры, керамикой со штриховкой, рисующими весьма архаичный быт населения. В верхнем Поволжье, где располагаются наиболее типичные «дьяковы» городища, можно наметить четыре группы: Верхнеокская, близкая Деснинской, Верхневолжская, Валдайская и Волго-Окская. Верхневолжская характеризуется городищами с высокой площадкой с подсыпкой и остатками наземных жилищ и керамикой с рядом архаических особенностей, типичных для местной посуды эпохи бронзы. На верхнеокских и волго-окских городищах жилища имели вид круглых или прямоугольных землянок. В посуде и других вещественных памятниках волго-окских городищ имеется много черт, сближающих их с памятниками материальной культуры западного Поволжья. Наконец, ниже устья Оки, в западном Поволжье, распространяется культура городищ с «рогожной» керамикой. Быт населения лесной полосы Восточной Европы свидетельствует о начале варварства.

В результате сложного этногонического процесса и консолидации соседних племён на этой этнической базе формируются славянские, финские и литовские (прибалтийские) племена. При этом основным очагом славянского этногенеза в лесной полосе Восточной Европы были верхнее Поднепровье, Десна и Припять, и восточное славянство складывается в основном на базе Припятской, Деснинской и Верхнеднепровской групп племён, тогда как племена западного Поволжья формируются главным образом на базе Запавноволжской племенной группы. К последней примыкают Верхневолжская, Волго-Окская и Валдайская группы. При этом очень важно отметить то обстоятельство, что обитатели верхнего Приднепровья, Десны, Припяти, верховьев Оки, Волги и Западной Двины являлись преимущественно земледельцами, тогда как у племён Среднего Поволжья, Прикамья и сопредельных земель важнейшей отраслью хозяйства было скотовод-

ство. Здесь, в северном очаге этногенеза восточных славян, на Волыни, в Полесье, на Среднем и Верхнем Днепре, среди дремучих лесов, сложился древний земледельческий языческий календарь славян. Только в полосе смешанных лесов, в условиях огневого подсечного хозяйства могло возникнуть то изумительное соответствие наименований месяцев года циклу земледельческих работ и смене времён года, о котором речь была выше.

Примерно с середины I тысячелетия н. эры отмеченное нами выше резкое различие между среднеднепровскими славянами и их северными соплеменниками, обитавшими в глухих лесах верховьев Днепра, Волги, Западной Двины и Оки, постепенно исчезает. Начинается нивелировка, сближающая между собой эти два, столь различные по уровню общественных отношений, быту и культуре, очага славянского этногенеза.

В это время на севере распространяются обряд трупосожжения и вещи, характерные для среднего Приднепровья, что свидетельствует о сближении среднеднепровских и северных, лесных, славянских племён, причём вторые подпадают под влияние первых. Если вначале, в III—V вв. н. эры, среднеднепровские славяне передвигаются на север, то позднее, в VIII—IX вв., наблюдается передвижение северных, славянских племён на юг и юго-запад. В эти времена лесные племена славян принесли из-за Припяти и Десны в более южные области среднего Приднепровья свою более отсталую культуру.

По соседству с древними протославянскими племенами лесной полосы Восточной Европы в районе Валдая, Верхней Волги, между Волгой и Окой и дальше на восток, север и запад обитали другие племена, которые впоследствии оформились как восточно-финские (приволжские), литовские (прибалтийские) и другие уже племена. Часть же этих племён, особенно в районе Верхней и Средней Оки, Верхней Волги, у Поротвы, в области Ильменя и Волхова, на Валдае, впоследствии ославянилась, обрусела. Так, например, уже в летописные времена мордва и мари — ближайшие родственники мери — оформились в приволжские финские народы, а меря обрусела, так же точно, как обрусели мурома, весь (финны) и голядь (литовцы).

Поэтому-то материальная культура земель, населённых этими племенами, носит смешанный характер, и одни

признаки сближают её с древнеславянской, а другие — с древнелитовской, прибалтийской, или протофинской, поволжской. То же самое можно сказать и о топонимике, «языке земли», сохранившем остатки древней речи пёстрых палеоевропейских племён, которая нашла отражение в языках и близких друг к другу их далёких потомков (славяне и литовцы) и далёких друг от друга (славяне и финны) в виде того общего, что их сближает и не может считаться заимствованиями в историческую эпоху.

В некоторых местах произошла замена древних языков населения края русской речью, в других — появилось русское население, смешавшееся с местным и передавшее ему свой язык и обычаи, восприняв, в свою очередь, многое и от древних обитателей земли.

Так, например, совершенно очевидно, что на берегах Ильменского, Чудского, Ладожского и Белого озёр, на среднем течении Дона и Западной Двины славянское население стало преобладающим лишь в VI—VIII вв.

Памятники материальной культуры рисуют нам картину расселения славянских племён на обширных пространствах Восточной Европы. В области Ильменя, Ловати, Волхова, Мсты выделяется племенная группа создателей так называемых «новгородских сопок». «Новгородские сопки» представляют собой высокие курганы с рядом трупосожжений. Древнейшие из них датируются VI—VII вв., позднейшие — IX—X вв. В это время они сменяются невысокими курганами с одним-двумя трупосожжениями. «Новгородские сопки» — памятники ильменских словен. Преемственность сопок, малых курганов и жальников¹ говорит за то, что население, хоронившее своих покойников в сопках в VI—X вв., в курганах IX—XII вв., в жальниках XI—XIV вв., было русским.

Вторая племенная группа занимает верховья Днепра, Волги, Западной Двины и уходит далеко на север вдоль восточного берега Чудского озера к Луге. Это область коллективных трупосожжений в так называемых «длинных курганах». Древнейшие из них датируются V—VI вв., позднейшие — IX—X вв., когда на смену им приходят индивидуальные погребения в круглых курганах. «Длинные курганы» — памятники кривичей.

¹ Жальники — могилы в ямах, обложенные камнями.

В верховьях Оки, спускаясь к верховьям Дона, расположены погребальные сооружения, датируемые VI—X вв., представляющие собой деревянные срубы с остатками трупосожжений. Они сопровождают городища и селища «Мощинского типа». Эти погребальные памятники принадлежат вятичам.

Так вырисовывается по памятникам материальной культуры область расселения в VI—X вв. северных русских племён — словен, кривичей и вятичей.

Вещественные памятники резко отличают их от соседей литовских (прибалтийских) и восточнофинских (поволжских).

В этих памятниках материальной культуры древних словен, кривичей и вятичей есть много черт, связывающих их, с одной стороны, с городищем у деревни Березняки на реке Сонохте, с другой — со славянскими курганами IX—X вв.

В течение VII—X вв. наблюдается расселение славян на север и на восток. «Новгородские сопки» словен протянулись к Ладожскому озеру, к Белоозеру, к Шексне, Мологе. «Длинные курганы» кривичей появляются на Тверце, в верховьях Волги, в Суздальщине, а вятичские деревянные срубы обнаружены на средней Оке и в верховьях Дона. Шли по рекам. Ловать привела к Ильменю, Великая — к Чудскому озеру, в землю чуди. По Волхову и восточному берегу Чудского озера славяне пришли к Ладоге, по Мсте — к Белоозеру, в землю веси, по Мологе и Волге — в землю Суздальскую, в землю мери, по Оке — в землю муромы, по Луге — в землю води.

На север шли кривичи и словене, на северо-запад — полочане, ветвь кривичей, на восток — кривичи, вятичи, радимичи и северяне.

Под влиянием продвижения на север славянских поселенцев (явления, совершенно отчётливо установленного археологами) происходят передвижки и в местном населении. Так, например, скорее во второй, чем в первой половине I тысячелетия н. эры, в Приладожье появляются первые городища «Дьякова типа» (Ловницкое, Пестовское), принадлежащие продвинувшимся с юга земледельцам и скотоводам. Они смешиваются с древним местным населением Приладожья, охотниками и рыбаками, сохранившими ещё культурные традиции неолита. В этом автохтонном населении мы усматриваем предков лопарей

«Торг у древних славян». С картины *С. Иванова* (к стр. 115)

«Волоком волокут». С картины *Н. Рериха* (к стр. 117)

(саамов), обитавших ранее в Приладожье и в Обонежской пятине и оттесненных впоследствии к северу, сохранивших следы своего обитания в специфической материальной культуре и лапоноидном расовом типе аборигенов¹ края.

Характерно отметить, что расселение славян на север, в Приозёрной области, шло большими и малыми семьями, обитавшими в небольших, открытых, чаще всего одно-семейных посёлках.

Южнее, в низовьях Припяти и Березины, распространены южнобелорусские городища и «северные поля погребальных урн» — это памятники дреговичей и радимичей. На левом берегу Днепра, в бассейне Десны и Сейма, распространяются городища «Роменского типа», принадлежащие северянам. Ещё южнее, в области Киева, по обе стороны Днепра, до VI—VII вв. сохраняются «поля погребальных урн», сменяясь более поздними курганными могильниками конца I тысячелетия н. эры. Эта территория — позднейшей северянской колонизации, земли полян и древлян. К сожалению, более западные области изучены плохо, и памятники V—IX вв. здесь почти неизвестны.

Если район Ильменя, Мсты и верховьев Дона не даёт права увязывать памятники VI—X вв. («сопки» и курганы с деревянными срубам) с более ранними и считать, таким образом, славянские племена этих областей прямыми потомками древнейших аборигенов края (это отнюдь не означает того, что древнейшие обитатели Ильменя, Мсты и верховьев Дона не принимали участия в формировании славянства, ассимилируясь с пришельцами из южных, по отношению ко Мсте и Ильменю, и западных, если речь идёт о Доне, областей), то Днепровско-Деснинский бассейн с периферией даёт право говорить о местном происхождении восточных славян. Такова картина расселения восточнославянских племён по памятникам V—X вв.

Она неполна. Многие ещё неизвестно, многое плохо изучено. Но даже и то, что нам стало известным благодаря раскопкам археологов, даёт возможность набросать, хотя и весьма неполно, неточно, этнографическую карту русских племён накануне образования Киевского государства.

¹ Автохтоны, аборигены — местное население, издревле обитающее на данной территории.

Проходит два-три столетия. Русь X—XII вв. — это уже Русь киевских времён, Русь Олега и Игоря, Святослава и Владимира, Ярослава и Мономаха. Но внимательное изучение и систематизация вещественных памятников, летописей, диалектологической карты, топонимики, этнографии, наконец, привлечение свидетельств иностранцев о Руси дают возможность проследить племенные особенности, племенные границы, ещё достаточно явственные, хотя и находящиеся в стадии отмирания, когда на смену древним племенным приходят новые политические территориальные границы и особенности.

И благодарной задачей для археолога, историка, языковеда является попытка под напластываниями, обусловленными политическими объединениями, найти материальные следы племенного быта, подобно тому как в диалектах эпохи феодальной раздроблённости обнаружить остатки древних племенных языков.

Перейдём к рассмотрению славянских племён Восточной Европы по данным материальной культуры и языка и свидетельствам письменных источников.

Прежде всего о полянах.

«Поле», «Польская земля», т. е. земля полян, была очень невелика и включала в свой состав лишь окрестности Киева.

На востоке границей полян был Днепр, быть может, прилегающие к Днепру районы Левобережья, на северо-западе и западе крайними аванпостами «Поля» были Вышгород на Днепре и Белгород на Ирпени, и, вообще, к северу от Ирпени «Польская земля» не распространялась. К югу она протянулась до реки Роси, хотя кое-где и южнее, до Смелы у Черкасс, тянулись поселения полян.

Вещественные памятники полян изучены слабо. Ими считают обычно небольшие курганы IX—X вв. с трупосожжением. Пережжённые кости помещались в сосудах, причём иногда малые сосуды прикрывались большими, что является пережитком обычая, характерного для «полей погребальных урн». Из вещей попадаются золотые и серебряные серьги, бляшки и т. п.

Как племенное название термин «поляне» быстро исчезает, и «Поле» становится «Русью», а поляне — «киянами».

Древлянская земля начиналась от Ирпени и Днепра на северо-востоке и тянулась вдоль болотистого побережья

Припяти на запад и юго-запад по Горыни, Случи и Стыри.

В древлянской земле господствуют труположения в ямах или на поверхности земли. Часто встречаются остатки гробов, сколоченных железными гвоздями. Редко попадаются простые сосуды из глины без орнамента, вёдра и ещё реже — оружие. Зато чаще встречаются ножи, огнива, серпы, молотки, пряслица, кольца, серьги, бусы из пасты, сердолика и стекла, остатки шерстяной одежды и обуви в виде мягких полусапожек с отворотами. В западной части земли летописных древлян, на Волыни, характерным женским украшением являются перстнеобразные височные кольца.

Древлян знает не только наша летопись, но и византийский император Константин Багрянородный (X в.).

Далее к западу тянулись земли дулебов (волынян). Здесь, как и на западе древлянской земли, в древнейшие времена господствовало трупосожжение, сменившееся позднее труположением. Обложенные кругом валунов небольшие курганы заключали в себе погребения на остатках кострищ на поверхности земли или в ямах, окружённых камнями. Костяки лежат в сколоченных гробах, в колодах или в срубках с деревянной двускатной крышей. Погребальный инвентарь близок к древлянскому: деревянные вёдра, простые глиняные сосуды, кольца, серьги, бусы, остатки одежды и обуви, аналогичных древлянским. В отличие от древлянского инвентаря погребений в волинских курганах встречаются тонкие височные женские кольца и серьги, напоминающие киевские.

Имя волынян известно не только нашей летописи, но и восточным (Масуди, Ибрагим-ибн-Якуб), и западноевропейским (Географ Баварский¹) источникам.

Ещё далее к западу лежала земля хорватов, упоминаемых в числе восточнославянских племён нашей летописью и Константином Багрянородным. К югу от древлян и волынян жили уличи. Летописи застают уличей передвигающимися с Днепра на Буг и с Буга на Днестр, что было, пожалуй, последним этапом передвижения восточно-

¹ Географ Баварский — анонимный средневековый автор.

славянских племён к Дунаю, передвижения, начавшегося ещё во времена антов.

Куда же передвигались уличи? Несомненно, часть их ушла на Дунай в Поднестровье, в районы будущей «Галицкой Украины», на территорию современной Бессарабии и Молдавии, часть их отходила на север, в районы верховьев Южного Буга и Днестра.

Быть может, в уличах следует усматривать потомков славян эпохи «полей погребальных урн», поселения которых выходили частично на левый берег и спускались на нижнее течение Днестра.

Ещё дальше на юго-запад от уличей жили тиверцы, «толковины», т. е. союзники Олега во время его похода на Византию, которые «звахуться от Грек Великая Скуфь». Их имя, несомненно, связывается с античным названием Днестра «Тирас», подобно тому как «речки ради... Полоты» северо-западная ветвь кривичей получила название «полочане». Они жили до Дуная и «до моря», заходя на северо-запад до предгорий Карпат и соседя с южными славянами на Дунае. Сведения о них крайне скудны.

Уличей знают Константин Багрянородный и Географ Баварский. К сожалению, вещественные памятники уличей нам неизвестны. Кое-где в Подолии были раскопаны курганы, обложенные камнями, в которых нашли сосуды с пережжёнными костями. Вещей в них было очень мало. Высказывалось предположение, что это и есть курганы уличей или тиверцев.

Перейдём к рассмотрению северо-западных русских племён. По правому берегу Днестра и «между Припетью и Двиною» обитают дреговичи. О них говорит и Константин Багрянородный. Нет никакого сомнения в происхождении племенного названия дреговичей. Подобно тому как и теперь жители глухого и болотистого Полесья именуются «полещуками», а обитатели Карпатских гор называют себя «верховинцами» или «горскими», так и население болот Припятья и Подвинья называлось «дреговичами» от бесчисленных «дрягв» или «дрегв», т. е. болот, покрывавших их лесистый край. Дреговичские курганы с погребениями и трупосожжениями очень сходны с кривичскими. Филигранные бусы и височные кольца с находящими друг на друга концами, напускными бусами с круглой и грубой медной зернью, наиболее часто встречаемые в курганах дрегови-

чей, также сближают дреговичей с их северными соседями — кривичами. С другой стороны, с древлянами дреговичей сближает длительное время бытующий в глухих местах, отдалённых от рек, служивших главными средствами сообщения, древний обряд трупоположения.

Дреговичские курганы с сожжением, обнаруженные в районе Речицы, представляют собой насыпи, в основании которых лежат останки людей. Иногда же они собраны в кучу и помещены в насыпи в сосуде или кучей. Дреговичские курганы с трупоположением очень близки к древлянским и волынским. Труп клали на пепелище, часто в гроб или колоду. Встречаются костяки в сидячем положении. В отличие от древлянских и волынских дреговичские курганы богаче вещами. Древнейшие дреговичские курганы датируются временем не ранее X в. Северо-западная граница дреговичских курганов доходит до верхнего Немана и верхней Вилии, где начинаются уже литовские курганы, резко отличающиеся от славянских обилием оружия.

Особого внимания заслуживают кривичи. Могущество и многочисленность этого русского племени, распростёршего свои владения от реки Великой до Западной Двины, от Изборска и Пскова, от дремучих литовских пущ до верховьев Волги, Угры и Москвы-реки, до Ростова и Ярославля, земли летописной мери, земли Суздальской, от Наровы и Луги на севере до средней Березины и верховьев Днепра на юге, отразились и в рассказах нашей летописи, и в легендах о «Великой Криви», и, наконец, в той исторической роли кривичей, которую они сыграли в продвижении славян на запад, север и восток, в создании Киевского государства и русских княжеств удельной поры. На обширных пространствах кривичской земли распространены уже известные нам длинные курганы с трупосожжением, сменяющиеся в IX—X вв. индивидуальными круглыми курганами.

У села Гнездова, в 10 километрах к западу от Смоленска, тянется огромный могильник IX—X вв., насчитывающий более 2000 курганов (больших и малых) с трупосожжениями. Обряд трупосожжения совершался на стороне или на самой курганной площадке. Из погребального инвентаря обращают на себя внимание оружие, мечи, браслеты, медные и железные шейные гривны, медные фибулы, подвески в виде лунниц, крестов, птиц и т. п. Позднее трупосожжение сменяется трупоположением. В погребениях конца X —

XI вв. костяк лежит на поверхности земли или в нижней части насыпи. Попадают остатки гробов, глиняные сосуды, деревянные ведёрки, ножи, топоры. Наиболее характерными предметами погребального инвентаря кривичей этой поры являются большие браслетообразные серебряные височные кольца иногда с плоскими ромбическими щитками, подвески, лунницы и ажурные бляшки, очень сходные с аналогичными вещами из курганов Гнездовского могильника. В то же самое время следует отметить, что на огромных пространствах земли летописных кривичей существует несколько районов со специфическими вещами, и нет предметов, которые бы составляли особенность только территории кривичей. Так, в частности на западе, в области полоцких кривичей, где, в основном, тот же инвентарь, — что и в смоленских курганах, и те же браслетообразные височные кольца, но меньших размеров, встречаются вещи литовско-латвийских курганов люцинского типа, а на востоке в курганах кривичей находят вещи восточнофинского, поволжского типа. Быть может, это обстоятельство объясняется тем, что кривичи развили ещё в эпоху глубокой древности бурную колонизационную деятельность, обусловленную в значительной степени их силой и многочисленностью. Ещё в VI—VII вв. с верховьев Днепра, Западной Двины и Волги кривичи начинают расселяться на запад, север и восток. К этому времени относится появление славян на востоке латгальских земель, земель летописной летьголы. Несколько позднее кривичи появляются у Изборска, а ещё позднее — в восточных областях, к востоку от Ржева и Зубцова, в Московской области, где обнаружены лишь относительно молодые, не старше X в., кривичские курганы.

О кривичах говорит не только наша летопись; их знает и Константин Багрянородный.

К северу и северо-востоку от кривичей обитали ильменские словене, известные нам в археологии по своим сопкам. Большие курганы, достигающие 10 и более метров высоты, с бедным инвентарём, глиняными сосудами и пережжёнными костями — вот что представляют собой новгородские сопки. В IX—X вв. они сменяются небольшими курганами, а ещё позднее — могилами в ямах, обложенными камнями, известными под названием «жальников» (XI—XIV вв.). Древнее трупосожжение сменяется трупоположе-

нием. В некоторых местах в лесах озёрного края, где словене ильменские появились позднее, господствуют малые курганы и жальники с трупоположением. В погребениях словен XI в. встречаются как типичные проволочные височные кольца, сменяющиеся в XII в. височными кольцами с ромбическими щитками и сомкнутыми концами, ажурные подвески и бубенчики. По течению Великой, в районе Чудского и Псковского озёр и северо-западнее Ильменя, памятники новгородских словен сочетаются с кривичскими длинными курганами. На север и на восток от Ильменя тянутся исключительно словенские курганы, доходящие до Ладоги, Белоозера и Шексны. На юго-востоке границей ильменских словен выступает Тверца, а на юге — междуречье Куньи и верхнего течения Западной Двины. На обширной территории расселения ильменских словен встречаются памятники и не славянские. Таковы, например, курганы Водской пятины, в которых обнаружены многочисленные нагрудные и поясные подвески в виде птиц и животных. В них едва ли не следует видеть погребения воды, сохранившей, судя по курганам, свой этнографический облик вплоть до XIII—XIV вв. Такими же финскими являются древние курганы Приладожья и бескурганные Ижорские могильники. За это по крайней мере говорят вещественные памятники, хотя надо отметить, что в некоторых местах, селясь среди инородческого населения, славяне воспринимали его материальную культуру. Так, например, раскопки русского города Герцикэ XII—XIII вв. в латышской земле дали исключительно местные вещи, хотя, по свидетельству хроники Генриха Латвийского, это был русский город.

С течением времени неславянские вещественные памятники Новгородской земли исчезают, уступают своё место русским.

Ильменские словене также были многочисленны и сильны. Этим объясняются их расселение на север и восток и создание мощного политического центра на русском северо-западе.

Дреговичи, кривичи с их полоцкой ветвью и ильменские словене составляли мощный массив северных русских племён.

Далеко на запад тянулись русские земли — до Дуная и Трансильвании, до Грона и Вислоки, Карпат и Кракова,

до дремучих лесов ятвяжских, до Пруссии и среднего течения Западной Двины.

Перейдём к восточной группе русских племён — радими-чам, вятичам и северянам.

Земля радимичей охватывает междуречье Ипути и Сожа, но радимичские поселения, отражая стремление радимичей к плодородным землям, протянулись узкой полосой и на юго-восток, по Курской области.

Обычай сожжения, характерный для радимичских курганов IX в., в IX—X вв. сочетается с имитацией сожжения и трупоположением на горизонте, сменяясь в XI в. трупоположением в ямах. Для вещественных памятников радимичей характерны семилучёвые подвески к височным кольцам, в других местах неизвестные. Встречаются спиральные височные кольца, головные венчики и небольшие проволочные кольца с сомкнутыми концами, находимые в погребениях северян. В погребениях радимичей находят специфические подвески в виде кружка с изображением головы быка, а также в виде луны, креста, собачек, ложечек, бубенчиков и пластинчатые шейные гривны с розетками на концах. Попадаются серпы и оружие. Радимичи были небольшим, малочисленным, слабым племенем.

Соседями радимичей с востока выступают вятичи. Рекой вятичей была Ока. Вятичи населяли территории Тульской, большую часть Орловской и Московской областей и часть Смоленской. Позднее вятичской стала и Рязань. Вятичскими были и славянские поселения по среднему Дону. Курганы вятичей невелики, без камней в основании. Костяки лежат на уровне почвы на берёсте, в гробу или реже в бревенчатом срубе — гробовище, головой в направлении захода солнца. Курганы вятичей датируются XI—XIV вв. и сменяют собой древние курганы VI—X вв. Зола и уголь от тризны, бросаемые в землю курганной насыпи, говорят о преемственности обрядов.

Трупосожжений более позднего периода встречается мало, что говорит о вытеснении трупосожжений трупоположениями ещё в доисторические времена. Погребальный инвентарь характеризуется семиллопастными височными привесками, плетёными и пластинчатыми шейными гривнами, витыми и пластинчатыми браслетами и ажурными перстнями, сделанными из меди или плохого серебра. В ногах костяков встречаются горшки с остатками пищи. Ору-

жие попадаетя очень редко. Более поздние вятичские курганы обнаружены на востоке, в пределах Рязанской области, что говорит о продвижении вятичей на восток, к Дону и Рязани.

Вятичи — одно из наиболее отсталых и консервативных русских племён, обособленное существование которых продолжалось до XII в., когда они были включены окончательно в политическую жизнь древнерусских княжеств.

Неясные сведения о вятичах сохранили нам арабские, персидские и древнееврейские источники (Гардизи, Ибн-Росте, Персидский Географ,¹ хазарский царь Иосиф).

Южнее радимичей и вятичей, на левобережье Днепра, «по Десне и по Семи и по Суле» жили северяне. На территории земли летописных северян в IX—X вв. выделяются три района, отличающиеся друг от друга специфическим характером погребений. Первый район, замкнутый в линии Любеч — Стародуб — Новгород-Северск — Ромны — Чернигов — Любеч, содержит небогатый инвентарь в похоронениях в глубоких узких ямах. Второй характеризуется неглубокими, в $\frac{1}{3}$ метра, могилами с мелкими зерновыми и сердоликовыми сферичными бусами, височными кольцами и т. п.; он замкнут в линии Переяславль — Ромны — Гадяч — Ахтырка — Переяславль. Третий, самый восточный, расположен внутри линии Ромны — Путивль — Воронеж — Рыльск — Суджа — Ахтырка — Гадяч — Ромны и характеризуется спиральными височными кольцами и погребениями на горизонте с богатым инвентарём. Спиральные височные кольца, витые гривны с пластинчатыми сгибнями на концах, пластинчатые головные венчики и подвески в виде лунниц, кружков и т. д. являются наиболее типичными вещами погребального инвентаря земли северян.

О северянах говорят Константин Багрянородный, Географ Баварский и хазарский царь Иосиф.

Летописец отмечает, что «И радимичи и вятичи, и север один обычай имяху...». И действительно, некоторые общие черты сближают население Десны, Сейма, Сулы, Оки, Сожа и Ипути.

На этом мы заканчиваем рассмотрение восточнославянских племен, упоминаемых в нашей летописи.

¹ Персидский Географ — анонимный автор X в., писавший на персидском языке.

Интересно отметить, что карта распространения определённого типа погребений и главным образом определённого типа погребального инвентаря и, в частности, женских височных колец и карта расселения племён по летописи почти полностью совпадают.

Это является свидетельством того, что, несмотря на сравнительно позднее оформление типов погребального инвентаря (IX—XI вв.), в вещественных памятниках древней Руси ещё длительное время уже в период Киевского государства сохраняются племенные признаки.

Там, где процесс распада племенных связей начался очень рано (на юго-западе и юге), там устанавливается некое однообразие культуры, как это мы уже видели, а там, где племена были более устойчивы, где медленнее шла замена племенных связей территориальными, политическими, там бывшие племенные особенности отражались в вещественных памятниках даже XI в.

Не надо забывать и того, что в быту населения удивительно долгое время сохраняются архаические черты. Обратимся к этнографии. Записанные этнографами и исчезающие буквально на наших глазах обычаи, песни, поверья, обряды и т. п. часто уводят нас ко временам седой древности. Также удивительно архаичными и консервативными являются многие памятники материальной культуры. На протяжении многих столетий в зодчестве, резьбе, ювелирном деле, гончарном ремесле, в женских рукоделиях господствуют одни и те же приёмы, мотивы, рисунки, изменяясь, эволюционируя, меняясь в деталях, но сохраняя основные формы.

Типы вещественных памятников, в частности формы женских украшений, типы погребений и т. п., являются очень устойчивыми и ведут зачастую к временам племенного быта.

Таким же путём, идя от позднейшего к древнейшему, удалось восстановить некоторые черты восточнославянских племенных языков. Славянские языки — категория историческая. Они возникли из древнейших дославянских языков лишь на определённом этапе развития «доисторических» племён Восточной и Центральной Европы. И уже в глубокой древности в процессе схождения и расхождения древних языков палеоевропейцев сложилась восточная ветвь славянских языков. Когда это было? За много столетий до образования древнерусского государства.

Тысячелетиями длился процесс становления славянских

племён из неустойчивых групп. В состав славян включались иноязычные элементы; их языки обогащались новыми речевыми слоями. Славяне расселялись из перенаселённых мест, распадались на группы, в их состав вливались другие группы. В этом котле доисторического формирования племён и языков складывалось славянство.

Процесс этот сложный и разбивается на ряд этапов. Вначале наблюдается схождение языков, их сближение. Затем, в период расселения славян, начинается расхождение и создаются условия для изолированного развития, хотя схождение и не прекращается вовсе. Потом наступает время складывания первых государств, и, следовательно, слияние преобладает над расхождением, общее — над частным.

И в течение всего этого периода с самых древних времён славянские языки, общаясь с другими, впитывают в себя элементы этих последних и в свою очередь обогащают их.

Начало формирования славянских языков уходит в седую даль прошлого. Но с определённого времени можно говорить о складывании исходных форм, сближающих все славянские языки и отличающих их от речи соседей.

Эти исходные формы у разных славянских племён обогащаются остатками древней речи палеоевропейцев (причём одни славянские племена сохраняют пережитки речи одних палеоевропейских племён, другие — других), заимствованиями и т. д. Общность восточнославянских языков, как мы уже видели, сложилась рано. Невероятно быстро расширившиеся границы расселения славян всё более и более отрывают и всё дальше и дальше отбрасывают окраинные славянские племена от основного очага славянского этногенеза. Связи между ними ослабевают и почти прекращаются. Культурные и языковые различия возрастают. В языке вятича с Оки и словенца с Адриатики, серба с Лабы и болгарина из-под Солуни становится всё меньше и меньше общих черт. Но зато в пределах определённых территорий на основе экономических, культурных и политических связей растёт единство. Процесс схождения усиливается. Так было в Восточной Европе в VIII—IX вв., когда анты среднего Приднепровья сливаются в единый восточнославянский массив со славянскими племенами лесной полосы.

Но общность древних восточнославянских языков не была их тождеством. Диалекты восточных славян отличались друг от друга, и это отличие было не только результатом

сохранения каких-то черт древних языков доисторической поры, из которых в эпоху глубокой древности сложились протославянские языки, тесно связанные между собой общими исходными формами, но, главным образом, следствием дробления славянской речи на диалекты, что имело место в течение длительного периода в эпоху родового строя. Это дробление сопровождалось скрещиваниями диалектов между собой и с соседними индоевропейскими и неиндоевропейскими языками.

Для словен было характерно сильное «оканье», произношение «ѣ» как «и», наличие в речи звука, среднего между «ц» и «ч», сочетание «жг» вместо «жд», твёрдое окончание в глаголах 3-го лица, особенности в лексике («орать» — пахать, «вятчий» — богатый, знатный, именитый, «тировати» — проживать, «звук» — осколки, щебень и т. п.). Некоторые черты диалекта словен, лексики и фонетики связывают их с южнорусскими племенами среднего Приднепровья и свидетельствуют об их давних связях, связях Киева и Новгорода, обусловленных сношениями по великому водному пути «из варяг в греки».

Кривичи говорили на «окающем» диалекте, но близкое их соседство с дреговичами и радимичами обусловило раннее проникновение в язык кривичей «аканья».

В диалекте кривичей имели место звуки, средние между «ц» и «ч», «с» и «ш», «з» и «ж», т. е. смещение шипящих и свистящих, сочетание «гл» и «кл», мягкое окончание глаголов 3-го лица настоящего времени («идеть» вместо «идёт»); звук «г» был близок к «х», а звук «в» переходил в «у». В диалекте кривичей также имели место южные черты. Сближение между словенами и кривичами началось рано в связи с объединением их в борьбе с варягами в один племенной союз. Кривичи и их потомки колонизовали Заонежье до Поморья, дошли до Вологды и Вятки, до междуречья Оки и Волги, северной части Рязанской земли.

Особняком стоят владими́ро-суздальские говоры, отличающиеся умеренным оканьем, произношением «ѣ» как «е» и другими чертами, отличающими их от северорязанских говоров потомков кривичей и от диалектов словен, что даёт возможность признать их остатками диалекта особого восточнославянского племени, название которого нам источники не сохранили.

Таковы были диалекты северорусской группы племён. Южнее длинной полосы тянутся среднерусские говоры. Здесь обитали летописные дреговичи, радимичи и вятичи, говорившие на особых племенных диалектах. У дреговичей произошло отверждение «р» («борба» вместо «борьба») и имела место мена «в» и «у» («у город»). Такая же мена «в» и «у» отмечается в диалекте радимичей, но отсутствует у вятичей. Сближение дреговичей, радимичей и вятичей началось очень давно. Оно привело к появлению «яканья», особенно сильного на крайнем западе и крайнем востоке расселения среднеруссов. В середине между этими диалектами сильного «яканья» расположены умеренное «яканье» и проникшее с юга «аканье» и западное «ыканье». Эти явления в речи среднерусских племен свидетельствуют о перерыве в начавшемся процессе сближения дреговичей, радимичей и вятичей, объясняемом, повидимому, влиянием говора северян, разъединившим эти племенные диалекты. В языке вятичей имеется ряд черт, сближающих его с языками финских и яфетических народов Поволжья и Северного Кавказа. «Аканье» вятичей характерно для мордовского, марийского, чувашского и яфетических кавказских языков, сближает их и лексика («сорока» — головной убор и в том же значении «сурка» марийск., «суркан» чувашск., «сорка» мордовск.; «шабур» — верхняя суконная одежда и в том же значении «шобар» чувашск., «шабр» марийск. и др.; «кут» — угол дома и мордовск. «кудо» — дом, марийск. «кудо» — старый тип жилища, удмуртск. «куд» — вместилище — и др.).

Что касается диалекта северян, то он был «окающим», как и южные диалекты. Издавна тяготевшие не только к южнорусской, но и к среднерусской группе племён северяне на северо-востоке втянулись в среду среднеруссов. Северское «оканье» было сменено «аканьем», но с заменой ударяемого «а» звуком «ъ», а затем «ы» («выда» вместо «вода»). От потомков северян диссимилятивное «аканье» перешло в соседние среднерусские говоры. Язык потомков северян — «сиворян», «сиверян», «полисцев», диалекты «полешуков» Задесенья, «горюнов» и «северско-белорусская говорка» характеризуются «аканьем», отверждением «р» перед гласными, рядом архаических черт и несомненно представляют собой наречия переходного типа. Слово «изба», которое имело место в лексике северянского племенного

диалекта, о чём свидетельствует слово «ухва» в куманском (половецком) словаре, которое могло быть заимствовано половцами только у славянских племён лесостепной полосы Левобережья, т. е. у северян, так как на правом берегу, у полян, оно не встречается, ведёт северянский диалект на север, где в лексике встречается слово «изба», неизвестное древнерусскому югу. У северян существовало слово «лошадь», также неизвестное на юге, где его заменяет слово «конь». Этот термин сближает северянский диалект с северорусскими наречиями и с яфетическим востоком.

Позднее сближение диалектов вятичей, радимичей, дреговичей и северо-восточной части северян в период образования Великого княжества Литовского прерывается, и начинается формирование белорусского языка на основе дреговичских и отчасти кривичских, радимичских и северянских говоров. Вместе с объединением русских земель под властью Москвы из части кривичских, словенских, владимирско-суздальских, вятичских, части радимичских, северянских, полянских и древлянских диалектов, языковые элементы которых проникают далеко на северо-восток, складывается великорусский язык.

Диалекты южных племён древней Руси изучены слабее. Говоры полян и древлян сближаются, и результатом их дальнейшей эволюции является североукраинское наречие, сближающееся с русскими и белорусскими говорами и представляющее собой языковое явление переходного типа. Этот киевский говор превращается во времена Киевского государства в общерусский язык, но Батыево нашествие прервало этот процесс, и после нового заселения среднего Приднепровья людьми, пришедшими с запада, и возвратившимися назад обитателями опустевшего края, киевский диалект превратился в окраинный, сохранив свои черты языка переходного типа. Никаких следов языка уличей и тиверцев до нас не дошло. Что касается червонорусских (западновольтыньских и прикарпатских) диалектов, то они уже с XII—XIII вв. имеют украинизмы в фонетике и лексике, ярко проявляющиеся в Ипатьевской летописи.

Таким образом, хоть и с рядом местных вариантов, намечаются три древнейшие группы восточнославянских диалектов: севернорусская, среднерусская и южнорусская.

Это деление восточнославянских племён по языковому

признаку на три группы не случайно и имеет глубокие корни.

Южнорусская группа и отчасти среднерусская в западной своей части (дреговичи) соответствуют племенам среднего Приднепровья, Поднестровья и Прикарпатья. Здесь, как мы уже видели, схождение племён, отразившееся в памятниках материальной культуры в виде определённого их однообразия, началось ранее, чем на севере, а именно — ещё в эпоху «полей погребальных урн», и привело к появлению в первые века новой эры южной ветви восточного славянства ранней, антской, ступени его формирования.

Среднерусская группа и отчасти северноруссы (часть кривичей) представляют собой те лесные отсталые восточнославянские племена, которые лишь в середине I тысячелетия н. эры, испытав на себе влияние своих передовых соплеменников среднего Приднепровья и продвинувшись на юг, слились с ними в единый восточнославянский, русский этнический массив. И, наконец, третья, севернорусская группа диалектов принадлежит племенам, развернувшим широкую колонизационную деятельность в слабо заселённых финскими племенами дремучих лесах северной полосы Восточной Европы.

В эпоху Киевского государства, а быть может, и несколько ранее начинается отмечаемое и археологами по вещественным памятникам и лингвистами по данным языка схождение культуры, быта и одновременно диалектов.

Так вырисовывается в свете изысканий наших лингвистов картина развития древнерусских диалектов начальной стадии в истории древнерусского языка — «одного из самых сильных и самых богатых живых языков» (*Фр. Энгельс*).

Как видно из всего изложенного, данные языка подтверждают в основных чертах предположения, высказанные в связи с анализом памятников материальной культуры.

И, в заключение вопроса о древнерусских племенах, несколько замечаний по поводу антропологического типа древних славян. Славянство сложилось на территории распространения различных расовых типов, и если обратиться к погребениям восточных славян IX—XII вв., то, естественно, перед нами выступают различные физические особен-

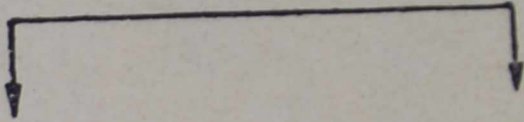
ности населения одной и той же области. В славянских погребениях той поры находят черепа и брахикефалов (круглоголовых) и долихокефалов (длинноголовых), высоких и низкорослых людей и т. д. и т. п. Ни о какой единой расе восточных славян, конечно, не может быть и речи.

Уже в эпоху неолита и позднее на территории Европы наблюдается складывание северной, средиземноморской, альпийской и прочих современных рас, причём, что чрезвычайно характерно, наблюдается процесс брахикефализации. В Восточной Европе в III—II тысячелетиях до н. эры распространён длинноголовый европеоидный тип (кстати сказать, господствовавший в те времена далеко на востоке, в Сибири, вплоть до западного Прибайкалья, и в Средней Азии). В это время и несколько позднее в лесах севера Восточной Европы наряду с длинноголовыми европеоидами появляются лапоноиды, расовые признаки которых выдают их смешанное европеоидно-монголоидное происхождение. Нет сомнения в том, что монголоиды в Восточной Европе проникают прежде всего на север, где и смешиваются с долихокефальным европеоидным населением. Это появление монголоидов в Восточной Европе началось давно, но так как оно было не следствием переселения мощных этнических массивов, а постепенным передвижением маленьких коллективов охотников и рыбаков монголоидов на северо-запад и запад, двигавшихся по необозримым пространствам суровой северной тайги, вдоль берегов рек, в процессе которого они смешивались со столь же малочисленными этническими группами автохтонов европеоидов, то и растянулось оно на долгое время и проходило очень медленно. Позднее в расообразовании в Восточной Европе наблюдаются два характерных явления: 1) образование смешанных типов в области соприкосновения европеоидных и монголоидных рас и 2) длительное сохранение признаков долихокефалии. Славянское население Волыни, древлянской земли, северянского Левобережья, московских курганов, новгородских сопок и т. д. в основном сохраняет долихокефалию, и длинноголовый тип превалирует. Причём, как и следовало ожидать, и в славянских курганах брахикефализация на севере начинается ранее, но идёт менее интенсивно и затягивается на более

«На Царьград». С картины *Н. Рериха* (к стр. 118)

А

Б

Знаки собственности: А) 1 и 2 — родовые знаки Владимира Святославовича, 3 — родовой знак Ярослава Мудрого, 4 — родовой знак Мстислава Владимировича; Б) Знаки княжеской собственности (к стр. 123)

длительный срок, чем на юге. Это объясняется тем, что в лесных чащах севера монголоидный тип появился раньше, но внедрение его и перенесение его признаков на местное население шли гораздо медленнее, так как носители монголоидных черт привносились сюда в незначительном количестве.

На юге этот процесс начался позднее, но зато пошёл более быстрыми темпами, так как здесь, на границе степи, монголоидные элементы массами непрерывно вторгались в гущу долихокефальных европеоидов, и скрещение и смешение расовых признаков здесь шли быстро и интенсивно. Стоит вспомнить гуннов, болгар, аваров, венгров и особенно печенегов, торков, половцев и их значение в жизни восточных славян. Вместе с брахикефализацией, повидимому, шло распространение тёмноволосого и тёмноглазого типа.

За последнее время антропологи отмечают, что брахикефализация развивалась в различное время и среди различных расовых типов в силу внутренних причин, характер которых установить пока что ещё не удалось.

Среди курганного славянского населения Восточной Европы встречаются представители различных рас. Кривичи близки к северным долихокефалам, представителям северной расы, северяне и вятичи близки к средиземноморской расе. На западе нередко находки черепов с явными признаками балтийской расы, на юго-западе, к Карпатам, — альпийской расы.

Таким образом, тип первобытных славян не представлял антропологической цельности, и не только отдельные племена значительно отличались друг от друга, но даже каждое племя в отдельности состояло из помеси различных расовых типов. Арабы и византийцы, сталкивавшиеся с восточными славянами, оставили нам свои описания внешнего вида «русов». Они румяные, с русыми волосами (Абу-Мансур, Ибн-Фадлан), «крепкие телом» (Казвини), «ростом высоки, красивы собой» (Ибн-Даста или Ибн-Росте), крепко сложенные, с голубыми глазами (описание Святослава у Льва Диакона), «рыжи», с «совершенными членами», уподобляющими их «пальмовым деревьям» (Ибн-Фадлан). В представлении арабов «сакалиба», т. е. славяне, это — вообще светловолосые люди, и даже светловолосых представителей неславянских племен они называют «сакалибами». Арабский термин «сака-

либ» означает светловолосого, русого человека, вообще, и славянина, в частности. Таким образом, русоволосость в представлении арабов была типичным признаком славян.

Русы бреют бороды (Лев Диакон, Ибн-Хаукаль), красят жёлтой или чёрной краской (Аль-Джайгани, Ибн-Хаукаль) или свивают (Ибн-Хаукаль), татуируются (Ибн-Фадлан), стригут или бреют голову, оставляя на одной стороне чуб (Лев Диакон, Аль-Джайгани). Так описывают арабы и византийцы тех руссов, которых им пришлось видеть далеко за пределами их родины. В данном случае речь идёт, очевидно, о господствующей, дружинной и купеческой прослойке руссов, а не о сельском населении древней Руси. Обычай красить или брить бороды, брить головы, отпускать чуб, татуироваться был распространён среди господствующих слоёв Руси, а не среди основной массы населения.

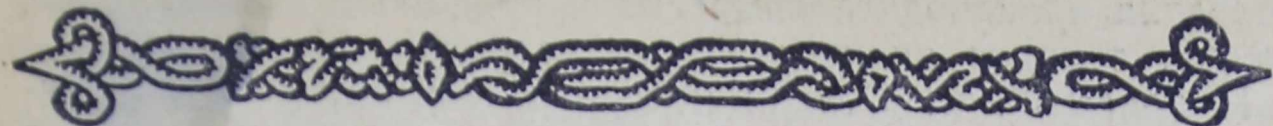
В русских миниатюрах и фресках тоже господствует русоволосый, сероглазый тип, описанный в летописи. К сожалению, обычаи, господствовавшие среди сельского люда, «людьа», «простой чади» Киевской Руси, придававшие их внешнему виду определённые черты, нам неизвестны.

Говоря о распространении тёмноволосых и тёмноглазых, светловолосых и светлоглазых элементов среди древнерусского населения и учитывая исторические условия и современное распространение обоих типов, следует отметить локализацию первого типа на юге и юго-западе, а второго — на северо-западе, севере и северо-востоке и постепенное усиление и распространение первого.

Раса — естественная, биологическая категория. Племя и народность — категории общественные. Поэтому раса и племя, раса и народность не совпадают. И одни и те же племена (восточнославянские), одна и та же народность (древнерусская) состоят из разных расовых типов, и в состав различных народностей (восточнославянских и финских) входит один и тот же расовый тип (длинноголовые европеоиды).

Расовые типы тоже не нечто неизменное. Они меняются вместе с развитием человечества. Поэтому нельзя себе представить неизменяющимися и расовые типы, встречающиеся среди древних восточных славян.

ГЛАВА V

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В IX—X вв. на всей огромной территории Восточной Европы быстрыми темпами идёт процесс разложения первобытно-общинных отношений, процесс распада патриархально-родового строя и возникновения феодальных отношений.

Как же на обломках первобытно-общинного строя выросла феодальная Русь?

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает, что «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей...

Значит, историческая наука, если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов.

Значит, ключ к изучению законов истории общества нужно искать не в головах людей, не во взглядах и идеях общества, а в способе производства, практикуемом обществом в каждый данный исторический период, — в экономике общества.

Значит, первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов

развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества».

И далее И. В. Сталин подчёркивает: «Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего — с изменений и развития орудий производства».

Поставим своей задачей показать, как в результате развития производительных сил патриархально-родовой строй, покоящийся на первобытно-общинном способе производства, уступает своё место феодальному способу производства.

Так как основой экономики древнерусских племён было земледелие, то и смену общественных, производственных отношений мы должны искать прежде всего в развитии производительных сил, точнее, в развитии земледелия, что прежде всего должно отразиться в росте и развитии земледельческой техники, в развитии новых, более совершенных форм земледелия, в прогрессе и развитии сельскохозяйственных орудий.

В истории древней Руси VIII—X века характеризуются тем, что медленно нараставший ранее процесс разложения первобытно-общинного способа производства, с патриархальным строем, большими семьями — семейными общинами, с коллективной обработкой земли, со слабо проявляющимся общественным разделением труда, отсутствием сколько-нибудь существенного имущественного расслоения, идёт всё быстрее и интенсивней, пока, наконец, в IX—XI вв. в основных, ведущих, наиболее передовых центрах и областях Руси не складывается феодальный способ производства. Процесс генезиса феодализма растягивается на несколько столетий и идёт далеко не равномерно, и когда феодальный Киев насчитывал уже много столетий, в это время в землях вятичей, в Пинском Полесье, в земле дреговичей ещё сохранялись устои родового строя.

Как и всякий переходный период в истории общественного развития, VIII—X века в истории древней Руси были тем отрезком времени, в течение которого, с одной стороны, ещё сохранялись общественные формы, свойственные родовому строю, с присущими ему производственными отношениями, бытом, культурой, идеологией,

с другой — росли и бурно развивались общественные формы, свойственные нарождающемуся феодализму, причём вторые повелительно вытесняли и устраняли первые, сохранявшиеся с течением времени лишь в пережиточной форме в быту, обрядности, повериях, как реликты давно прошедшей поры, да и то всё чаще и чаще лишь в областях, удалённых от ведущих, передовых центров Руси, отстоящих вдали от столбовых дорог исторического развития. Естественно поэтому, что мы, с одной стороны, привлекаем памятники материальной и духовной культуры древней Руси VIII—X вв. для характеристики первобытно-общинного строя, родового быта, хотя и в стадии своего разложения, а с другой — оперируем материалами археологическими и, отчасти, немногочисленными письменными источниками и данными языка той же эпохи для раскрытия путей зарождения феодализма.

Генезис феодализма — не одноактное действие, а длительный процесс, сложный и многообразный, для фиксации которого исследователь должен быть вооружён не фотографическим аппаратом для моментального снимка, а киноаппаратом. Здесь нет места статике, всё в динамике, всё в развитии. Здесь на обломках старого возникает новое, опутанное нитями старого, отживающего, цепкими ещё, но обречёнными.

Чем же характерна эпоха разложения первобытно-общинного строя?

На начальной её стадии попрежнему ещё сохраняются старые большесемейные городища, о которых речь была выше.

Типичным для этой эпохи является городище «Монастырище», расположенное на правом берегу реки Ромны у впадения её в Сулу. Отсюда и произошло название подобных городищ городищами «Роменского типа». Городище «Монастырище» расположено на косе, омываемой с двух сторон рекой. Со стороны суши оно ограждено рвом и валом, а дальше тянется представляющее собой естественную защиту непроходимое болото. В древности это болото, быть может, было единственной защитой от нападения с суши, так как вал — более позднего происхождения. Размер городища — 75×44 метра. Площадь городища испещрена землянками неправильной прямоугольной формы, размерами $4,5 \times 3,70$; $5 \times 4,15$;

5 × 4,5 метра и т. п., причём сами землянки расположены очень скученно, на расстоянии от 1,3 до 3,2 метра друг от друга. Внутри землянок находятся глинобитные печи в форме купола с отверстием наверху для выхода дыма и входом сбоку. Перед печами — ямы, вырытые для удобства, так как в противном случае небольшая высота землянок не давала бы возможности выпрямиться работающему у печи человеку. Гнёзда от столбов, расположенные лишь с одной стороны землянки, говорят о наличии односкатной крыши. Некоторые землянки не имеют пола и вообще ничего, кроме печи, другие же имеют подмости перед печью и нечто вроде платформы, третьи — платформу для печи, пол и прилавки по стенам. Своеобразные возвышения для сиденья и лежанья расположены иногда по стенам, иногда у печи.

Керамика «Монастырища» грубая, из плохой глины, смешанной с просом, представлена главным образом горшками и специфическими сковородками, сделанными от руки, без гончарного круга. Узор — узлами, полуваликами, ровчиками, ямками, гребнем. Ямочно-гребенчатая орнаментика посуды городищ «Роменского типа» свидетельствует о глубокой её архаичности и ведёт на север, в лесную полосу. Культура городища «Монастырище» и других городищ «Роменского типа» вообще очень архаична и характеризуется костяными изделиями (шила, ложки и др.) и сравнительно небольшим количеством грубых железных изделий (ножики, долотца и др.). Меди и бронзы не обнаружено. На площади городища «Монастырище» располагалось 20—25 землянок, представлявших собой жилища отдельных брачных пар, состоящих из отца, матери и детей. Численность населения всего посёлка определяется в 70—80 человек, включая в это число женщин и детей. Исходя из этого, мы можем определить городище «Монастырище» и ему подобные как поселения семейной общины такого же типа, как и славянские поселения середины I тысячелетия н. эры.

У землянок располагались ямы для хранения пищевых продуктов: проса, являвшегося, очевидно, основным культивируемым злаком, мяса (в одной яме найдена масса костей козы), рыбы. Большое значение имело скотоводство. Об этом говорит громадное количество костей домашних животных: лошадей (сравнительно немного) и

главным образом рогатого скота, свиней и собак. На большую роль охоты и рыбной ловли указывает наличие костей диких животных, птиц и рыб.

Остатки костей лошади, обнаруженные в городищах «Роменского типа», свидетельствуют о том, что лошадь выступала не только, даже пожалуй, не столько, как рабочий скот, а как животное, дающее мясо, молоко и шкуру.

Это говорит о том, что земледелие хотя и играло большую роль в экономике населения городищ «Роменского типа», но не успело стать решающей отраслью хозяйственной жизни. Примитивность земледелия приводила к тому, что скотоводство, охота, рыбная ловля и лесной промысел — бортничество, собирание ягод и грибов имели весьма существенное значение и были серьёзным подспорьем в жизни славян.

В славянских языках наряду с древнейшей земледельческой терминологией имеется ряд общих терминов, относящихся к скотоводству и свидетельствующих о большом значении этого последнего в отдалённые времена. Такие названия домашних животных, как бык, вол, свинья, баран, овца, ягнёнок, телёнок, — очень древнего происхождения и общи всем славянским языкам. Сюда же относятся термины бортничества, как то: пчела, трутень, улей и др., а также ряд названий диких животных: тур, бобр, вепрь, олень и т. д. и терминов, относящихся к охоте и рыбной ловле («ловити», сеть, невод и др.), ещё более древних, чем земледельческие.

О земледелии, скотоводстве и бортничестве славян говорят восточные писатели (Ибн-Росте, Персидский Географ и др.).

Городища, подобные роменским, распространены в пределах Черниговской, Сумской, Полтавской, Гомельской, Курской и в других областях.

Особенно интересны в этом отношении городища у села Гнездиловка и деревни Липиной близ Курска, датированные в нижних слоях VIII—IX вв. Население их жило в хижинах-мазанках из хвороста и землянках. Найденные жернова указывают на земледелие, кости домашних и диких животных и рыб — на скотоводство, охоту и рыбную ловлю. Особенный интерес представляет Липинское городище, стоящее в 20 километрах от Курска. Древнейшие слои его характеризуются материальной культурой

городищ «Дьякова типа», в то время как более поздние слои дают улучшенную раннеславянскую керамику, и, наконец, оно превращается в типичное городище так называемой «великокняжеской поры».

Аналогичное древнее городище обнаружено у села Гочева Курской области. Те же землянки, лепленная от руки посуда, грубые железные вещи и т. д.

Такого же рода городища расположены на территории Смоленской области и в Белоруссии. Типичным для Смоленщины является Ковшаровское городище Смоленского района, нижние слои которого, датируемые VI—VIII вв., содержат в себе лепленную керамику, костяные орудия и т. д., для Белоруссии — Банцеровское городище, где в культурных слоях VI—VIII вв. с лепной керамикой и костяными сооружениями обнаружены зёрна проса, пшеницы, гороха, вики, конских бобов. Такого же типа древнее городище на правом берегу Полоты, у впадения её в Западную Двину, датируемое VIII—IX вв., с тем же характерным инвентарём.

К городищам Смоленщины, Белоруссии и Днепровского левобережья примыкает и Староладожское городище, нижний слой которого, относящийся к VIII—IX вв., содержит лепленную от руки керамику раннеславянского типа.

К концу рассматриваемого нами периода, периода распада первобытно-общинных отношений, относятся городища типа Борщевского, расположенного на среднем течении Дона у Воронежа. В отличие от городищ «Роменского типа» («Монастырище» и др.) и близких к ним, от древних славянских поселений, небольших и хорошо укрепленных, напоминающих ещё более древние «Дьяковы городища», Борщевское городище характеризуется прежде всего своими размерами (до 180 метров в длину и 35 в ширину). Оно стоит на правом берегу Дона. Его окружает обширное селище. Вся площадь городища покрыта землянками размером в 12—18 кв. метров. Стены землянок обложены тонкими брёвнами или досками. По углам — следы от столбов, на которых держалась двускатная крыша. На такую форму крыши указывает ряд средних столбов, на которых, повидимому, укреплялась матица двускатной крыши. В наиболее крупной землянке, размером 4 × 4,5 метра, помещающейся в центре горо-

дища на самом возвышенном месте, найдена обложенная камнями небольшая глинобитная печь. В остальных помещениях — в более крупных обнаружены небольшие печикаменки, в маленьких — лишь следы очага в виде круглого углубления в полу.

Часть землянок соединена в группы посредством крытых переходов и представляет собой единый жилой и хозяйственный комплекс — поселение большой семьи, семейной общины. Такого рода жилые комплексы с ходами известны из описания Маврикием жилищ славян и антов.

Около каждой группы землянок расположены хозяйственные постройки: навесы для скота, навесы над кладовыми, ямы-погребя для хранения пищи: зерна, рыбы и т. п.

Находки ручных жерновов, зерновых ям и обгорелых зёрен проса говорят о земледелии; кости коровы, свиньи, лошади, верблюда — о скотоводстве; кости диких животных — об охоте, но огромное количество костей рыб в ямах-погребях для хранения пищевых запасов заставило раскопавшего Борщевское городище П. П. Ефименко сделать вывод о решающей роли рыболовства и охоты в хозяйственной деятельности обитателей Борщевского городища.

Быт их очень примитивен. Металлических изделий очень мало, зато много орудий и украшений из кости. Керамика — лепленная от руки. Всё это сближает Борщевское городище с городищами «Дьякова типа».

Борщевское городище — не поселение одной большой семейной общины патриархальной семьи в 30—40—50—70 человек, какими были рассмотренные нами выше славянские городища VII—IX вв. Оно представляет собой место поселения группы семейных общин, причём жилищем такой патриархальной семье служил комплекс связанных крытыми ходами землянок. Само же городище было местом обитания территориальной общины, состоявшей из многих патриархальных семей. Разраставшееся у городища открытое селище также свидетельствует о территориальной общине.

Жилищем южной и юго-восточной группы русских племён служила землянка. Землянки встречаются на всём огромном пространстве Левобережья Днепра, по Оке и Дону. В своём сочинении «Книга драгоценных драгоценностей» Ибн-Росте пишет:

«В землях славян холод бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, который покрывает деревянною остроконечною крышею, какие видим у христианских церквей; и на крышу эту накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, раскаляют последние на огне докрасна, когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают уже одежду. В таком жильё остаются до самой весны».

До сих пор считалось, что Ибн-Росте смешал баню с жильём, но, повидимому, он отнюдь не путал дом с баней. В известном нам уже городище IV—V вв. по реке Сонохте очаг в домах имел вид кучи дикого камня. Зимой, чтобы нагреть помещение, на камнях разводился костёр, а затем камни обдавали водой, согревая жилище паром. При частом обливании водой камни трескались, и их выбрасывали в кучу у дома, у изгороди. Поэтому здесь накопились большие кучи расколотого камня, дресвы, золы и угля.

Жилищем северной и западной части русских племён служил деревянный наземный дом, известный по раскопкам в Белоруссии, в верховьях Волги и Днепра, на Волхове, у Новгорода и в других местах лесной полосы Восточной Европы.

В этот период времени ремесло, слабо развитое и дошедшее до нас в виде примитивных и однообразных орудий труда и изделий, среди которых немало встречается ещё поделок из кости, не отделилось от сельского хозяйства и носило домашний характер. Каждое городище представляет собой самодовлеющий замкнутый хозяйственный мирок. Население его занимается всеми необходимыми видами производства. Почти в каждом городище производится лепленная от руки посуда, выделяются костяные орудия и украшения, производятся деревянные предметы обихода, одежды, обуви и т. д. Во многих городищах найдены сыродутные печи для выделки железа, льячки и тигли для выплавки меди и бронзы и т. п.

Обмен развит слабо. Торговля скользит по поверхности, не задевая основ первобытно-общинного строя. Бедность, однообразие и отсутствие дифференциации в инвентаре го-

родищ и погребений свидетельствуют, в свою очередь, о слабом имущественном расслоении и относительном равенстве всех членов патриархальной семьи, рода, племени. Брачные пары ещё не превратились в различные по экономической мощности семьи — грозный признак распада родового строя. Имущественное неравенство, развивающееся вслед за разделением труда, ещё не потрясло основ первобытно-общинного строя. К. Маркс указывает на роль разделения труда в первобытной общине. «Первая форма собственности, это племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще не освоенной земли. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда».¹

Так рисуются нам последние годы патриархально-родового строя, последний этап первобытно-общинных отношений по археологическим данным.

Перейдём к письменным источникам и данным языка.

Во времена летописца род в громадном большинстве восточнославянских земель исчезает, и сам термин «род» употребляется в самом различном смысле (княжеская династия, народ, родственники, соотечественники и т. п.).

Такая расплывчатость термина свидетельствует о том, что былое его значение позабылось ко временам летописца, и сам термин «род» стал покрывать различные понятия, хотя некогда и восходившие к общему корню.

Но пережитки патриархально-родового строя ещё очень сильны. Об этом свидетельствует первая статья Русской Правды Ярослава (XI в.), говорящая о кровной мести, и постепенное её исчезновение, прослеживаемое по Русской Правде, свидетельствует о падении пережитков родовых отношений. Сравнительно узкий круг родственников, имевших право кровной мести (отец за сына, сын за отца, брат за брата; за дядю, брата отца, и за дядю, брата матери, мстят племянники и наоборот), тоже говорит о распаде древних родовых отношений. Между тем, термины род-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

ства, сохранившиеся в восточнославянских языках и говорящие о патриархальном строе семьи, очень многочисленны (отец, тата, тятя, мать, мати, сын, дочь, брат, сестра, стрый, свёкор, свекровь, деверь, золовка, ятровь, невестка, сноха, жена). Интересно отметить, что терминов, обозначающих родственников по женской линии, мало («уй» — брат матери, «нетий» — сын сестры), так же как и общих для той и другой линии родства (племянник — от «племя»).

В старинных обычаях, связанных с семейным бытом, в похоронных и свадебных обрядах, в песнях и сказках, в фольклоре, в обычном семейном праве, сохранившихся как реликт седой древности в глухих уголках России, Украины и Белоруссии и записанных в XIX и XX вв., можно проследить остатки матриархальных родовых отношений. Гражданский развод по инициативе жены («прочкы» и «разлучины»), свадебные обычаи, в которых главную роль играют женщины, былины о богатыршах-«поляницах» и др. говорят о пережитках давно исчезнувшего, ещё до времён летописи, материнского рода.

Патриархальные же отношения ещё долгое время продолжают сохраняться. Об этом говорят обычаи убийства и самоубийства жён на могиле мужа, сопроводительные погребения женщин (в этих случаях речь идёт о жёнах-наложницах, рабынях), многожёнство, левират, подчинённое положение женщины в семье и т. д.

Если родовая организация как форма общественной жизни к концу рассматриваемого нами периода исчезает, то гораздо прочнее и живучее оказывается большесемейная организация. Семейные, патриархальные общины сохраняются ещё очень долгое время. Эти последние, выросши в рамках родового строя, распадаются на малые семьи, превращающиеся в экономически самостоятельные единицы, разлагаются и исчезают или приобретают новую форму: объединяясь в территориальных, сельских общинах, они существуют длительное время в составе поземельных общин.

Такая семейная община в глубокой древности на Руси, как и в некоторых других славянских землях, носила название «вервь».

Такова древняя Русь времён разложения первобытно-общинных отношений.

В IX—X вв. в результате развития производительных сил патриархально-родовой строй с первобытно-общинным способом производства уступает своё место зарождающемуся феодализму.

Изменение в способе производства началось с изменения и развития производительных сил и, прежде всего, с изменения и развития орудий производства.

Решающую роль в процессе разложения первобытно-общинного строя сыграло изменение в характере земледелия. Оно было одним из источников добывания средств к жизни, хотя и очень важным. Теперь земледелие превращалось в решающую отрасль хозяйства. В лесной полосе Восточной Европы вместо древнего подсечного земледелия повсюду распространяется пашенное земледелие, принесшее с собой и индивидуализацию производства и резкое обособление малой семьи. Причины длительного переживания подсечного хозяйства среди северных славянских племён заключаются в том, что здесь, на севере, в лесах, длительное время земледелие не играло решающей роли. В Верхнем Поволжье, как и, повидимому, в верховьях сопредельных больших рек, до VIII—IX вв. население вело сложное, многообразное хозяйство и занималось скотоводством, охотой, рыбной ловлей, лесными промыслами (бортничество), собирательством (грибы, ягоды, корни) и земледелием, причём доля этого последнего в экономике древних обитателей лесов составляла не более, а скорее менее половины. На верховьях Днепра, например, в городищах начала н. эры, костей лошадей не обнаружено, а ведь лошадь являлась главной рабочей силой земледельца.

Естественное стремление освободиться от случайностей охоты и рыбной ловли, которые в некоторых местах (например, Борщевское городище) продолжают играть ещё большую роль даже в IX—X вв., приводит к расширению скотоводства и земледелия.

Земледелие не было в такой степени связано со случайностями, как промыслы. Оно обеспечивало систематически, из года в год, и только в случае неурожая кормить должны были лес, река, скот.

Тенденция к повышению удельного веса земледелия в хозяйстве северных славянских племён, проявляющаяся на протяжении VII—VIII—IX вв. всё отчётливее и отчёт-

ливее, приводит к эволюции сельскохозяйственных орудий, к появлению новых орудий труда, к росту земледельческой техники.

Вместо старого втульчатого топора, имевшего форму долотца с лезвием в 5—6 сантиметров, появляется проушный топор современной формы, серп с большим изгибом сменяет старый примитивный слабо изогнутый серп, напоминающий искривленный нож, широко распространяются многозубые сохи, выросшие из сохи-«суковатки», представляющие собой стволы ели с очищенными от мелких ветвей сучьями, обрубленными на половину их длины. «Суковатка» — древнейшее пашенное орудие лесного Севера, в которое впервые впрягли лошадь. Появляются рало и плуг на юге и соха на севере. Десятым веком датируются первые находки железных сошников на русском Севере. Им предшествовали земледельческие орудия, целиком сделанные из дерева.

Вместе с ростом пашенного земледелия лошадь становится рабочим скотом. Её перестают употреблять в пищу, и среди кухонных остатков X—XI вв. костей лошадей уже не встречается. Табуны лошадей к IX—X вв. и даже несколько ранее, это — уже не запас мяса, а рабочая, тяговая сила растущего пашенного земледелия.

Земледелие усложняется. Появляются новые злаки. В городищах IX—X вв. — Борщевском, Ковшаровском (в верховьях Днепра) и других найдены зёрна проса, ячменя, пшеницы, овса, гороха. Была известна и рожь. Из корнеплодов надо указать на репу, лук, чеснок. Возделывались лён и конопля.

О появлении пашенного земледелия говорит и рост размеров поселений. При господстве подсечного земледелия, когда через 2—3 года участки пашни надо было бросать и возвращаться к их обработке вновь можно было лишь спустя 40—50 лет, каждой земледельческой общине нужна была огромная площадь для ведения примитивного земледелия, и поселения были очень малы. В VIII—IX—X вв. размер поселений значительно увеличивается. Появляются большие городища типа Борщевского городища, обрастающие селищами и представляющие собой поселения нескольких сотен людей. Это отнюдь не города, а разросшиеся сельские поселения.

Появление новых орудий труда и рост земледельческой

техники способствуют возникновению индивидуальных форм земледелия. Возникновение новой земледельческой техники приводит к тому, что ведение самостоятельного хозяйства становится доступным не только всей семейной общине в целом, но и каждой малой семье в отдельности. «Все это приводит к распаду сохраняющихся в большой семье остатков первобытного коллективизма и дифференциации в её недрах индивидуальных семей, становящихся самостоятельной экономической единицей и воплощающих начало частной собственности» (Косвен).

Старая патриархальная большая семья («задруга», «вервь») распадается. Из её среды выделяется ряд малых семей, отдельных брачных пар, уже ставших хозяйственно самостоятельными единицами. Первобытный коллективизм, являющийся результатом слабости отдельной личности, сломан внедрением новых орудий труда и становится ненужным, сковывающим хозяйственную инициативу. Вооружённые новой земледельческой техникой, отдельные малые семьи расходятся из старого общинного центра во все стороны, выжигая и выкорчёвывая леса под пашню, заселяя и осваивая ранее пустынные пространства, обзаводясь новыми лесными, охотничьими, рыболовными и промысловыми угодьями. Здесь, на новых местах, они часто дают начало новым большим патриархальным семьям («дворищам», «печищам»), а когда дальнейшее развитие хозяйства в рамках семейно-общинной организации становится уже невозможным, от них отпочковываются отдельные семьи, осваивающие на правах трудовой заимки новые участки леса, пашни, новые угодья и т. д.

Здесь, на новых местах, они владели всем, «куда топор, коса, соха ходили», всем, «что к тому селу исстарь потягло», ставя свои «знамения» на дубах и соснах, на бортовых деревьях, ревниво оберегая свои пашни, луга и угодья от «чужаков», сходясь с ними лишь на «игрища меж сел», умыкая невест и собираясь на религиозные праздники.

Так расползлась по лесной полосе славянская колонизация, так заселялись и осваивались дремучие дебри лесов и пущ Восточной Европы.

В процессе своего расселения, сохраняя связи с сородичами, эти малые и большие патриархальные семьи, по-

кинувшие своё старое родовое гнездо, сталкиваются на новых местах со встречными потоками, идущими из других распадающихся семейных общин. Поскольку в общем владении этих случайно встретившихся людей попрежнему находились леса, сенокосы, воды и угодья, они объединялись в общину, покоящуюся уже не на старых кровнородственных, а на новых, территориальных связях. Так возникает поземельная сельская или территориальная община, в которой на первых порах ещё много пережитков старой семейной общины; территориальные связи ещё сочетаются с кровнородственными, а в быту продолжают сохраняться старые патриархально-родовые обычаи и традиции. В свадебных обрядах, в песнях и поговорках уже гораздо более поздних времён соседи-односельчане именуются попрежнему «родичами», «родными», а всё село — «родом». Родовые связи всё ещё тянут членов уже территориальной общины к старому родовому, семейно-общинному гнезду (родовое кладбище, «братчины», поездки по родственникам и т. д.), да и сама сельская поземельная община представляет собой пёстрый конгломерат малых и больших семей. Семейная община отнюдь не исключает территориальную, а, наоборот, длительное время существует наряду с этой последней и даже внутри её, так как сельская община, сложившись на развалинах семейной, в то же самое время впитывает в себя соседние, ещё не успевшие разложиться семейные общины.

Фр. Энгельс указывает, что «когда число членов семейной общины так возросло, что при тогдашних условиях производства становилось уже невозможным ведение общего хозяйства, эти семейные общины распались, находившиеся до того в общем владении поля и луга стали подвергаться разделу известным уже образом между образовавшимися теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались у общины.

Для России такой ход развития представляется вполне доказанным». ¹

Так подрывались устои первобытно-общинного строя, основанного на коллективном труде и собственности. Раз-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1933, стр. 169.

витие орудий труда, обусловленное общим развитием производительных сил, приводит к усилению мелкого хозяйства и постепенному его укреплению, а следовательно, к созданию сельской общины.

Вместе с появлением соседской общины изменяется и сама форма поселений. Появляются большие городища, часто окружённые отдельными жилищами, и открытые поселения — «селища», постепенно совершенно вытесняющие городища.

Изменяется тип жилища. Древние землянки постепенно исчезают, уступая своё место полуземлянкам и наземным бревенчатым избам. В Белоруссии и на Смоленщине встречаются избы со слюдяными окнами, с печами, слепленными из глины, без трубы. Такие же деревянные избы господствуют на севере, в верхнем Поволжье. На юге ещё некоторое время сохраняются землянки и жилища, плетённые из хвороста, обмазанные глиной, но и здесь они со временем исчезают.

Таковы были изменения в общественной жизни древних славян, вызванные внедрением новой земледельческой техники и развитием пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы.

Так возникла среди славянских племён лесной полосы древней Руси сельская община.

Различный состав отдельных семей, различный уровень их благосостояния и накопленных богатств, прежде всего, скота (недаром в древнерусском языке «скот» — синоним денег, а «скотница» — казны), неравенство наделов, земель и угодий, освоенных на праве трудовой заимки, захват многолюдными, богатыми и сильными семьями земель и угодий в прилежащих землях и т. п. — всё это создает условия для разложения сельской общины. Подобные явления могли появиться лишь в результате возникновения мелкой семейной собственности, обусловленного развитием производительных сил и орудий труда.

Наряду с развитием производительных сил в области сельского хозяйства и усовершенствованием земледельческой техники огромную роль в разложении первобытно-общинных отношений на высшей стадии варварства играло общественное разделение труда, отделение ремесленной деятельности от сельского хозяйства.

«Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности», — указывает В. И. Ленин.¹

Начиная с X в., значительно совершенствуются железные изделия. Появляются разнохарактерные, разнотипные, усовершенствованные железные изделия: орудия труда (топоры, долотца, щипцы, клещи, скобки, заклёпки, гвозди, лопаты, сошники, лемехи, серпы и т. д.), оружие (копья, ромбовидные стрелы, кинжалы, ножи типа скрамасаксов и простые, шлемы, вытянутые кверху, кольчуги и сабли, появившиеся на Руси в X в., реже — щиты круглой или миндалевидной формы причём в отличие от более ранних эпох оружие всё более и более дифференцируется от орудий охоты), домашняя утварь (сковородки), домашние предметы (огнива, замки, ключи и др.) и т. д.

Устанавливаются стандартные типы в разных районах, например, топоры с прямым верхним краем и полукруглой выемкой в нижнем крае, железные лопаты с противоположным концом в виде сковородника, плоские сковороды и т. п.

Качество плавки иковки железа повышается. Совершенно очевидно, что уже сложились определённые ремесленные традиции и навыки, требующие длительной выучки, опыта, специализации. Сложные орудия труда ремесленника, сложное стандартизованное производство приводят к появлению специалиста-ремесленника, мастера обработки железа.

То же самое явление имело место в обработке золота, серебра, меди, бронзы и других видов художественного ремесла и ювелирного дела. Возникают ремесленные центры с очень широким радиусом распространения изделий. Так, например, из района Овруча изделия из розового шифера распространялись по всей Руси. Были центры по производству бус, в частности очень распространённых зелёных, медной проволоки и т. п. Найдено множество мастерских по обработке камня, выработке израз-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 72.

цов, ювелирных, литейных и т. д., где были обнаружены тигельки, формочки, льячки и т. д.

Появляется гончарный круг, и посуда, изготовленная на гончарном круге, постепенно вытесняет лепленную от руки. Это говорит о выделении не только ремесленника-металлиста, но и гончара. Появляются клейма ремесленников, т. е. своего рода фабричные марки.

О «ремесленнике» и «ремесленнице» говорит Русская Правда, охраняющая их жизнь высоким штрафом в 12 гривен.

В городах ремесленники живут целыми улицами и «концами». Об этом говорят Кузнечные ворота в Курске и Переяславле, Гончарный и Плотницкий концы в Новгороде.

Выделение ремесла способствует разложению соседской общины и имущественному неравенству её членов. Развитие и обособление ремесла являются, таким образом, вторым фактором, способствующим разложению первобытно-общинных отношений. Рост ремесла естественно влечёт за собой развитие обмена, развитие внутренней и внешней торговли.

Внутренняя торговля была развита ещё очень слабо, но тем не менее общественное разделение труда неизбежно приводит к установлению обмена. Предметами внутренней торговли были железо и железные изделия, соль, добываемая в «Червенских градах» у Карпат, и скот.

По рекам и речкам, по сухопутным дорогам тянулись купеческие караваны. Они шли из Киева на запад, в Чехию, Венгрию, Германию через «Червенские грады» и Карпаты, на север, в Курск и далее на Оку, в верховья Днепра и через волоки на Ловать и Волхов, на Западную Двину и Волгу, в Крым, в степи, на Кавказ, на Каму.

В городах на торг собирается окрестный люд. Сюда везут для продажи меха и шкуры, мёд и воск, ремесленные изделия и украшения, ведут скот и рабов. Здесь покупают. Тут центр общественной жизни окрестного населения. На торгу «закликают» о бежавшей челяди (рабах и слугах), заключают сделки, слушают княжеских «мужей», оглашающих решения суда и распоряжения князя, и т. д.

Ещё в большей степени развита внешняя торговля. В VIII—IX вв. особенного развития достигает торговля с

Востоком, главным путём которой была Волга. С Волги системой волоков попадали в Ладожское озеро, древнее озеро Нево, и на Неву или на Западную Двину.

Торговали с Востоком и по Донцу с Доном и по степным дорогам.

О торговле Руси с Востоком говорят многочисленные арабские, персидские и европейские писатели.

Они сообщают, как русы ездят по Дону и Волге, попадают в столицу Хазарии Итиль, расположенную в низовьях Волги, в землю камских болгар, проникают в Каспийское море, добираются до далёкого Багдада.

Русы привозят меха и шкуры, мёд и воск, рабов и мечи, «рыбьи зубы» (моржовые и мамонтовые клыки) и янтарь.

В Итиле был целый район, населённый русскими. У них были свои языческие капища и свои судьи.

Огромное количество кладов восточных монет, обнаруженных на территории Руси, подтверждают свидетельства восточных писателей.

В арабских источниках мы находим и описание богатых купцов-русов. Они опрятны в одежде и очень богаты. Татуированные от кончиков пальцев и до шеи, со свитыми и окрашенными жёлтой или чёрной краской или бритыми бородами, в своих коротких курточках и кисах (форма плаща), обвивающих бок и оставляющих непокрытой одну руку, с мечами франкской работы, ножами и секирами, высокие и стройные, сильные и гордые, богато одетые русы производили большое впечатление на арабов.

Их женщины носят ценные украшения: коробочки из меди, серебра или золота, в зависимости от богатства мужа, прикреплённые к груди, к которым привязан нож, зелёные бусы и массивные серебряные или золотые цепи, число которых также соответствует богатству мужа. Накопив 10 тысяч диргем, муж дарит жене такую цепь, и число цепей, часто довольно большое, соответствует богатству русского купца. Роскошно одеты и мужчины-русы. У них кафтаны с золотыми пуговицами, собольи шапки, золотые браслеты. Русы живут богато, в домах у них дорогая утварь, ковры, подушки. Они имеют много рабов, скота, обзаводятся на чужбине, в Болгарии или Хазарии, своими домами, и живут по 10—15—20 человек, т. е.

своеобразными военно-торговыми товариществами. Похороны знатного руса своей пышностью и великолепием поразили Ибн-Фадлана. Так говорят о русах Ибн-Фадлан, Ибн-Росте, Ибн-Хаукаль и др.

Перед нами воины-купцы, добывающие меха и шкуры, мёд и воск, рабов и невольниц не в результате обмена и торговли, вернее, не столько в итоге обмена и торговли, сколько в результате насилий, захвата и увода в плен побеждённых, обложения данью и т. д. Это воины-купцы, богатая верхушка, мечом заставляющая подчиняться себе рядовых общинников разных славянских и неславянских племён Восточной Европы. Все доходы от торговли с Востоком остаются в её руках и составляют её привилегию, ещё более усиливающую и обогащающую эту массу сильных и хорошо вооружённых, богатых, жадных и воинственных русов.

В руках таких же купцов-воинов-русов была и вторая торговая артерия — великий водный путь «из варяг в греки». Он шёл из Скандинавии и острова Готланда на Неву, затем в Ладожское озеро, по Волхову, Ильменю и Ловати к волокам, а оттуда Днепром к Чёрному морю и Византии. Не случайно Чёрное море носило тогда название Русского моря. Это понятно, так как Масуди сообщает, что «никто кроме них (русов) не плавает по нему...».

Константин Багрянородный красочно описывает плавание русских однодеревок («моноксиллов») по Днепру в Византию. С наступлением ноября князь «со всеми Русами» выходит из Киева и отправляется в полюдье в земли подвластных славянских племён, платящих ему дань. Всю зиму они проводят в полюдье, а в апреле, когда растает лёд на Днепре, возвращаются в Киев. В глухих дремучих лесах данники-славяне в течение зимы рубят огромные деревья и, наспех их обстругав, спускают на воду. С наступлением весны такие примитивные лодки-однодеревки спускаются к Днепру. У Киева славяне пристают со своими челнами к берегу и продают их русам. Грубо обработанная колода обшивается бортами, оснащается вёслами, уключинами, мачтами, и вот она уже готова в далёкий путь. В неё грузится всё, что добыто в течение зимнего полюдья путём сбора дани, поборов, военной добычи и торговли: ценные меха, шкуры, мёд,

воск и рабы. В июне русы двигаются вниз по течению Днепра, некоторое время поджидают у Витичева оставших, а через два-три дня пускаются всем караваном в далёкое путешествие. Алчные и воинственные печенеги часто поджидают русских купцов у порогов; особенно опасными в этом отношении считаются Неясыть и Крарийская переправа. Приходится выходить на берег, оставляя вещи в однодеревках, и, осторожно прощупывая ногами дно, толкать ладьи шестами. У Неясыти к тому же приходится часть людей выделять для охраны каравана от внезапного налёта печенегов. Но вот тяжёлый путь через пороги остаётся позади. Показался остров святого Григория. Здесь русы делают остановку и у огромного многовекового дуба совершают жертвоприношения. Ещё немного — и на горизонте, в Днепровских лиманах, появляется остров святого Эферия (Березань). Тут русы отдыхают два-три дня и готовят свои ладьи для морского путешествия, оснащают их мачтами, реями и парусами, и снова в путь. Идут морем, держась берегов, делая остановки у Днестра, Белой и в других местах. До самой Селины их преследуют идущие по берегу печенеги, выжидающие добычу. Но вот русы проходят Дичин и «достигают области Месимврии; здесь оканчивается их многострадальное, страшное, трудное и тяжелое плавание». Впереди плещут голубые воды «Суда» (Зунда, т. е. пролива, как по-скандинавски назывался Босфор) и сверкают белые здания Константинополя. Здесь уже начался торг. Отсюда русские купцы привозили золотые и серебряные вещи, дорогие ткани («паволоки»), фрукты, вина, пряности, стеклянные изделия, «сосуды различные» и «всяко узорочье»: украшения, изделия из эмали и т. д. Здесь они продавали меха, воск, мёд и рабов. Для торговли рабами в Константинополе имелся особый рынок, «идеже рустии купци приходяще челядь продают».

Значение торговли с Византией трудно переоценить. Торговый путь из «моря Варяжского» в «море Русское» сыграл большую роль в объединении северной, Приильменской, и южной, Среднеднепровской, Руси, будучи сам в значительной степени результатом расширения сферы деятельности русских дружин воинов-купцов.

Такого же древнего происхождения были и связи с Западной Европой. Со Скандинавией и Готландом Русь

была связана уже во всяком случае с VIII в., а быть может, и ранее, когда в VI—VII вв. впервые шведские викинги, правда, не надолго, проникли в Прибалтику. К этому же времени относятся первые следы восточных монет на острове Готланде и в Швеции.

В таможенных правилах, изданных в Раффельштедте в октябре 904 г., говорится о купцах, приходящих из Чехии и «Ругии», т. е. Руси. В Раффельштедте русские торговали рабами, воском и лошадьми. Ибрагим-ибн-Якуб сообщает, что русские купцы торговали с Краковом и Прагой. Позднее центром русской торговли с Западом становится Регенсбург. Издавна Русь торговала с Польшей и Венгрией.

Вместе с ростом торговли на Руси распространялись деньги. В глубокой древности мерилom стоимости, как было указано, был скот, и поэтому на Руси деньги называли «скот», а казну «скотница». В VIII в. на Руси распространяются византийские и восточные монеты (дирге-мы). В IX в. в обращении господствуют эти последние, а с конца X в. их постепенно вытесняют западноевропейские денарии (датские, английские, чешские, немецкие и др.), которые в XI в. становятся господствующими в обращении. Со времён Владимира начинается чеканка русской монеты. Нам известны монеты Владимира, Ярослава и Мстислава Владимировича. Впоследствии монеты (с XII в.) заменяются серебряными слитками — гривнами.

Во времена Русской Правды денежное обращение широко распространяется на Руси. На Руси ходили гривны, куны, резаны, ногаты, веверицы и векши. Эта денежная система говорит о том, что на Руси были когда-то деньги-меха (куна, резана, веверица, векша). О том, что русские в расчётах пользовались мехами и «кожами без волос», говорят Ибн-Росте и Насир-эд-Дин Ахмед Тусский.

Торговля ещё больше разлагала первобытно-общинные отношения и способствовала имущественному расслоению.

В чьих руках была торговля, кем были русы, торговавшие в Итиле и Великих Булгарах, в Багдаде и Константинополе, в Праге и на острове Готланде?

Это воины-купцы, богатая знать, имевшая своих послов, свои золотые и серебряные печати с родовыми знаками, вооружённая мечами и копьями, топорами и луками со стрелами.

Воинственные и храбрые, жадные и корыстные, они обирают своих данников — рядовых славян-общинников, обращают их в рабство и, нагрузив свои ладьи-однодеревки всякими товарами, добытыми не куплей (покупают они редко), а «примучиванием», данью и грабежом, едут в Византию и везут оттуда для своего потребления или для продажи «за морем», в Скандинавии и в Западной Европе, различные дорогие вещи, украшения, ценные ткани, вина, фрукты и пряности. Те, кто даёт им меха и мёд, воск и рабов — рядовые общинники, — чаще всего не видят эти «корсунские» и «грециские» товары, купленные русами в далёком Царьграде на деньги, вырученные от продажи братьев и сестёр, жён и детей славян-общинников или от реализации кунных, собольих, лисьих, горностаевых и прочих мехов, воска и мёда, добытого путём сбора дани в течение зимнего полугодья киевским князем и его «русами» в землях древлян, кривичей, дреговичей, северян и других русских племён.

Накопление ценностей, поступающих в результате сбора дани, поборов и т. д., в руках князя и его дружинников, превращение дани в товар, наличие наряду с голым принуждением свободного обмена, торговли усиливали имущественную дифференциацию, способствуя ускорению процесса распада общины и развитию классовых отношений вширь и вглубь.

Торговля, захватывая в орбиту своего влияния всё большее и большее количество областей с общинными поселениями, разлагает общину, способствуя ещё большему укреплению экономически могущественных семей и обнищанию маломощных. Создаются условия для возникновения феодала внутри самой общины, и он не замедляет появиться.

Рост ремесла, а с ним и торговли вызывает появление городов.

Так, например, в позднейших слоях Ковшаровского городища X—XII вв. обнаружены остатки новых оборонительных сооружений, состоявших из деревянных укреплений на каменном фундаменте, сложенном из булыжника. Столбы этих укреплений были вкопаны в землю ниже каменной кладки и обнесены горизонтально положенными брёвнами. Вокруг укрепленного городка на площади в 4—5 гектаров найдены следы открытого поселения —

«селище». Открытые поселения — «селища» — становятся главным типом поселения основной массы населения.

Старые городища либо заустевают, превращаясь во временное убежище, либо перерастают в города. Иногда жители «селищ» воздвигали городища, но очень небольшое число находок вещей в них говорит за то, что они были только лишь временными убежищами, куда скрывалось во время нападений врагов окрестное население.

Исследования показали, что в города превращались те древние городища, которые были расположены на важных торговых или военных путях. Они разрастались в размерах, их укрепления часто превращались в «Детинец», «Кремль», за пределами которых жила основная масса городского люда. Так образовались города: Старая Рязань, Ростов, Смоленск, Витебск, Полоцк, Туров, Изборск, Орша, Белозерск, Старая Ладога и другие древнейшие центры Руси. Из городища, расположенного на правом берегу реки Полоты, типичного большесемейного городища VIII—IX вв. с лепленой керамикой, костяными орудиями и т. д., вырастает феодальный Полоцк. Старое городище превращается в «Детинец», но когда и он перестал удовлетворять потребности горожан, в XI в. выстраивается новый «Детинец», в пять раз больше первого, но уже в устье реки Полоты.

В 12 километрах от Смоленска, у деревни Гнездово, стоит большесемейное городище. Это — древний Смоленск. В X в. здесь возникают два новые, укрепленные валами городища — одно в устье реки Свинки, другое — в устье реки Ольшанки, окруженное обширными селищами и огромным курганным некрополем, насчитывающим несколько тысяч курганов.

В XI в., когда городища перестали удовлетворять потребности древних смольнян, город был перенесён на теперешнее его место.

Такую же эволюцию претерпели: Новгород, древнейшее городище которого — «Рюриково» — находится в 3 километрах к югу от Новгорода; Белозерск, расположенный в X в. в 10 километрах к востоку на берегу реки Шексны; Ростов возник из древнего Сарского городища; Ярославль, выросший рядом с древним городищем «Медвежий угол», и т. д.

Некоторые города вырастали на месте древних поселений непосредственно, как это произошло с Киевом — «мати градом Русьским», Ладогой, древним «Альдейгобургом» скандинавских саг, и др.

Эти перенесения древнерусских городов обусловлены различными причинами. Во-первых, город переносился, если дальнейшее разрастание древнего «Детинца» становилось невозможным, а потребность в этом была; во-вторых, в том случае, если новое его местоположение больше соответствовало потребностям торговли и военных предприятий князей, и, в-третьих, тогда, когда в древних центрах — городищах времён племенного быта — сосредоточивалась враждебная князю родоплеменная знать и разгром её сопровождался ликвидацией старого поселения.

Города становились ремесленными и торговыми центрами и резиденциями князя и дружины.

В центре города, за стенами «Детинца», стояли княжеские хоромы и дворы, дома и дворы окружающей князя знати. У стен «Детинца» располагалось поселение «чёрного люда» и торг. Позже и они обносились стеной и снова обрастали неукреплённым поселением — «околоградьем». Строились церкви и монастыри. Вокруг города располагались княжеские, боярские и монастырские сёла, загородные княжеские «красные дворы», представленные «селищами», о которых говорят древние летописи. К городу сходились пути — сухопутные и речные. Дороги получали название от городов и стран, к которым они вели, а городские ворота назывались по дорогам: «Черниговские», «Курские» (Новгород-Северск), «Лядские» (Киев) и т. д.

Город становится типичным феодальным торговым, ремесленным и административно-политическим центром, в котором сосредоточивается различное, довольно пёстрое, социально дифференцированное население — мелкий ремесленный люд, купцы, ведущие как внешнюю, так и достаточно к тому времени развитую внутреннюю торговлю, и феодализирующаяся верхушка — князь со своими дружинниками, слугами, администрацией, дружинное, княжое и «земское» боярство и т. д.

В это время, IX—XI вв., Русь была покрыта городами, и недаром в скандинавских сагах за ней закрепилось название «Гардарик», т. е. «страна городов». Об обилии го-

родов у восточных славян сообщают Географ Баварский, Масуди и Аль-Истахри.

Наряду с городами, развивавшимися из древних городищ, появляются города-крепости, которые «ставили» князья для обороны земли от «ворогов» и для господства над окрестным населением.

Некоторые из них с течением времени окружаются «околоградьем» и превращаются в города, другие исчезают бесследно.

У князей были свои города: Вышгород (Ольги), Белгород (Владимира), Изяславль (Рогнеды) и т. д. В этих городах, являвшихся центрами не только военно-административного, но и административно-хозяйственного управления, сосредоточивались разного рода «княжие мужи» и челядь: данщики, вирники, ябетники, мечники, мостники, городники, тиуны, рядовичи, ремесленники, холопы и т. д. Одни из них были управителями, другие — слугами, третьи выступали в качестве рабочей силы в княжеском хозяйстве. В военное время из этих управителей и слуг формировалась княжеская «молодшая» дружина. Такой княжой город был заселён княжескими ремесленниками: оружейниками, ювелирами, «каменосечцами», гончарами и т. д., ставившими на своих изделиях родовой знак своего князя. Искусные ремесленники ценились князем. Русская Правда ограждает жизнь «ремесленника» и «ремесственницы» штрафом в 12 гривен, как за тиуна или кормильца. Княжеские родовые клейма на изделиях ремесленников-холопов обнаружены как раз там, где княжеское хозяйство в IX—XI вв. было больше всего развито: Киев, Чернигов, Белгород, Вышгород, Изяславль, Остерский Городок, Канев (летописная Родня, современное городище «Княжая гора»). Это были княжеские города, центры княжеского хозяйства. Здесь княжеский «красный двор», где иногда живёт подолгу сам князь, но чаще всего его посадник, здесь князья заводят своё хозяйство, наблюдают за ним. Тут склады «узорочья», «тяжкого товара» и всякой «готовизны»; мёда в «медовушах», вина, воска, хлеба и т. п., которые доставляют «тянущие» к городу «волости» и «земли», выгоны и выпасы, «бобровые гоны», «ловища», «перевесища», «бортные ухажай» и т. д., обслуживаемые трудом всякого рода челяди: холопов, смердов, рядовичей и т. д. Княжой город окружают сёла — княжеские

сельские поселения, находящиеся под управлением и наблюдением сельских и ратайных старост и тиунов и всякого рода слуг — рядовичей. Здесь пасутся стада скота, косяки лошадей. Сюда, в город, стекались дань и военная добыча, поборы и штрафы, товары и рабы, тут была вся жизнь князей. Такой княжой город становился центром феодального освоения окрестной земли. Вокруг него возникали княжие сёла и слободы, и деревни сельских общинников постепенно втягивались в княжеское хозяйство. Всюду появлялась княжеская администрация, ставившая «затесы» на дубах и соснах, прокладывая межи, устанавливавшая повсюду всякого рода «знамения», строго преследовавшая за «перетес», каравшая всякого, кто «межоу переореть», пускавшая на некогда общинные выгоны стада скота с княжим «пятном». Всюду появлялись княжие сёла, «ловища и перевесища», «рольи» и «бортные ухознаи», трудились княжеские холопы и смерды, ремесленники и рядовичи, всюду хозяйничали огнищане и конюхи, тиуны и посельские. И специальные «княжие мужи» — «городники» «нарубали» всё новые и новые города, становившиеся очагами феодализации и военно-административными центрами. Такой княжой город, где жили ремесленники и концентрировались всякого рода «товары» и «узорочья», где находились «склады» живого товара — рабов, — естественно, привлекал к себе купцов и ремесленников, соблазнённых перспективой «торга» и безопасного отправления своих функций под защитой городских валов и стен, под защитой княжеской дружины, — и княжеский город обрастал «околоградьем» — посадом.

Так в результате общественного разделения труда и концентрирования ремесла и торговли на некоторых древних городищах, расположенных на удобных торговых и военных путях, и в результате градостроительной деятельности князей возникает древнерусский город.

Среди городов Руси особенно выделяется Киев, «мати градом Русьским». Время его возникновения, как и ряда других городов, к эпохе летописца было уже основательно позабыто, но пытливый народный ум пытался восполнить пробел.

Во времена летописца в Киеве рассказывали древнюю легенду об основании его тремя братьями — Кием, Щеком

и Хоривом. Древний Киев был хорошо известен Востоку, Западу и Византии. О «Куябе» («Куяве») говорят Аль-Джайгани, Ибн-Фадлан, Ибн-Хаукаль и другие восточные писатели. О Киеве сообщают договоры русских с греками и Константин Багрянородный. О Киеве говорят Титмар Мерзебургский, Брунон и скандинавские саги. Киев был городом, «ведомым и слышимым во всех концах земли».

Раскопки древнего Киева обнаружили на территории города три древнейших поселения VIII—IX вв., не представлявших собой ещё единого центра. Эти три поселения, расположенные на Щековице, на горе Киселёвке и на Киевской горе, три городища дофеодального Киева, по преданиям, записанным летописцем, связывались с Кием, Щеком и Хоривом. Они не покрывались общим названием «Киев», и только к концу X в. одно из них, расположенное на Киевской (Андреевской) горе, втянуло в орбиту своего влияния все остальные, и только тогда складывается Киев как единый крупный городской центр.

Древнейшее Киевское городище, значительно меньших размеров, чем так называемый «город Владимира», было окружено валом и рвом, засыпанным Владимиром во время постройки в конце X в. (989 г.) Десятичной церкви (церкви Богородицы). На дне рва обнаружена лепная керамика, очень грубая и примитивная, что заставляет датировать древнее Киевское городище VIII—IX вв., а может быть, даже более ранним временем. Внутри городища VIII—IX вв. обнаружена землянка прямоугольной формы с крышей из досок, покоившейся на балке. Стены были сплетены из прутьев и обмазаны глиной. В землянке стояла прямоугольная глиняная печь со сводчатым верхом. На полу землянки найдены осколки битой лепной посуды и глиняные пряслица, датируемые VIII—IX вв. Таково было жильё обитателя древнего Киевского городища. На древнем Киевском городище были найдены остатки языческого капища, сложенного из серого песчаника в виде эллипса. Вокруг жертвенника сохранился глиняный пол.

Во времена Владимира ров был засыпан, в одном месте у рва была выстроена Десятичная церковь. «Город Владимира» был ограждён земляным валом с каменными башнями. Развалины одной из таких воротных каменных башен «города Владимира» получили название «Батыевых ворот». На территории густо заселённого «города Влади-

мира», основание которого следует датировать концом X в., стояли Десятинная церковь, церковь Василия, княжеские «хоромы» и позднее Янчин монастырь (Янки, дочери Всеволода Ярославича). От «хором» Ольги — Владимира дошёл до нас каменный фундамент здания, расположенного у Десятинной церкви. Нижний его этаж был возведён из скреплённого известью красного кварцита, доставленного с Волыни, верхний же этаж был сложен из тонкого кирпича с рядами мелкозернистого песчаника и прослойками цемента с толчёным кирпичом. Кирпич был выкрашен светлокоричневой краской и имел скошенные боковые стенки. Среди остатков дворца найдены куски карнизов, плит, дверных наличников из красного шифера, мрамора и других пород камня. Красновато-коричневый дворец киевского князя был богато декорирован и выглядел роскошным зданием. Внутри «хоромы» были расписаны фресками и украшены мозаикой. Потолок и пол были деревянные. Наличники дверей сделаны были из красного шифера и скреплены железными стержнями, залитыми свинцом. Обнаружены оконные стёкла круглой формы. Рядом, к западу, было расположено другое каменное здание, обмазанное штукатуркой с богатой фресковой живописью. Родовой знак Владимира на одной из плит датирует здания концом X и начала XI вв. Тут же стояла златоверхая Десятинная церковь, от которой дошли до нас фундамент, капители колонн, мраморные и шиферные карнизы, мраморные парапеты, куски фресок и мозаик, остатки мозаичного пола и т. д., что говорит о роскошном оформлении первой русской каменной церкви. Невдалеке от Десятинной церкви и каменных княжеских «хором» располагались мастерские для обработки камня, где выделялись мраморные, шиферные и прочие карнизы, плиты, иногда украшенные орнаментом, мастерские для изготовления изразцов, политых эмалью, ювелирные, стекольные и литейные мастерские, мастерские для изготовления предметов из кости и рога и т. д. Продукцию этих мастерских мы находим в остатках церквей и «хором» древнего Киева, в погребениях, кладках и т. д.

И, наконец, во времена Ярослава создаётся огромный «Ярославов город» с «Золотыми» и «Лядскими» воротами, с Софией и т. д. В XI в. в Киеве уже немало пышных каменных дворцов, от которых дошли до наших дней

нижние части стен, украшенные мозаикой, чаще же всего — одни фундаменты. Строятся новые монастыри — Фёдора, Петра, Георгия, Ирины, Михайловский, Дмитриевский и Янчин, Софийский собор. Высится попрежнему Десятинная златоверхая церковь — усыпальница князей с тайником и саркофагами из мрамора, шифера и дерева, где были погребены Ольга, Ярополк, Олег и Владимир Святославичи и другие князья, — и другие величественные здания древнего Киева. Новый город, «город» Владимира и Ярослава, разрастаясь, покрыл собой древний могильник IX—X вв., где найдено до 150 погребений «простой чади» в деревянных, сбитых гвоздями ящиках, которые сопровождаются бедным погребальным инвентарём (ножи, стрелы, кресала, кремни, перстни, височные кольца и т. п.), и несколько богатых курганов со срубками, представляющих собой могилы знати — дружинников — с многообразным и богатым инвентарём (копья, топоры, стрелы, колчаны, сёдла, удила, стремяна, куски богатой одежды и т. д.) и сопроводительными погребениями рабынь. Над древним кладбищем быстро растёт новый город и бьёт ключом бурная жизнь «мати градом Русским».

Рядом с блестящими и пышными церквями и дворцами теснятся землянки «простой чади», где ютится всякого рода городская беднота: холопы, ремесленники, наймиты и т. п. Стены землянок уже не плетёные, как раньше, а сделаны из толстых брёвен и изнутри выложены горизонтальными брёвнами, брусьями или досками. Внутри такого дома стояла печь, основу которой составляли столбы или деревянные стенки, обмазанные глиной. Печь была обычно расписана в два-три цвета. Рядом с печью находилась яма для ссыпки отбросов и мусора или для помещения сухого белого песка для посыпки пола. Запасы зерна хранились в бочках или на полу в пристройке. В землянках XI—XII вв. найдены зёрна ржи, ячменя, проса, пшеницы, кости животных и птиц, жернова, ножи, топоры, молотки, ножницы, серпы, лемехи, замки, ключи, посуда, изготовленная на гончарном круге, зачастую поливная, и т. д. Некоторые из этих находок говорят за то, что в среду «простой чади» проникла давно уже частная собственность и что некоторые киевляне ещё «делали нивы своя и земле своя».

Город быстро рос и сказочно богател. «Соперник Константинополя» — Киев поражал многих иноземных купцов своим богатством, великолепием и многолюдностью.

Титмар Мерзебургский говорит о столице Руси: «В большом городе Киеве, столице того государства, находится более 400 церквей и 8 рынков». Одной из этих церквей была, по свидетельству Титмара, церковь Климента, в которой нетрудно усмотреть всё ту же Десятинную церковь. В ней находились привезённые Владимиром мощи святого Климента, а может быть, даже особый придел. Возможно, что Титмар преувеличивает, но нет никакого сомнения в том, что Киев XI в. был одним из крупнейших городов Европы, столицей молодого могущественного государства и международным торжищем, где нетрудно было встретить грека и еврея, болгарина и ляха, немца и датчанина, англо-сакса и скотта, шведа и печенега, финна и венгра.

Вторым по величине городом древней Руси был Новгород. Раскопки на Славне, Ярославовом Дворище, Рюриковом городище и других местах Новгорода открыли нам богатый и многолюдный торговый город X—XI вв. с каменными церквями и зданиями, с многочисленным ремесленным людом. Улицы его были вымощены и имели водопровод и канализационные стоки ещё в XI в., когда ещё ни один из западноевропейских городов не знал ничего подобного. Так росли древнерусские города, центры хозяйственной, политической и культурной жизни Руси.

Развитие разделения труда, рост ремесла вызывают рост внутрплеменного и межплеменного обмена и расширение внешней торговли, обусловивших возникновение и расцвет древнерусского города. Растёт имущественная дифференциация. В больших курганах, представляющих собой погребения знати IX—X вв., типа знаменитых «Чёрной могилы» и «Гульбища» (обе могилы X в.) в Чернигове, киевского погребения дружинника на Кирилловской улице (тоже X в.), киевского некрополя, курганов у Гнездова (Смоленск), Ярославля, Шестовиц (Черниговщина), Старой Ладогои и т. д., обнаружены различные ценные вещи из золота, серебра и бронзы, чаще всего испорченные огнём, монеты, изящно отделанные дорогие украшения, как, например, туры рога, украшенные сложно орнаментированной оправой из серебряных пластин, подвески,

«Славянский посёлок». С картины А. Максимова

лунницы, пряжки, изделия со сканью, зернью и эмалью, обрывки дорогих тканей и остатки изящно отделанных изделий из кожи (сапог, ремней), золотые и серебряные перстни, пуговицы, застёжки, диадемы, специальные туалетные принадлежности (пинцеты, лопатовидные палочки для чистки ушей) и т. п. В этих же огромных богатых курганах с кострищами найдено вооружение, резко отличающееся от оружия предшествующих времён: мечи, в том числе западноевропейской работы, так называемые «франкские мечи», сабли, копья, стрелы (главным образом ромбовидные, хотя встречаются и ланцетовидные), кольчуги, шлемы, вытянутые кверху, бляхи от щитов, боевые ножи (скрамасаксы), топорики. Встречаются удила и стремяна. В больших гнездовских курганах, в погребении киевского дружинника X в. на Кирилловской улице, в «Чёрной могиле», в кургане у села Шестовицы и др. обнаружены сопроводительные погребения рабов и рабынь-наложниц. За это говорят находки в боковом кургане остатков сожжений нескольких человек (в том числе и прежде всего женщин) и обнаруженные в погребении воина-дружинника женские украшения. Доказательством того, что покойника сопровождала не свободная жена, а рабыня-наложница, служит наличие сопроводительных погребений только в богатых курганах и примерно одинаковое число женских и мужских погребений в отдельных могилах, а это свидетельствует о том, что свободную женщину хоронили отдельно с соблюдением всех обрядов. Эти похороны рабынь вместе с господами описаны в знаменитом рассказе Ибн-Фадлана о похоронах знатного руса. Ибн-Фадлан рассказывает о похоронах богатого купца-руса и описывает с мельчайшими подробностями, будучи сам очевидцем похорон, весь обряд сожжения. Покойник вместе с оружием и различными ценными вещами был посажен в большую лодку, куда были брошены лошади, быки, петух и курица. Затем в ладью привели одну из рабынь («жён», т. е. наложниц), убили её, а потом подожгли огромную поленницу дров под ладьёй. «И подлинно, не прошло и часа, как судно, дрова, умерший мужчина и девушка совершенно превратились в пепел. Потом построили они (русы. — В. М.) на месте стоянки судна, когда его вытащили из реки, что-то подобное круглому холму, вставили в середину большое де-

рево халандж, написали на нем имя умершего человека и имя русского царя и удалились. Из обычаев русского царя есть то, что во дворце с ним находится 400 человек из храбрых его сподвижников и верных ему людей, они умирают при его смерти и подвергают себя смерти за него».

Обычай погребения знатного руса, описанный Ибн-Фадланом, до мельчайших подробностей совпадает с тем, что дают археологические раскопки больших курганов древней Руси.

Итак, мы приходим к выводу, что большие богатые курганы с сопроводительными погребениями принадлежат местной русской родоплеменной знати — рабовладельцам, воинам и купцам, — постепенно превращающейся в господствующий класс феодального общества.

Её погребения резко отличаются от погребений основной массы «людья» древней Руси. Погребения основной массы населения бедны и однообразны, беден и однообразен сопровождающий их инвентарь: обычные льняные или грубошерстные ткани, остатки овчинных кож, грубые и однообразные изделия из железа и кости (гребешки, черенки и т. д.), ножи, реже наконечники стрел или копья, бедные украшения — бусы, височные кольца и т. п. Если в богатых погребениях мы видим дорогое и совершенное оружие, которое иногда давало возможность русской дружине по технике вооружения обгонять Западную Европу, где кольчуга и сабля появились на несколько столетий позже, чем на Руси, куда они проникли, как и некоторые другие предметы вооружения (например, суживающийся кверху шлем) из Передней Азии или были заимствованы у кочевников, то в бедных погребениях его не встречают вовсе. В погребениях простых людей, «людья», «простой чади» встречаются лишь копья, ножи, стрелы и топоры, да и те в XI—XII вв. постепенно исчезают, уступая своё место одним ножам.

Таким образом, сам собой напрашивается вывод о выделении и усилении общественной верхушки, воинов-дружинников, купцов и рабовладельцев, постепенно превращающихся в мощную силу, угнетавшую прочее население.

Оружие всё более и более становится монополией господствующей знати, а подвластное ей население ею же разоружается. Новое, совершенное оружие принадлежит

лишь знати, тогда как беднота довольствуется старым. Оружием её остаются нож, топор и прочие орудия, необходимые не только в боевой обстановке, но и в сельском хозяйстве, на охоте, промыслах и т. п. Некогда простое и однообразное оружие общинников исчезает, уступая место дифференцированному оружию дружинников и простому вооружению смердов — ножу и топору. В богатых погребениях-кострищах найдены ключи, замки, серпы. Эти находки указывают, во-первых, на развитый институт частной собственности, а во-вторых, на эксплуатацию челяди в хозяйстве знати, так как серпами пользовалась, конечно, не она, а те, кто вынужден был на неё работать.

Источником обогащения организованной в дружины русской социальной верхушки были также войны и походы, преследовавшие целью захват военной добычи и взимание дани.

Походы русских дружин на Византию (Сурож, Егину, Амастриду, Константинополь, Корсунь), на Восток (Абесгун, Сари, Дайлем, Гилян, Нефтяную землю, Самкерц, Бердаа), дунайских и камских болгар, на «ляхов» и «чудь», ятвягов и литву и т. д. способствуют обогащению участников этих походов. Не всегда они были удачны, но часто русские дружины возвращались с походов, «неся золото и паволоки, овощи, и вина, и всякое узорочье» и «ополоняшася челядью». Войны и походы обогащали князей и дружинников, усиливали имущественную, а вслед за ней и социальную дифференциацию населения.

Другим источником обогащения дружинной знати было взимание дани. Её взымали с покорённых племён «от рала», «от плуга» или «от дыма» по «черне куне», «беле веверице» или «по щьялгу». Собирали в качестве дани «скору», воск и мёд, «ополонялись челядью». До середины X в. дань взымалась в произвольных размерах, и мерилom размера дани были лишь жадность и сила князей. Иногда взымали «дань легьку», чтобы привлечь на свою сторону сильное племя, как это имело место по отношению к северянам, которых подчинил себе Олег, освободив их одновременно от подданства хазарскому кагану; иногда, наоборот, накладывали «дань тяжьку», «болши Олговы», особенно после того, как некоторые племена пробовали оказать сопротивление («затворишася», «заратишася»). Собирали иногда по несколько раз, как это

имело место во времена Игоря в древлянской земле, когда древляне должны были один раз уплатить дань Свенельду и его «отрокам» и дважды Игорю, что, наконец, переполнило их чашу терпения и привело к убийству Игоря. Мало того, что общинники кривичи, северяне, дреговичи, радимичи и др. должны были платить дань, они же должны были «повоз везти», т. е. доставлять продукты-товары, собранные в качестве дани, к определённым пунктам.

Дань платили не только киевскому князю. Платили племенным князьям, местным «светлым и великим» князьям, «иже суть под рукою» киевского князя, из числа «находников» — варягов или племенных князей, признавших киевского князя своим верховным вождём. Одновременно со сбором дани «примучивались» всякого рода другие поборы, «виры» и «продажи», ещё больше обогащавшие князя, дружину и всякого рода местную племенную знать и самостоятельных или полусамостоятельных правителей.

Кроме сборов дани, «вир» и «продаж», существовало ещё «полюдье». Константин Багрянородный указывает: «Зимний и суровый образ жизни этих самых Руссов таков. Когда наступит ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдье, т. е. круговой объезд, и именно в славянские земли Вервианов, Другувитов, Кривичей, Севериев и остальных славян, платящих дань Руссам. Прокармливаясь там в течение целой зимы, они в апреле месяце, когда растает лед на реке Днепре, снова возвращаются в Киев. Затем забирают свои однодревки, как сказано выше, снаряжаются и отправляются в Романию» (Византию).

Константин Багрянородный указывает, что полюдье не распространяется на земли Руси внутренней, коренной (Киев, Чернигов, Переяславль). Оно распространяется лишь на земли подвластных киевскому князю славянских племён, на «Русь внешнюю».

Каждый отряд княжеской дружины отправлялся ежегодно в отведённую ему землю, где и «кормился» в течение всей зимы и собирал меха, мёд, воск. Поэтому-то и сельское население этих земель, зависимое от князя, — смерды рассматривались и как подданные князя, платящие ему дань, и как зависимые от «руссов»-дружинников.

«Лучшие мужи» земель, на территории которых было установлено полюдье, «старая» или «нарочитая чадь», т. е. местная богатая верхушка, вооружённая знать, должна была собирать для «руссов»-дружинников всякие «товары» и свозить их в определённые пункты: Новгород, Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород и т. д. Отсюда уже, из Киева и Витичева, руссы-воины, превращавшиеся в купцов, отправлялись по Днепру в Константинополь, где и продавали всё, что было добыто во время зимнего полюдья.

Покорение племён и походы «по дань» сопровождалось захватами в «полон» и превращением пленников в рабов. О захвате «руссами» в плен славян говорит Ибн-Росте, сообщающий, что «они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там».

Дани, виры, продажи, полюдье и прочие поборы подрывали устой общины, разоряли экономически слабых общинников. Чтобы уплатить дань или для того, чтобы как-то просуществовать после разорительного сбора дани, им приходилось одалживать, итти в кабалу к своим же богатым сообщинникам, к родоплеменной знати, разного рода «лучшим людям», «старой» или «нарочитой чади», «старцам», ко «всякому княжью», к тому же князю или его боярам-дружинникам. Так росла долговая кабала — один из источников формирования феодально-зависимого люда.

Разложение общины ускоряло деление общества на классы. «Руссы» не только торговали рабами на невольничьих рынках Востока и Византии; в их хозяйстве применялся труд рабов.

Времена лёгкого рабства у славян и антов, о котором с удивлением писал в VI в. Маврикий, прошли безвозвратно.

Нет никакого сомнения в том, что труд рабов и всякого рода зависимого люда широко использовался в хозяйстве князей, бояр, дружинников, «лучших мужей» и прочих представителей общественной верхушки.

В древнейших дошедших до нас источниках, договорах Олега и Игоря с Византией, заключающих в себе остатки ещё более древнего «закона русского», в Русской Прав-

де Ярослава и др. говорится о продаже и покупке холопов (рабов) и челяди.

Раб — первая категория эксплуатируемого населения Руси. Налицо первое деление общества на классы, деление на рабов и рабовладельцев. Об этом делении говорит В. И. Ленин в лекции «О государстве».

Челядь — первая категория зависимого люда на Руси, вырастающая из патриархального рабства. В глубокой древности термин «челядь», «челядо» означал членов семейной общины, детей, подчинённых власти отца, патриарха.

Позднее в состав богатых семей стали входить рабы-пленные, всякого рода слуги, люди, задолжавшие и обязанные работать на своих господ, и т. д. И с течением времени термин «челядь» стал обозначать различные разновидности эксплуатируемого люда, обслуживающего хозяйство князей, бояр и прочей знати.

«Челядь» — прежде всего рабы, приобретаемые главным образом в результате «полона», в процессе войн и «примучивания» таких сборов дани, которые иногда очень мало чем отличались от первого. В ряды «челяди» становится, повидимому, и общинник. Но понятие «челядь» несколько шире, чем собственно раб — «холоп» или «роба». Эти последние выступают в более поздних источниках под названием «челядин полный». Итак, всякий холоп — челядин, но не всякий челядин — холоп. Челядью являются и слуги, работающие в хозяйстве господина.

Это были рядовичи — люди, задолжавшие и заключившие «ряд» (договор) с господином и обязанные работать на него, закупы — люди, взявшие «купу», т. е. ссуду, и отрабатывающие за неё в хозяйстве своего займодавца, ремесленники и т. д.

Челядью называли и управляющих хозяйством князей и бояр и их домом и двором: огнищан, ведавших княжим домом, «огнищем», старост, тиунов, конюхов, кормильцев и т. д. Это были привилегированные слуги, в военное время составлявшие личную дружину князя или боярина, а в мирное время являвшиеся их опорой и помощниками в деле управления.

Эти слуги, фактически отличаясь своим положением от раба, юридически являются теми же рабами. Самый факт, что все, в какой-то мере попавшие в зависимость

от князя или боярина, становятся в положение раба, чрезвычайно характерен для того времени. Даже наём свободной рабочей силы в те времена часто приводил к потере «наймитом» своей независимости. «Челядью» или «чадью» назывался всякий, попавший в результате «полона», кабалы или «ряда» в рабскую или полурабскую зависимость от господина, играющий даже роль первого слуги, а не только раб. Небольшое по своим размерам хозяйство, включающее в себе запашку, сады, огороды, выпасы и выгоны для скота, самый скот, «бортные ухажай», «бобровые гоны», «ловища» и «перевесища» и прочие промыслово-охотничьи и рыболовные угодья, держится на челяди, точнее — на эксплуатации труда челядинов. Челядь обслуживает и собственное хозяйство князя, и хозяйство «великих» и «светлых» князьков и бояр (в большинстве случаев дружинников князя, составляющих его «переднюю», «отню», «старшую» дружину), и прочих «нарочитых», «лучших людей», и их двор в широком смысле слова — усадьбу, дом, семью, разных «воев», скоморохов, волхвов и прочих лиц, сливающихся с семьёй князя и крупных бояр и наполняющих их «горницы» и «гридницы», их «хоромы» и «сени».

Таковы были первые формы господства и подчинения, первые группы зависимого населения. В древней Руси развитие общественных отношений шло «от патриархального рабства к крепостничеству».

Прежде чем перейти к вопросу о возникновении феодального земледелия, а следовательно, феодальных форм эксплуатации, вырастающих из патриархального рабства, остановимся на том: кем же была и как сложилась вся эта господствующая на Руси знать, которая выступает в письменных источниках IX—X вв. под названием «князей», «бояр», «русов», «руссов», «росов» и т. д.?

Складывающаяся в IX—X вв. общественная верхушка очень пестра и многообразна. С одной стороны, в её среде мы находим перерождающихся в феодалов представителей старой родоплеменной знати. Нет никакого сомнения в том, что на определённом этапе общественного развития русских племён Восточной Европы, в силу совершенно конкретных условий, происходит процесс перерождения родоплеменной аристократии через накопление богатств, создание дружинной военной организации и пат-

риархальное рабство в феодалов начальной стадии возникновения крепостнического общества. Родоплеменная знать трансформируется в феодалов, органы родового строя отрываются от своих корней в народе, в роде, в племени, «а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба, более унижительным, чем грабеж». ¹ Племенные вожди окружают себя дружиной из родовой знати и всяких «воев». «Они — варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд». ² Накапливая скот и ценности, захватывая земли и угодья, ополняясь «челядью», совершая грабительские походы, захватывая военную добычу, налагая дань, собирая полюдье и всякие «поборы», расширяя своё хозяйство, закабаливая своих соплеменников, сородичей и сообщинников, древнерусская родоплеменная знать отрывается от родовых устоев племенного быта и превращается в силу, стоящую над обществом, оружием и властью богатств подчиняющую себе ранее свободных общинников.

Итак, первый путь формирования феодализирующейся и феодальной верхушки — это трансформация в феодалов родоплеменной знати.

Второй путь — феодализация богатых семейных общин. Древняя сельская община выделяет в это время в процессе своего разложения господствующую прослойку. Последняя предстаёт перед нами в древнейших письмен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 140.

² Там же.

ных источниках под наименованием «старой чади», «нарочитой чади», «старцев градских» и «лучших мужей».

«Старая» или «нарочитая чадь» — туземная знать типа позднейших «земских бояр», выросшая из семейных общин, некогда управлявшая и распоряжавшаяся «простой чадью» — членами общины, родственниками, а затем захватившая в свои руки сперва хорошие, но незанятые угодья и земли, действуя на началах трудовой заимки и пользуясь своими преимуществами (большим количеством рабочих рук, наличием дополнительных запасов и продуктов, а также скота и орудий труда, что даёт возможность использовать в хозяйстве челядь — рабов), а затем и общинные земли, выгоны, угодья и т. п. «Старая» или «нарочитая чадь» — хозяйева челяди, рабовладельцы. Но «лучшие мужи» не удовлетворяются эксплуатацией труда челяди. Они захватывают общинные владения, запасы, закабаляют своих сообщинников, дают им «купы», превращая их в закупов, договариваются с ними, заключая «ряд» и превращая ранее свободных общинников в рядовичей, пытаются закабалить и наёмных работников, «наймитов», обзаводятся «обельными» (полными) холопами. Здесь уже складываются отношения феодальные, и бывший общинник предстаёт перед нами в качестве закабалённого человека, положение которого мало чем отличается от положения раба.

Был и третий путь формирования феодализирующейся верхушки, а именно — оседание дружинников на землю в результате захвата или княжеского пожалования.

На чём же основано владычество «княжья» и «лучших мужей»? На владении землёй и внеэкономической эксплуатации сельского населения. Но всё это сложилось не сразу.

В IX и даже в X вв. феодальное землевладение ещё не сложилось.

От IX в. вообще никаких свидетельств о феодальном землевладении до нас не дошло. Что касается X в., то от этого времени до нас дошли сообщения о «градах», принадлежавших князьям: Вышгороде, Изяславле, Белгороде и др., которые, несомненно, были центрами хозяйства князя. Здесь не только занимались ремесленной деятельностью. Как было уже указано выше, такие княжьи города были окружены «нивами» и «ухожаями», «лови-

щами» и «перевесищами» и т. д. и т. п. В городе, населённом княжой «челядью» от огнищанина и конюха до обельного холопа, сосредоточивается управление окрестной княжеской землёй. На её территории стоят княжеские сёла. Некоторые из них известны нам по именам, так как о них попутно, случайно упомянул летописец. Это село Ольжичи, принадлежавшее Ольге, Берестово, село князя Владимира. Источники называют ещё село Будутино, принадлежавшее Малуше, матери Владимира, село Ракома под Новгородом, куда ездил Ярослав в свой «двор» в 1015 г. Вокруг сёл лежали «нивы», «ловища», «перевесища», «места», обнесённые «знаменьями» с княжеской тамгой. Князья либо захватывали свободные земли и угодья, либо экспроприировали земли у общин, превращая «сельских людей», «простую чадь» в рабочую силу своего хозяйства.

В этих «градах» и сёлах князья сажали на землю своих пленников — холопов. Так зарождалось и росло княжое землевладение.

В княжеских сёлах стояли «хоромы», где жил сам князь, как это было во времена Владимира и Ярослава (Берестово и Ракома). Тут же жили княжеские тиуны, старосты, разного рода слуги, часто занимавшие высокие посты в дворцовой иерархии, работали холопы, рядовичи, смерды. На дворе стояли всякие хозяйственные постройки: клетки, овины, гумна, хлебные ямы, хлевы. Тут же располагались скотный двор и птичник. На лугах паслись стада скота и косяки лошадей с княжеским «пятном»-клеймом, находившиеся под наблюдением конюхов и сельских тиунов или старост. На эти же выпасы гоняли свой скот княжеские смерды, холопы и прочая челядь, работавшая на князя.

Характер княжого хозяйства, княжой вотчины с течением времени изменяется. Вначале она была невелика и носила полупромысловый-полуземледельческий характер, затем она вырастает, и всё большую и большую роль начинают играть всякие «нивы» и «рольи», т. е. пашни, в то время как значение «ловищ» и «перевесищ», т. е. охотничьих угодий, падает. Меняется и характер рабочей силы княжого домена: сперва рабы-холопы, всякого рода челядь, затем кабальный люд: закупы, рядовичи, наймиты, зависимое население — смерды и т. д.

В доходах князя вместо всякого рода поборов (даней, штрафов, военной добычи и т. д.) всё большее и большее значение приобретают поступления от хозяйства.

Вслед за княжеским развивалось и боярское землевладение. Первое время, на заре русской государственности, в период войн и походов, доходы княжеских дружинников состояли главным образом из военной добычи, части дани, которой делился с ними князь, полюдья, наконец, из части княжеских судебно-административных доходов. Наиболее видным, богатым и влиятельным дружинникам князя давали дань с покорённых племён и присоединённых земель. Существовал «вассалитет без ленов или лены, состоящие исключительно из дани». ¹

К концу X и особенно в XI в. картина резко меняется. Времена походов с целью захвата военной добычи и взимания дани кончаются. Источником обогащения феодализирующейся верхушки становится население самой Руси.

Устанавливаются характер и нормы дани — «уроки», создаются административно-финансовые единицы — «погосты», «места», местные организационные центры, где сосредоточивается княжеская администрация. Ускользнуть от обложения данью становится всё труднее и труднее. Всюду рыщут княжеские тиуны, «аки огонь», и рядовичи, «аки искры», всюду княжие «мужи»: посадники, данщики, вирники, мечники, ябетники, мостники, породники и т. д. Число их всё увеличивается, а функции умножаются. Содержание их падает на плечи населения. «Кормы», «поминки», «поборы», «виры», «продажи», «пошлины» всей своей тяжестью ложатся на плечи простого «людья». Дань перерастает в феодальную ренту, и особенно быстро этот процесс протекает на княжеских землях. Объектом эксплуатации князя становится теперь «своя», «Русская земля», свой русский данник, свой русский люд. Начинается «окняжение» земли. В этом процессе окняжения земли, т. е. в развитии феодального княжеского хозяйства и «устроении» земли Русской с целью установления регулярных поборов (всех видов) с населения, князьям помогают их соратники по былым войнам и походам — дружинники. Они становятся правой

¹ К. Marx, «Secret diplomatic history of the eighteenth century», London 1899, стр. 76.

рукой князя. Из их среды формируются княжеская администрация и вотчинные слуги. Она, эта дружинная среда, выделяет, с одной стороны, посадников, данщиков, вирников, мечников, ябетников и прочих членов княжеской администрации, с другой — огнищан, тиунов, старост и других деятелей княжеского вотчинного управления. Их «кормит» сельский люд, данники, князья, в их пользу поступают некоторые поборы, с ними делится своими доходами князь, многие из них живут с князем под одной крышей и сидят на княжеских пирах за одним столом с ним. Но постепенно всё большее и большее значение приобретают земля и доходы с неё, полученные в результате эксплуатации сельского зависимого люда. Теперь не дани с земли, а сама земля с сидящим на ней людом представляет собой ценность в глазах дружинника. И вчерашний воин, мечтавший о военной добыче и грабеже, о «серебряных лжицах», выкованных из серебра, добытого князем в результате успешной войны, — княжеским пожалованием и уже не дани с земли, а самой земли, превращается в землевладельца. Земля общинника становится собственностью боярина-дружинника, а сам общинник превращается в боярскую челядь. «Ряды» и «купы» превращают сельский люд окрестных деревень в зависимое от бояр закабалённое население. Кроме того, в состав княжеской дружины, в состав «княжих мужей» и бояр входят представители туземной, местной знати, «земского» боярства: «старцы градские», «нарочитая» и «старая чадь», «светлые бояре» и прочие «лучшие люди» «земли».

Так зарождается класс феодалов, вся эта масса «великих» и «меньших» бояр, «буйных» и «гордых», «славы хотящих», «имения ненасыщающихся». Идёт «обояривание» земель.

С конца X и начала XI в. на Руси появляется новый могущественный феодал — церковь.

IX—X вв. это — «дофеодальный период, когда крестьяне еще не были закрепощены».¹

Феодальные формы господства и подчинения суще-

¹ И. Сталин, А. Жданов, С. Киров. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. 8 августа 1934 г. «К изучению истории», Госполитиздат, 1938, стр. 22.

ствуют лишь в зародыше, но именно эта восходящая линия развития определяет собой социальную природу древней Руси. Не отживающий патриархальный быт, а именно феодальный общественный порядок характеризует Киевскую Русь не только XI—XII, но и IX вв., эпохи «славянского варварства», Русь дофеодального периода, Русь времён войн и походов, героический период в истории русского народа. Всё в движении, нет ничего статичного, всё в динамике, всё развивается. Одни общественные явления и формы бытия и общественного сознания исчезают и не сразу вдруг, а постепенно, сохраняясь в виде отживающих реликтов ещё долгое время; другие зарождаются, быстро растут, освобождаясь от шелухи предшествующих эпох. Они ещё слабы, незначительны, но именно им предстоит будущее, и они определяют собой, всё больше и больше распространяясь и приобретая новые качества, становясь определяющим фактором в жизни древнерусского общества, генеральный путь исторического развития русского народа.

С течением времени расширяется круг феодально-зависимого и эксплуатируемого люда. Среди зависимых людей в XI в. упоминаются смерды.

Термин «смерд» уходит к доисторическому племенному названию. В различных языках это слово, конечно, звучало различно. В ряде языков оно звучало «мер», «морд», «мар», «мард», «мурд».

У некоторых потомков древнейшего доисторического населения Европы этот термин сохранился в обозначении народа (меря, мурома, мордва, удмурды), у других же он превратился в социальный термин. Так, в славянских языках термин «смерд» стал обозначать «страдника», работника, подчинённого, зависимого человека.

В древней Руси смерды являлись особой категорией сельского люда. Смерды — данники князя, но не только данники. Просто данники носили название «людье», «простая чадь», «сельские люди». Смерды — это те общинники-данники, которые принадлежали князю, с которых собирали всякие «поборы» княжие дружинники, отправляясь в «полюдье». О них, об этих смердах, современник Ярославичей Ян Вышатич говорил: «яко смерда еста моя и моего князя». Позднее, с оседанием дружины на землю, бояре-дружинники превращали их из данников в

своих крепостных, так как теперь они были заинтересованы не в дани со смердов, а в самих смердах, в их хозяйстве, в их лошадях и «рольи»,¹ становящихся объектом эксплуатации феодалов. Поэтому-то термин «смерд» отложился прежде всего в топонимике «внешней Руси», в землях подвластных киевскому князю племён, куда ходила в «полюдье» его дружина во времена Константина Багрянородного. В собственно «Руси», в среднем Приднепровье, термин «смерд» в топонимике почти не встречается. Смерд — зависимый от князя человек. Об этом говорят вознаграждение за убийство и за «муку» смерда, идущее в пользу князя, переход имущества умершего смерда князю, если у покойного не было сыновей, штраф за убийство смерда, равный «вире», уплачиваемой князю за убийство его холопа, пастьба скота смерда вместе со скотом князя и т. д. Смерды «живут по сёлам», а селом называлось в древней Руси поселение, где находился княжеский или боярский двор. Смерд дарится вместе с землёй. Он прикреплен к земле. Он крепостной. Изменить своё состояние он может, только выйдя из общины, бежав, т. е. перестав быть смердом. Смерд обязан платить оброк, т. е. дань, превратившуюся в феодальную ренту, и нести барщину.

Как же понять тогда употребление в древней Руси термина «смерд» в обозначении сельского населения вообще?

Мы знаем, что термин «смерд» означает не только определённую категорию зависимых земледельцев, но употребляется в древнерусских источниках в широком смысле слова, покрывая сельский люд вообще. Почему для названия сельского населения употребляется именно термин «смерд»? В силу того обстоятельства, что он означает в узком смысле слова тех крестьян, которые всей общиной, без внутренних взрывов общины, без её разрушения, как-то незаметно превращаются из свободных общинников-данников в крепостных. При этом такое коренное изменение в их положении происходило в то время, когда всё вокруг не менялось: жили они попрежнему в своих избах, пахали землю, которую возделывали отцы и деды, так же, как и ранее, на старых привычных угодьях собирали мёд диких пчёл в «бортях», ловили

¹ «Ролья» — пашня.

рыбу, били зверя, пасли скот. Всё вокруг было по-старому, только они сами были уже не свободными общинниками-данниками, а зависимыми земледельцами. Такой общинник, теряя свою свободу, не превращался ни в закупа, ни в холопа, ни в рядовича, и изменение в его положении сочеталось с сохранением за ним старого наименования — «смерд». Потому-то термин «смерд» употребляется и в узком смысле этого слова, и тогда он означает древнерусских земледельцев, изменивших свою социальную сущность, не порывая связи с общиной, ставших крепостными, и в широком смысле — и тогда термин «смерд» обозначал сельский люд в целом, подобно тому как в XVIII в. «крестьянами» называли и государственных крестьян, не потерявших личной свободы, и крепостную дворню, весьма близкую к холопам древней Руси, крестьян экономических и задавленных барщиной, забитых и замученных «барских» крестьян.

Большой интерес представляют для нас и древнерусские «изгой». Мы не можем не связать термин «изгой» с глаголом «гоить», что означает «жить». И сейчас ещё говорят «рана загоилась», т. е. зажила. Отсюда естественно сделать вывод, что «изгой» — это человек, так сказать, «из-житый», выбитый из жизни, вырванный из своей обычной среды. Понятны и распространение изгойства в X—XII вв. и исчезновение этого термина позднее. В те времена постоянного разрушения древних родовых и общинных связей, распада и разложения семейных и территориальных общин всякий «людин», порвавший в силу тех или иных обстоятельств связь со своей общиной, вышедший из неё, становился изгоем. Изгой выходили из сельских общин, изгоев порождала и городская жизнь, выходили изгой и из других групп населения. Старый термин «изгой», вначале означавший человека, «выжитого» из рода, переносится в эпоху разложения первобытно-общинных отношений на людей, потерявших связь с общиной, с городской сотней, быть может, даже дружиной, людей, лишённых «жизни», т. е. имущества.

В источниках более поздних термин изгой, как правило, обозначает церковных и монастырских зависимых людей.

Каким путём шло превращение общинников в феодально-зависимый люд? Древняя Русь знала два пути превращения сельского «людья» в феодально-зависимое население.

ние: 1) насилия, экспроприации, захвата общинных земель и 2) закабаления.

В IX—XI вв. на Руси существовали ещё общины, даже не обложенные данью, хотя основная масса общинников является уже «подданными» в том смысле, что состоят «под данью», платят дань. В XI в. число общинников, платящих только дань, всё время быстро сокращается.

В XI в. идёт раздача князем своим дружинникам земель и угодий.

Вместе с землёй и угодьями, нивами и лугами, угодьями и «ухожаями» захватываются, дарятся и раздаются сидящие на земле общинники. Экспроприруется их собственность, а они сами, всей общиной, превращаются в собственность князя, боярина, церкви, передаются по наследству, продаются, дарятся, как дарится и передаётся любая вещь и в том числе прежде всего столп частной собственности феодальной эпохи — земля.

Но был и другой путь превращения общинников в зависимых — это путь их закабаления. В. И. Ленин отмечает:

«И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику, *совершенно так же*, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!». ¹ Неурожай, голод, пожар, стихийные бедствия, нападения врагов, грабёж дружинников, чрезмерные поборы и т. д. разоряли общинников. Такой разорённый общинник прежде всего выходил из общины, если она сама не распадалась в силу ряда причин, и становился изгоем. Закабалившись, он становился закупом, рядовичем и т. д. и уже не именовался «сельским людином», «простой чадью» или «смердом».

Так складывались различные категории феодально-зависимого люда. Для В. И. Ленина не было сомнений в том, каким периодом следует датировать зарождение и развитие феодально-крепостнического строя в России. Этой датой для Ленина были времена Русской Правды. Начало крепостничества Ленин относит к IX в., т. е. ко времени образования древнерусского государства, но характеристику феодальных отношений в Киевской Руси Ленин даёт начиная с XI в., со времён Русской Правды. ²

¹ В. И. Ленин, Соч. т. XI, стр. 98.

² В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 150; т. XI, стр. 98; т. XVII, стр. 514.

«Похороны Русса». С картины *Г. Семирадского* (к стр. 129—130)

«Полюдь». С картины *К. Лебедева* (к стр. 132)

В. И. Ленин указывает: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды)», а в другом месте отмечает: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен Русской Правды».¹

Число зависимого люда всё время быстро растёт. Даннические отношения охватывают почти весь сельский люд. Данники постепенно превращаются в феодально-зависимых, и число свободных общинников непрерывно уменьшается. Этот процесс обязан своим бурным развитием росту боярской земельной собственности.

Расширяется боярское хозяйство. Боярская вотчина как бы в миниатюре копирует княжескую. Там те же огнищане, тиуны, старосты, рядовичи, что и в княжеском домене. Боярскую вотчину охраняет всё та же Русская Правда, устанавливающая штрафы за убийство её представителей: «...также и за бояреск», как и за княжеских огнищан, сельских и ратайных тиунов, рядовичей и т. д.

«Знаки» и «пятна» отмечают боярскую вотчину, боярские земли и угодья, боярский скот и т. д. Имущество бояр передаётся по наследству, растёт, накапливается.

Так возник феодализм в древней Руси. От патриархальных семейных общин VIII—IX вв. — к земельной общине IX—X вв.; через выделение родоплеменной знати и возникновение в результате разложения сельских общин «лучших людей» — к классу феодалов, сложившемуся во всём своём многообразии в XI в.; от полупатриархальных форм земельной собственности к феодальной княжеской, боярской и церковной вотчине; от эксплуатации раба и кабальной челяди, «от первобытных форм рабства к крепостничеству» (Ленин); от узурпации власти родоплеменной знатью к древнерусскому государству — таков был путь древнерусского общества в дофеодальный период IX—X и начала XI вв. Русь этого времени — Русь «полупатриархальная-полуфеодальная», пёстрая и лоскутная, несущая в своей общественной и политической структуре и остатки первобытных патриархальных отношений, и рабство, и непрерывно растущие вплоть до своей победы феодальные формы господства и подчинения.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 150, 242.

ГЛАВА VI

У ИСТОКОВ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Падение державы волинян, разгромлённой аvaraми, ослабило восточное славянство и привело к тому, что южные и восточные русские племена подпадают под власть хазар, полукочевых племён различного происхождения, среди которых господствующую роль играли племена тюркского происхождения.

В VIII в. складывается Хазарское государство, так называемый Хазарский каганат, занимавший обширную территорию от Закавказья на юге до Камы на севере, где его соседом было государство камских или серебряных болгар, ближайших сородичей хазар, и от Днепра и Сожа на западе до закаспийских степей на востоке.

Связи между русскими племенами и хазарами установились очень давно. Они были результатом торговых и культурных сношений населения Восточной Европы с Востоком ещё в домусульманские времена, в V—VI вв. н. эры. Эти связи привели восточных славян в состав хазар.

В «Истории албанов» Моисея Утийца помещён рассказ о нападении хазар на города Тбилиси и Бердаа в Закавказье, причём среди хазар были воины, называвшие жир «салом», а посуду «шаром» или «череп» (черепок), т. е. говорившие по-русски. Это было в VII в.

Восточные писатели Аль-Баладури и Табари рассказывают о походе Марвана (середина VIII в.) на сакалибов, как обычно называют восточные писатели славян (хотя и не только их одних), живших «в земле хозар», «при Славянской реке». Им вторит Ибн-Аль-Факих, сообщающий, что на горе Кабк (Кавказ) обитает «род сакалибов».

Существовало ли здесь, на юге, сплошное русское, славянское население? Конечно, нет. В южных, прикавказских

и приволжских областях Хазарии, жили русские купцы, войны-дружинники, населявшие хазарские города. Сюда, на восток, их привлекала перспектива торговли и службы в войске могущественного хазарского кагана. Власть хазарского кагана распространилась на племена восточных славян не позднее VIII в. Наша летопись относит покорение части восточнославянских племён хазарами ещё к легендарным временам.

Это были времена, когда каждое племя жило «особе» «и живяху кождо с своим родом и на своих местах, владеяще кождо родом своим», когда русские племена «свою волость имели» и каждое племя имело «княженъе» своё.

Летопись датирует начало установления хазарского владычества в среднем Приднепровье смертью легендарных трёх братьев — основателей Киева — Кия, Щека и Хорива.

В народном предании о Кие отразились времена походов на Дунай и в земли Византии, и речь идёт не о воспоминаниях о походах Олега, Игоря и Святослава, память о которых не успела изгладиться ещё в представлении киевлян летописных времён, а о походах гораздо более ранних, походах антской поры. И летописец прав, связывая установление хазарского владычества со смертью легендарных (а быть может, только полуполегендарных) братьев — основателей Киева, ибо это событие, действительно, имело место после упадка варварских политических образований антов, т. е. после VII в. «По сих же летех, по смерти брата сея быша обидимы Древлями и инеми околними, и наидоша я Козаре, сидящая на горах сих и в лесах, и реша Козари: «платите нам дань».

Летопись сообщает, что до «призвания варагов» «Козари имаху на Полянех и на Северех и на Вятичех, имаху по белей веверице от дыма».

Из дальнейшего рассказа летописца мы узнаём, что и радимичи платили дань хазарам «по щьягю». По щьягю «от рала» платили дань хазарам и вятичи, хотя ранее летопись указывает на уплату вятичами хазарам «по белей веверице от дыма».

В данном случае, повидимому, имела место замена более древней дани «веверицами» от каждого «дыма» данью «щьягами», т. е. деньгами, «от рала» (плуга).

Таким образом, вся восточная группа славянских племён — поляне, северяне, вятичи и радимичи оказались под

властью хазарского кагана. Сообщение летописи подтверждается письмом хазарского царя Иосифа учёному испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту, в котором перечисляются народы, живущие в Волжско-Окском бассейне, по Дону и на левом берегу Днепра и, повидимому разновремено, подвластные хазарам: «На этой реке (Итиль) живут многие народы — буртас, болгар, арису (ерзя), цармис (черемисы), вентит (вятичи), савар (север, северяне), славиун (славяне)...» О подчинении хазарам славян и «соседствующих народов» говорит Ибн-Фадлан.

В письме хазарского царя Иосифа среди хазарских данников упоминаются северяне и вятичи. Что же касается третьего племени восточных славян, подвластных кагану, а именно «славиун», то интересно отметить, что царь Иосиф перечисляет эти народы, как бы двигаясь по карте с севера на юг и на юго-восток. «Славиун» он помещает на юго-восток от северян, т. е. где-то на Северном Донце или на Дону. И это вполне понятно — под покровительством кагана, обезопасившего на долгое время от вторжений кочевников степи Восточной Европы, русское население начинает спускаться по Дону всё дальше и дальше на юг. Следом этого продвижения славянского населения на юг, как об этом подробнее будет сказано ниже, являются славянские городища среднего Дона, типа знаменитого Борщевского городища, где, между прочим, свидетельством связи довольно многочисленного славянского населения с Востоком являются находки арабских диргемов, попавших сюда в результате торговли с Хазарией, и кости верблюда, типичного домашнего животного Востока. Эти поселения, вероятно, были основаны вятичами.

Какой характер носило хазарское владычество? Прimitивная хазарская держава ограничивалась лишь сбором дани с покорённых славянских племён. И под властью хазарского кагана «володеюще роды своими», правя в своей земле, своим племенем, и мало считаясь с хазарским властелином, «живяху кождо с родом», племенем своим, жили и управляли племенные князья, «светлые и великие князья», «всякое княжье Руския земля», дожившее до времён Олега и Игоря.

Вовлечение в торговлю с Востоком, в походы и войны хазарских каганов привело славян в города Хазарии. И это было уже в VIII и в самом начале IX в.

Ещё Ибн-Хордадбег (середина IX в.) сообщает, что «Русы, а они принадлежат к славянам...» ездят Доном и Волгой в столицу Хазарии. В Итиле, лежавшем в устье Волги, был целый район, заселённый славянами и называвшийся «Славянской частью». Он был расположен в восточной, торговой части Итиля, в так называемом Хазеране.

Из «русов и славян», по свидетельству Масуди (X в.), формировалась стража хазарского кагана и его прислуга. «Для славян и русов и других язычников» в Итиле был особый судья, который судил «по закону разума» (Масуди).

Для того чтобы понять, почему целые районы Итиля были заселены русами и славянами и носили название «Славянской части», для того чтобы представить себе, почему они заняли такое положение в жизни Хазарии, следует предположить, что появление их здесь относится к VIII, началу IX в., т. е. ко времени распространения хазарского владычества на Приокские, Приднепровские и Подонские земли, к тому времени, когда «Славяне и все соседствующие народы находятся в его (кагана. — В. М.) власти» (Ибн-Фадлан).

Несомненно восточное, в частности хазарское, влияние на восточнославянские племена. На Русь оказывал влияние хазарский иудаизм (господствующие верхи хазар исповедывали иудейскую веру). Этим объясняется перенесение в русские источники эпического мотива об испытании вер Владимиром, заимствованного из аналогичного хазарского рассказа, который мы находим в письме хазарского царя Иосифа учёному испанскому еврею Хасдаи-ибн-Шафруту, притч (о слепце и хромце), апокрифов (Соломон и Китоврас), легенд, заимствованных непосредственно из Талмуда, Мидрашей и другой иудейской литературы, и притом, повидимому, не из книг, а из устного общения. Это был вклад хазар-иудеев и евреев, живших в Киеве и общавшихся с русскими, в русское творчество и «княжность», вклад, явившийся результатом длительных связей с иудейской Хазарией.

Восточное, хазарское влияние сказывается и в материальной культуре восточной и южной группы русских племён. Особенно в этом отношении характерна так называемая «Салтово-Маяцкая культура».

Во времена складывания Хазарского государства в районе лесостепной полосы у Донца и Дона начинается про-

цесс оседания кочевников на землю, что подтверждают знаменитые городища типа Салтовского (на Донце), Маяцкого (у впадения Тихой Сосны в Дон), Цымлянского (на Нижнем Дону) и др. Это небольшие каменные крепости, окружённые довольно обширными неукреплёнными поселениями. Создателями этих городищ были древнетюркские болгарские племена, которых наша летопись именует «ясами».

Это подтверждается исключительным сходством древностей «салтово-маяцкой культуры» с древностями Дунайской Болгарии тех времён, когда тюрки-болгары ещё не успели раствориться среди славянского населения. Полупатриархальная-полуфеодальная, полuosедлая-полукочевая знать этих городов «салтово-маяцкой культуры» и выступала в роли проводников хазарского владычества.

Из её среды назначались каганом тудуны — правители, собиравшие дань в окрестных славянских землях. Отсюда, из городов «салтово-маяцкого типа», распространялись по русским землям изделия восточного типа, обнаруживаемые везде и повсеместно на территории Северного Кавказа, Нижнего Дона, Донца, Крыма.

«Ясы»-болгары переселялись в русские земли и растворялись среди славянского населения так же, как их соплеменники на Дунае.

Так, например, в «Слове о полку Игореве» упоминаются черниговские «были»-бояре: Татраны, Ольберы, Шельбиры, Ревуги, сплошь носящие тюркские имена, и это не поздние пришельцы из степей уже в летописные времена (их называли в Чернигове «коуями»), а древнее тюркское население, издавна осевшее на Руси. Об этом же говорит и сам древнетюркский термин «быль», долгое время сохранявшийся в Дунайской Болгарии. Отсюда, из городов «ясов» по Дону и Донцу, шли на север, в славянские земли (Харьковская, Полтавская, Сумская, Курская, Черниговская, Воронежская области), товары, предметы ремесленного производства, навыки ремесленной выучки, образцы искусства, начатки специфической, восточной, хазарской культуры.

Отсюда, из глубин хазарского мира, Русь заимствует название «хакан» или «каган» для обозначения князя, государя. Каганом называют своего правителя русские послы в Бертинских анналах, каганом (хаканом) именуют свое-

го государя русы по Ибн-Даста (Ибн-Росте) и персидскому анониму X в. Каганом называют Владимира и Ярослава «Похвала» митрополита Иллариона, «Слово о полку Игореве», надписи на фресках Софийского собора в Киеве. И вполне понятно. Для древних русских каган был олицетворением высшей государственной власти. Представление это сложилось ещё во времена владычества, силы и могущества хазарского каганата, когда подвластным ему славянам каган казался, да это в действительности так и было, верховным властелином. Вот почему тогда, когда славяне среднего Приднепровья освободились от хазарского владычества и стали независимы, они назвали своего государя так, как именовался их недавний повелитель и олицетворение высшей власти на земле — каган. В дружинах кагана, живя в его столице, торгуя, совершая походы через Хазарию, воюя совместно с хазарами и против них, платя дань кагану «от рала» и «от дыма», древние русские привыкли смотреть на кагана как на верховного повелителя.

Но неправильно было бы отмечать только влияние Востока (хазар, болгар и других яфетических, иранских и тюркских племён) на восточнославянский мир. В материальной и духовной культуре народов Хазарии мы усматриваем значительное славянское, русское влияние. Не случайно хана камских болгар многие восточные источники называют «царем славян», самих болгар — славянами, а их город Булгары — городом славян. Недаром Шемс-эд-дин-Димешки сообщает, что болгары-паломники, шедшие в Багдад и Мекку, на вопрос, кто они, отвечали: «мы — болгары, а болгары суть смесь турок со славянами». В материальной культуре камских болгар, в их языке ясно заметны следы славянского влияния. Аль-Бекри сообщает, что ряд народов севера (севера по отношению к арабским странам), народов Поволжья, в том числе хазары, «говорят по славянски потому, что смешались с ними».

Это же подтверждает Константин Багрянородный, сообщающий, что своих вождей венгры называют по-русски «воеводами», а печенеги употребляют русское слово «закон».

Всё приведённое говорит о том, что славянский язык был своего рода межплеменным языком для народов Дуная, Днепра, Волги и Камы,

Фахр-ад-дин-Мубарак-шах сообщает, что у «хазар есть письмо, заимствованное у русских... И они пишут слева направо и буквы друг с другом не соединяются, и букв не больше, чем двадцать одна». Это письмо видел у одного русса в Херсонесе Константин Философ (Кирилл) во время своей поездки в Хазарию в середине IX в.

Таким образом, хазарская письменность уходит корнями своего происхождения в древнее русское, славянское письмо, а это свидетельствует о большой роли славянства в жизни народов Хазарии.

Хазары не были «обрами», и владычество хазарского кагана отличалось от тирании аварского хана. В противном случае народная память отметила бы новое иго, запомнила бы тех, кто наложил его на русские племена. Но этого не произошло и не могло произойти. Если даже предположить, а это весьма возможно, что некоторые из владельцев дворов-замков выступали в качестве тудунов хазарского кагана, собиравших для кагана дань с соседних славянских племён по «щялягу» или «по белей веверице», «от дыма» или «от рала», то, учитывая небольшой размер дани, мы можем считать, что такого рода даннические отношения при сохранении неприкосновенными быта славян и их племенных объединений, их хозяйства, их родоплеменной знати, не могли создать хазарам на Руси ту славу, которой заслуженно пользовались авары.

В истории русского народа этот отрезок его исторического пути, который он прошел совместно с другими народами Поволжья, Прикамья, Подонья и Предкавказья в составе хазарской державы, сыграл большую роль.

И чем, как не этими глубокими экономическими, политическими, культурными и языковыми связями, связями, основание которым было положено ещё во времена хазарского каганата, объясняются и русско-кавказские отношения X—XIII вв., брачные узы и политические сношения русских и кавказских государств и широкие связи кавказского мира с русским в области языка и эпоса, музыки и изобразительного искусства, архитектуры и ремесла.

Не случайно русская легенда о Кие, Щеке и Хориве и их сестре Лыбеди, основателях города в земле полян, попала в армянский эпос и вылилась в легенду о трёх братьях и их сестре Лебеде, основавших город в земле «Полуни» (полян).

Постепенно власть хазар в среднем Приднепровье ослабевает. На сцену выступили мадьяры. Вихрем по степям Восточной Европы пронеслись их орды. Одетые в звериные шкуры, малорослые, с тремя косичками на бритой голове, на своих маленьких, лохматых и выносливых лошадях, венгры своим внешним видом, своей стремительностью в бою, жестокостью и воинственностью наводили страх на народы, встречавшиеся им на пути их продвижения на юг и на запад.

В конце 20-х или начале 30-х гг. IX в. мадьяры появляются в Лебедии, стране, лежащей где-то между Доном и Днепром в причерноморских степях. В те времена венгры подчинялись хазарам. В Лебедии мадьяры пробыли недолго и через три года под давлением кочевых тюркских племён — печенегов — перебрались в область между Днепром и Дунаем, так называемую Ателькузу. В Ателькузу они обосновались на более длительный срок и отсюда они совершали свои грабительские налёты с целью захвата добычи и пленных-рабов в земли восточных славян. Ибн-Росте сообщает: «мадьяры господствуют над всеми соседними славянами, налагают на них тяжелые дани и обращаются с ними, как с военнопленными (т. е. рабами)». Захваченных в плен славян венгры продавали в рабство грекам.

Но набеги венгров на славян были далеки от «примучивания» аваров. Народная память не оставила нам воспоминаний о венгерском владычестве. Наша летопись сохранила только одно упоминание об уграх.

«Идоша Угри мимо Киев горою, еже ся зоветь ныне Угорское, и пришедше к Днепру сташа вежами, беша бо ходяще аки се Половци. Пришедше от вьстока и устремившеся через горы великие, яже прозвашася горы Угорьскиа. . .»

«По сих же (обрах. — В. М.) придоша Печенези; паки идоша Угри Чернии мимо Киев, послеже при Олзе».

Но во времена летописца на Руси об уграх уже основательно позабыли, и сообщения летописи сбивчивы и туманны.

Из Ателькузу венгры переходят через Карпаты, заняв Паннонию (современная Венгрия) и оставив следом своего пребывания на Руси лишь «Угорское» под Киевом да «угринов» — дружинников киевских князей.

В 30-х гг. IX в. в Придонских степях, в Лебедии, а затем и в степях Приднепровья появляются печенеги.

Вторжение кочевников не могло не отразиться на связи Приднепровья и Хазарии. Власть хазарского кагана ослабевает.

Туманное воспоминание о прекращении даннических отношений полян к хазарскому кагану нашло своё отражение в рассказе летописца о том, как поляне отказались платить дань хазарскому кагану и вместо дани послали хазарам меч, что и послужило предвестником освобождения полян от хазарского владычества.

Ко времени летописца это событие облеклось в форму легенды, но само оно не было легендой.

Летописный рассказ отразил в эпической форме действительный исторический факт — освобождение среднего Приднепровья, земли полян, «Поля», «яже ныне зовомая Русь» от власти хазарского кагана.

Когда это произошло?

Полагаем, что на грани VIII и IX вв.

Кончились времена хазарского владычества на Руси.

Хазарский каганат служил связующим звеном между Русью и Востоком, «окном на Восток» для Руси, способствовал её сближению с Востоком и восприятию Русью некоторых элементов высокой культуры стран и народов Востока. И в этом его положительное значение в истории древней Руси.

Но с течением времени, по мере роста производительных сил Руси, по мере складывания новых, более совершенных форм политической жизни древнерусских племён, по мере роста и развития их культуры, их тяги к независимости, Хазарский каганат, ослабевший и подорванный кочевниками, становится препятствием для дальнейшего роста Руси, на обширных пространствах которой складывается древнерусское государство. Хазарское владычество из стимула развития Руси становится её оковами. Под властью хазарского кагана вызревают новые силы, долженствующие привести к созданию независимой русской государственности, обеспечивающей самостоятельность русского народа и развитие его культуры. Хазарское владычество должно было пасть и пало под ударами русских мечей, что дало повод к созданию записанной летописцем народной легенды о русском мече и хазарской сабле. И на развалинах хазарского каганата создаётся могучее русское государство — Киевская Русь, прямая

наследница державы кагана, распростёршая свои владения на земли Хазарии, на земли ясов и обезов (абхазцев), касогов (черкесов) и хазар, до Корчева (Керчи) и Тмутаракани и сохранившая на себе ещё в течение длительного времени следы былой общности политической жизни русских племён и хазар.

С постановкой этого вопроса мы вступаем в область истории образования древнерусского государства.

Первая половина IX в. На необозримых пространствах Восточной Европы, среди лесов и болот, в пущах и по берегам рек, у самой кромки лесов, на границе со степью и на далёком севере, у побережья Ильменя, в Карпатских горах и по Оке, раскинулись поселения русских племён.

Обширные земли занял «словенск язык на Руси».

И везде «свое княженъе», везде свои «светлые и великие князья», везде своё «всякое княжье»: «в Полях» княжье «свое», «в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане».

Племенных князей окружают «лучшие», «нарочитые мужи», «старая» или «нарочитая чадь». Эти князья «держат» свою землю, своё племенное княжение.

Они опираются на родоплеменную знать, порождены ею, тесно связаны с советом племенных старейшин — «лучших мужей», с вечем-сходом племени, на котором «сдумаша», решали все вопросы «земли». И так «владеюще кождо родом своим». Племенные княжества носили различный характер. Одни из них соответствовали племенным землям (древляне, радимичи, вятичи), другие представляли собой сложные межплеменные политические объединения (волыняне) или создавались на части территории данного племени (полочане).

Так, «словене свою волость имели, а кривици свою» и новые земли-волости всё более и более приобретали характер не племенной, а территориально-политический.

Вместе с разложением первобытных племенных отношений шёл распад племенных территорий и формировались межплеменные варварские политические образования.

Эпоха разложения племенного строя, эпоха варварства характеризуется созданием на Руси, как и во многих дру-

гих странах, особой военной организации, находящейся в руках варварской знати. Этой организацией была так называемая «тысячная» организация. «Вои» древнерусских «земель» и «волостей» объединялись в десятки, сотни и тысячи, которые возглавлялись десятскими, сотскими и тысяцкими.

Свидетельством древнего происхождения тысячной военной организации, пережитком времён, когда войско древней Руси, вернее, её отдельных земель, было «вооружённым народом», что так характерно для варварства, является большое значение тысяцких в Киевской Руси IX—XII вв., когда значительные события и отдельные отрезки времени получали наименование не по именам князей, а по именам тысяцких, игравших исключительную роль в политической жизни Приднепровской Руси. Особенно развита была эта система в земле полян, в собственно Руси, на территории среднего Приднепровья, где каждый город имел свою «тысячу» и сам организовал своё войско.

«Тысячи» существовали в Киеве, Вышгороде, Белгороде, Сновске под Черниговом и т. д.

С течением времени, по мере «окняжения» земель и власти, тысячная организация принимает иной характер. Тысяцкие и сотские обрастают административными, финансовыми и судебными функциями, сами сотни превращаются в организации купечества, городского (Новгород) или зависимого сельского люда (Галич, Волынь), а тысячи эволюционируют в сторону расширения их военных функций. Так «окняжается» и трансформируется древняя тысячная военная организация.

Но всё это произошло позднее, в XI—XII—XIII вв., а в IX в., в рассматриваемое нами время, тысячная военная организация была ещё сильна, и входившие в её состав воины представляли собой основную военную силу русских земель.

Основную, но не единственную, так как наряду с ней зарождалась новая военная организация — княжая, дружинная.

Термин «дружина», в древности обозначающий всякое содружество, товарищество, союз, общность, приобретает теперь и другое значение и более специфический оттенок и начинает означать княжеских воинов и сотрудников, княжих «мужей».

Дружинники окружают древнерусских «великих и светлых» князей, живут с ними под одной крышей, наполняя их горницы и разделяя все их интересы. Князь советуется с ними по вопросам войны и мира, организации походов, сбора дани, суда, административного управления. С ними вместе он принимает законы, постановления, решения. Они помогают князю управлять его домом, двором, хозяйством, разъезжают по его поручениям по земле, творя суд и расправу, собирая дани, «устанавливая» землю, «нарубая» города, созывая воинов, следя за княжеским хозяйством, за «нивами» и «уходами», «ловищами» и «перевесищами», за сёлами и челядью. Они же отправляются «слами» (послами) князя в другие страны, к другим правителям, «гостят» там и торгуют княжими товарами, которые собрал он во время полюдья или в результате удачного похода в «чужую землю», заключают от его имени договоры и, снабжённые княжими полномочиями (позднее оформляемыми в грамоты), ведут дипломатические переговоры.

Дружина делится на три группы. На первом месте стоит «старшая» дружина, «бояре светлые», выросшие из «лучших мужей», «старой» или «нарочитой чади». Они имеют своё хозяйство, свой двор, челядь, своих дружинников-«отроков». Они — старшие, и им поручаются важнейшие функции княжеского управления. Младшая дружина («детские», «пасынки», «отроки», «юные») живёт при дворе князя, обслуживает его дом, двор, хозяйство, выступая в роли слуг. С ней делится князь частью своих доходов от сборов дани, судебных штрафов, частью военной добычи. Князь снабжает её «оружием и порты», «лжицами» и пищей, жилищем и «узорочьем», короче — всем. Из её среды выходят слуги князя, его телохранители, младшие должностные лица, младшие агенты княжого управления. Эта часть княжой дружины сливается с княжим «огнищем» — двором, с «чады и домочадцы», с несвободными слугами — челядью.

И, наконец, третья группа состоит из «воев», «мужей храборьствующих». Это были воины в самом широком смысле слова, набранные из народа, реликт древней поры, когда на войну шёл вооружённый народ и отстаивал свою землю или завоёвывал чужую. Эти «мужи» «древних князи» собирали «многое имение», «воююще ины

страны». Чем дальше в глубь времён, тем большее значение имели «мужи храборствующие», составлявшие основной боевой контингент личных военных сил князя. Они выходили из народа и были тесно связаны с ним. Отражая собой эпоху военной демократии, когда на арене истории выступал вооружённый народ, они с течением времени, в XI—XII вв., теряли своё значение и уступали место чётко оформленным социальным, политическим группировкам, «старшей», «передней» и «молодшей» дружине. «Мужи»-воины либо входили в состав «передней» дружины, либо поглощались «молодшей», либо попадали в подчинённое положение и к тем и к другим, снова сливаясь с народом, с городским населением, выступая в качестве «воев» городских ополчений — «полков», и между ними и князем вырастала зияющая пропасть. Но в те времена, на заре Русского государства, они играли большую роль и составляли едва ли не основную силу княжеских дружин. В состав княжеских дружин они попали давно, с конца VIII — начала IX в., вместе с ростом княжеской власти, усилением влияния князей, и путь их в княжескую дружину пролегал едва ли не через тысячную организацию. И если известная, большая часть воинов города составляла городской «полк» во главе с тысяцким, то «волость» — земля, да и сам город часть своих боевых сил должен был уступить князю, богатство, влияние и власть которого всё время росли, вызывая естественную тягу среди рядовых «воев», вооружённой «простой чади» городов и «сельского людя», ещё независимых, располагавших личной свободой, к князю, их стремление влиться в ряды княжих дружинников, что обещало и «оружье» и «порты», и серебряные «лжицы», богатство, почёт и славу.

Они — варвары. Война становится функцией народной жизни, единственным достойным мужчин занятием. Грабёж соседей и война становятся не только средством наживы, но и источником их существования.

Так наряду со старой, тысячной, появляется новая, дружинная, княжая военная организация.

Развитие военных сил Руси к концу VIII и началу IX в. было, с одной стороны, выражением высшего расцвета варварства; Русь стояла на грани цивилизации, у порога феодального общества, у истоков государства,

и новые силы, проявившиеся в историческом развитии славянства среднего Приднепровья и других областей Руси, создавая явления, напоминающие основные характерные особенности среднего Приднепровья антских времён (варварская знать, завоевательные походы, межплеменные политические объединения), действуют в новом, более совершенном, стадияльно более высоком качестве, более интенсивно и быстро и на несравненно более обширной территории.

Варварство антских племён отличалось от варварства собственно уже русских племён прежде всего тем, что последнее было более совершенным, элементы классов были в нём более развиты, что объяснялось, во-первых, в известной мере и подготовкой всех этих явлений в предшествующую, антскую эпоху, и столетиями последующей исторической эволюции древнерусского общества, и, во-вторых, несравненно более обширной территорией, на которой шёл процесс создания варварского, а впоследствии, в непродолжительном времени, феодального общества и государства. Варварское общество антских племён было создано на территории среднего Приднепровья и в областях, прилегающих к нему с запада и главным образом юго-запада; варварское общество русских племён, предтеча феодальной Киевской Руси Ярославичей и Владимира Мономаха, сложилось на огромной территории от Ладоги до Руси, от Оки до Карпат и имело не один, а целый ряд политических центров.

С другой стороны, это развитие военных сил Руси на грани VIII и IX вв. не могло не вылиться в целый шквал русских походов и завоеваний, так же точно как зарождение классов, свойственное варварскому миру, не могло не вызвать возникновения политических образований типа варварских государств.

И они не замедлили возникнуть.

Первым выступлением могущественной Руси на арене мировой истории было нападение русов на Сурож. «Житие Стефана Сурожского» рассказывает о нападении новгородского князя Бравлина на Крым. Бравлин «плени» всю землю от Херсонеса (Корсуня) до Керчи и штурмом, «силою изломив железные врата», взял Сурож. Это было в конце VIII или в самом начале IX в.

В 813 г. руссы нападают на остров Егину. В первой

трети IX в. руссы совершают поход на город Амастриду (на южном берегу Чёрного моря, у Синопа). Впечатление, произведённое этими походами русских дружин на Византию, было огромное.

О Руси узнали, о ней заговорили, её оружие стали уважать, с ней вынуждены были считаться. О Руси заговорили не только в Византии, — её хорошо узнали и на Востоке. В 40-х гг. IX в. Ибн-Хордадбег пишет как о чём-то обычном, давно установившемся, о «пути купцов Русов, а они принадлежат к славянам», по Чёрному морю в Византию («Рум»), по Дону и Волге в Хазарию и далее, на Каспий. В это же время о Руси узнали и на Западе. И это произошло потому, что Русь не только «дикий и грубый» народ, как характеризуют его испуганные «ромей» (византийцы), которые готовы были награждать воинственную Русь какими угодно чудовищными чертами, но и народ, создающий своё, пусть ещё варварское, примитивное, но всё же своё государство, а следовательно, прибегающий к дипломатическим переговорам и соглашениям.

И в такой именно связи и стоит первое упоминание о государстве русского народа, датированное 30-ми годами IX в. 18 мая 839 г. в далёком Ингельгейме в Германии император Людовик Благочестивый принимал послов византийского императора Феофила. Вместе с ними в Ингельгейм прибыли и послы «народа Рос», правитель которых назывался «каганом». Феофил просил Людовика дать им возможность вернуться в свою страну, так как пути, по которым они прибыли в Византию, были заняты «бесчеловечными и дикими племенами».

Так сообщают о появлении «некоих людей» из «народа Рос» западноевропейские Бертинские анналы (летописи). Как попали в Ингельгейм эти росы? Начало 30-х гг. ознаменовалось появлением в степях могущественных и хищных кочевников — печенегов. Печенежская опасность беспокоила и Хазарию и Русь. Хазарский каган отправил в Византию послов с просьбой прислать инженеров для постройки крепости. И в скором времени византийские инженеры построили для хазар крепость Саркел, по-русски Белую Вежу (у станицы Цымлянской на Нижнем Дону).

В то же время и другой каган, «каган» «народа Рос», о котором говорят Бертинские анналы, направил, в свою очередь, послов в Византию для заключения соглашения с империей о совместной борьбе с печенегами.

Хозяйничание печенегов в степях нарушало торговые связи Византии с Русью, и, кроме того, печенеги могли угрожать и самой империи, что и имело место впоследствии. Этим и объясняется дружеский приём, оказанный русским послам в Византии, и забота о них со стороны императора Феофила.

Русские прибыли в Константинополь тогда, когда печенеги ещё только приближались к Днепру. Пока же они вели переговоры, кочевые орды вышли к Днепру и перерезали днепровский путь, связывающий среднеднепровское государство русского кагана с Византией.

Поэтому-то русские послы должны были вместе с византийскими ехать в Германию и пытаться оттуда круглым путём пробраться в свою страну.

Они были дипломатическими представителями своего государя, который, как уже указывалось ранее, по старому обычаю, носил название «кагана». Русский каганат — это первое крупное государственное образование древней Руси. Оно ведёт самостоятельные дипломатические переговоры, посылает своих послов, заключает союзы, организует оборону своих рубежей.

Но русский каганат в среднем Приднепровье не единственное древнерусское государственное образование, предшествующее Киевскому государству.

Арабские писатели Аль-Джайгани (конец IX в.), а за ним Аль-Истахри, Аль-Балхи, Ибн-Хаукаль и др. говорят о трёх центрах Руси: Куяве (Куиаб), Славии и Артании (Арте, Тании, Артании).

В Куяве нетрудно усмотреть Киев, среднее Приднепровье, в Славии — область ильменских словен. Что же касается Артании, то она лежит где-то на юге или юго-востоке, и многие исследователи помещают её на Тамани или в Крыму.

Следовательно, перед нами предлетописная Русь выступает как страна с тремя политическими объединениями: северо-западной Славией, южной Приднепровской Куявой и южной или юго-восточной Артанией. Каждое из этих предгосударственных политических образований,

согласно сведениям, сообщаемым арабскими и персидскими источниками, имеет своего «царя» и ведёт самостоятельную политику.

Летопись также сохранила упоминание о делении восточного славянства по его политическим судьбам на две группы: северо-западную и юго-восточную.

Повесть временных лет сообщает: «Имаху дань Варязи из заморья на Чюди и на Словенах, на Мери на Всех и на Кривичех; о Козари имаху на Полянех, и на Северех и на Вятчих. . .».

Эти две группы племён соответствуют Славии и Куяве арабов.

Словене, кривичи, чудь, меря и весь составляют одно политическое объединение — северо-западное. В нём первенствующее значение имеют словене ильменские. Отсюда и название страны у арабов — «Славия». Эта группа славянских и финских племён попала под власть «находников»-варягов и платила им до поры до времени дань. Это, так сказать, «варяжская группа», варяжская не по культуртрегерской роли варягов, а по своим связям с Варяжским морем, Бахр-Варанг арабов, с Варяжским Западом, по борьбе с варягами, которая объединила, как это мы увидим дальше, все эти славянские и финские племена в политический союз, первое примитивное полугосударственное образование на берегах Волхова и Ильменя, у Ладожского озера и на побережье Финского залива.

Второе политическое образование составляют поляне, вместе с северянами, радимичами и вятчами входившие в «хазарскую группу» славян.

Это — юго-восточное объединение славянских племён. Некогда их связывала общность подчинения хазарскому кагану, позднее — борьба с хазарами и высвобождение из-под власти кагана. На северо-западе «насилъе деяху» варяги, на юго-востоке — хазары. Но когда накопили силы и Русь Ильменская и Русь Днепровская, они сбросили с себя владычество «находников» с низовьев Волги и из сумрачной Скандинавии. Так Повесть временных лет отразила существование «Славии» и «Куявии», так возникли «сначала два государства: Киев и Новгород» (К. Маркс), и лишь позднее их история тесно переплелась, лишь позднее они слились в Киевское государство.

Когда и как установились даннические отношения сла-

вянских и финских племён Приильменья и Приладожья по отношению к варягам? Суровая природа их родины — Скандинавии, быстрый рост населения при ограниченных ресурсах страны, рост централизации и укрепление королевской власти понуждали недовольных конунгов собирать отряды викингов и устремляться в свои путешествия и походы за богатством, добычей, землёй и властью.

В первой половине IX в. они появились в «Гардарик», «Стране городов», как называли норманны Русь, и попытались сделать своим опорным пунктом Ладогу — Альдейгобург скандинавских саг. Здесь среди местного населения — карел, води, словен, вепсов («людий») — появились первые «находники» — варяги. Это были воины и грабители, купцы-разбойники, охотники за пушниной и живым товаром, арабскими диргемами, восточными драгоценностями, за богатствами легендарной Биармии (Перми). Они прорывались далеко на юг и восток до Булгар, сказочно богатого «Серкланда» (Итиля) и Каспия. На севере они прошли до Биармии, и их ладьи бороздили Белое море. На западе центром их торговли был знаменитый город Бирка.

Грабя, убивая, поработывая, торгуя, облагая данью, они бурей проносились по землям славянских и финских племён.

Это были скорее разбойники, чем купцы, скорее враги, нежели правители. И отсутствие скандинавских вещей того времени в находках на территории Восточной Европы, датируемых IX в., говорит о том, что скандинавские викинги приходили сюда не для торговли, а для грабежа. Недаром в Скандинавии, особенно в Швеции, найдено огромное количество восточных монет и вещей VIII—IX вв.

Так начали пробивать знаменитую «восточную» или «варяжскую дорогу» на Волгу, а затем на Днепр, алчные и воинственные скандинавские «искатели славы и добычи» (К. Маркс).

Вот этот период норманских набегов и нашёл отражение в рассказе летописца о том, как варяги «имали» дань со словен, кривичей, чуди, мери и веси. Но славянское и финское население Гардарик не собиралось терпеть «насилия» варягов и их разбойничанье в родной земле.

Надо полагать, что к концу первой и к началу второй половины IX в. союз племён северо-запада, возглавляемый словенами, в земле которых стояли уже Ладога, Новгород и Старая Русса, так же как в земле их соседей-кривичей

уже высились стены Пскова и Изборска, вырос в серьёзную политическую силу. Многие финские племена в совместной борьбе с грабителями-варягами признали руководящую роль многочисленных и сильных словен (чудь, меря, весь), другие уже просто начали сливаться с ними (вось), теряя и свои племенные наименования и всё чаще и чаще выступая под общим наименованием для всех финнов — «чудь». Это имело место прежде всего в районах древней словенской колонизации, близ самого Новгорода. Подпали под влияние словен и соседние кривичи, псковско-изборская ветвь многочисленного кривичского племени.

Время существования отдельных племенных «волостей» отходило в область преданий. Складывался могучий племенной союз. Входявшие в его состав племена взялись за оружие «и вьсташа Словене и Кривици и Меря и Чудь на Варягы, и изгнаша я за море, и начаша владети сами себе и города ставити...».

С этого момента меняется сама роль норманнов на Руси. Это уже не разбойники, ищущие славы и добычи, воины-насилыники, купцы-грабители. Норманны на Руси конца IX—X вв. выступают в роли купцов, о чём говорит обилие привозных скандинавских вещей, так как теперь в Гардарик ездили не грабить (о повторении того, что было до сих пор, о «насилиях» и дани уже не могло быть и речи), а торговать. Торговать пряжками и мечами, в последнем случае в прямом и переносном смысле, когда варяг предлагал в качестве товара свой боевой «франкский» меч, а в придачу к нему свою воинскую доблесть, свой опыт мирового воина-бродяги, свою преданность тому, кто больше платит.

В конце IX—X вв. норманны на Руси выступают в качестве «варягов»-купцов, торгующих с Востоком, Западом и Константинополем (Миклагард) и снабжающих товарами иноземного происхождения все страны Востока, Юга и Запада и, прежде всего, самоё Гардарик. Они выступают в роли воинов-наёмников — «варягов», и в этом своём качестве и под этим названием, как наёмники, служащие по договору на Руси, в Гардарик, или в Византии, они выступают и в русских, и в византийских, и в скандинавских источниках.

Некоторые скандинавские вожди (ярлы) оказываются более удачливыми и ухитряются захватить власть в свои

руки в отдельных городах Руси, как это произошло в Полоцке, где обосновался варяг Рогволод.

Большая же часть норманских викингов выступала в роли наёмных воинов-дружинников русских племенных князьков или русского кагана, вместе с другими княжескими дружинниками или вместе же с другими княжескими «моужами» выполняя различные поручения в качестве «гостей»-купцов и «слов» (послов) князя, как это отметили Бертинские анналы, указавшие, что послы кагана «народа Рос» были из рода шведов. Теперь «находники»-варяги должны были выступить в иной роли. Богатство и власть были у местной русской знати, впитавшей на северо-западе в свой состав верхушку финских племён. Она-то и приглашала варяжские наёмные дружины для защиты своих городов и земель, для защиты торговых путей, защиты, зачастую, от таких же наёмников-варягов соседнего «княжения» или «волости» или разбойничьей норманской вольницы. В этой привычной им, социально родственной, среде норманны охотно и быстро растворялись. Женясь на русских, эти скандинавские воины бесповоротно садились на русскую почву и руссифицировались часто уже во втором поколении.

В главе «Киевский период в истории славянских народов Восточной Европы» мы остановимся подробнее на вопросе о роли варягов в истории древней Руси, а пока что ограничимся выводом, что с середины IX в. варяжская вольница бесповоротно поступает на службу к русской полупатриархальной-полуфеодальной знати — «великим» и «светлым» князьям, хотя и пытается, и не раз, стать ведущей силой и захватить власть в свои руки в городах Руси.

«Славия» оказалась достаточно сильной, для того чтобы заставить варягов отказаться от своих грабительских налётов на области словен, кривичей, мери, веси, чуди и выступить в другой роли, роли купцов и воинов-наёмников.

Но она не была ещё достаточно сплочённой и сильной, для того чтобы помешать им осуществить свой авантюристический план захвата власти в «Славии».

О борьбе между племенами и городами северо-западного объединения славянских и финских племён сообщает летописец.

Положив конец грабительским вторжениям варягов, «почаша сами в себе володети», князья и «старейшины» сло-

вен и кривичей, чуди и мери начали междоусобную борьбу «и въста род на род», «въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в них правды».

При такой ситуации (а сомневаться в том, что такая «усобица» могла иметь место в действительности, нет никакого основания) вполне понятно приглашение словенами, а с ними вместе и частью чуди, кривичей и других племён, варяжской наёмной дружины. Это приглашение дружины норманского конунга и нашло отражение в знаменитом летописном рассказе о призвании варягов.

Летопись рассказывает о том, что якобы посланцы словен, чуди, кривичей и веси отправились «за море к Варягам», к племени Руси, и обратились к ним с речью, указав, что земля их велика и обильна, а порядка в ней нет, и попросили прийти княжить и владеть. И на зов посланцев явились три брата-варяга из племени Русь — Рюрик, Синеус и Трувор, которые положили начало русской государственности и самому названию Русь и русские, «преже бо беша Словени».

Эти строки, варьирующие в различных летописных сводах, послужили поводом к созданию бесчисленных норманистских и антинорманистских теорий о варягах, их приглашении или завоевании ими, о происхождении термина «Русь» и т. д. и т. п., т. е. всех тех проблем, которые волновали исследователей начиная с XVIII в. и до наших дней.

Какие же события, происшедшие на севере Восточной Европы, отразил рассказ летописца?

Сверяя различные летописи, мы приходим к следующему выводу. Туманные предания, сохранившиеся в Новгороде и попавшие в летопись, говорят о новгородском «старейшине» Гостомысле. Народное сказание в этой форме сохранило до времён летописца воспоминание о тех временах, когда Новгород управлялся «старейшинами».

Один из таких владык пригласил на помощь в борьбе с другими «старейшинами» какого-то варяжского конунга, которого летописное предание назвало Рюриком. «И придоша к Словеню первее и срубиша город Ладогу, и седе старейшей в Ладоге Рюрик».

Но варяжскому викингу показалась заманчивой перспектива овладеть самим Хольмгардом — Новгородом, и он, с

дружиной, явившись туда, совершает переворот, устраняет или убивает новгородских «старейшин», что нашло отражение в летописном рассказе о смерти Гостомысла «без наследия», и захватывает власть в свои руки. Никоновская летопись, несомненно использовавшая какие-то древние источники, отмечает, что узурпатор встретился с длительным и сильным сопротивлением со стороны новгородских «мужей», и, как об этом свидетельствуют позднейшие события, связанные тоже с «насильем» варягов, этими «мужами» были новгородские «лучшие мужи» из «Словенской тысячи», древней новгородской городской военной организации — тысячи, сложившейся у древнейшей части Новгорода — Славны, Славенского холма.

Вскоре после переворота (Никоновская летопись даёт и дату — 864 г.) «уби Рюрик Вадима Храброго, и иных многих изби новгородцев, съветников его». Борьба с варяжским узурпатором длилась долго. Прошло три года и «... избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей».

Известия Никоновской летописи о борьбе Вадима Храброго и «съветников его» с варягами Рюрика станут нам тем более понятными, если мы учтём, что вокняжение Рюрика в Новгороде произошло в результате переворота, помимо воли и желания новгородских «мужей» и даже вопреки им, а это, естественно, породило борьбу между узурпаторами-варягами и новгородцами, стремившимися сбросить навязанную им оружием власть варяжского викинга. В летописном повествовании различных сводов нашли отражение и приглашение варяжской дружины (что и послужило мотивом для летописного рассказа о призвании варягов), и захват власти варягами, и борьба с ними, что вылилось в сообщение о Вадиме Храбром и «съветниках его», выступивших против Рюрика.

История древней Руси свидетельствует о том, что варяги ещё не раз пытались совершить нечто подобное тому, что произошло в Новгороде.

Так было при Владимире, когда они, захватив Киев, заявили Владимиру: «се град наш, мы прияхом и», и только умелая и осторожная политика спасла Киев и Владимира от повторения новгородских событий предшествующего столетия.

Почти аналогичное явление имело место в Новгороде при Ярославе, когда варяжские дружинники грабили и насильничали над новгородцами, чем и вызвали выступление этих последних против себя и резню варягов.

Так произошёл захват власти варяжским конунгом.

Как же возник рассказ летописца о призвании варягов? В чём был смысл концепции летописца?

Рассказ летописца о призвании варягов возник в определённое время, в определённой среде, под влиянием политических факторов определённого порядка.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подобного же рода предание о призвании трёх братьев сохранилось у ирландцев, встречается в истории саксов Видукинда, где говорится о призвании бриттами в свою «великую и обильную землю» князей из саксов. Таким образом, рассказ о призвании «из за моря», будучи вообще бродячим мотивом, конкретно уводит нас в Англию. А с Англией Киевская Русь была связана с давних пор. Ещё в 80-х гг. IX в. король Альфред Великий узнал со слов Оттера о государстве «Рошуаско», т. е. Руси. В Киеве времён Ярослава жили сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард.

Во времена же редактирования Повести временных лет, в княжение Владимира Мономаха, в начале XII в., связи с Англией ещё более окрепли, а сам Мономах был женат на дочери английского короля Гите Гаральдовне.

Отсюда, из эпических сказаний Англии и Ирландии, и была заимствована форма летописного рассказа о призвании варягов.

Варяжское происхождение династии Рюриковичей, их скандинавские связи, та роль, которую играли варяги при дворе киевских князей, неясные припоминания о временах викингов на Руси, реальные норманны времён Ярославичей и Мономаха — всё это послужило почвой, на которой летописец создал свой рассказ о призвании варягов, связав едиnodержавные политические тенденции Мономаха, по инициативе которого, в угоду концепции «приглашенного князя» и единства княжеской линии, в Выдубицком монастыре редактировалась в начале XII в. Повесть временных лет, с теорией «призвания варягов», с вопросом о роли варягов на Руси и, наконец, с происхождением самого термина «Русь».

Приднепровский юг, Киев, жил в это время своей особой жизнью и был ещё слабо связан с Новгородом. Продолжались сношения с Византией.

Нет никакого сомнения в том, что «ромей» и русские со времени посольства кагана «народа Рос» к императору Феофилу, а быть может, и ранее, находились в постоянном общении друг с другом. Русские ездили «слами» и «гостями» в Константинополь, как это имело место и позднее, во времена договоров Олега и Игоря с Византией, торговали и жили в Византии, сталкивались с греками на северном побережье Чёрного моря, у Днепровских и Бугских лиманов и в Крыму. Взаимоотношения между русскими и греками определялись соглашениями, договорами. Но, очевидно, незадолго до 860 г. греки нарушили соглашение «между Русью и Греки» и перебили русских «слов» и «гостей» в Константинополе или русских рыбаков и промысловиков где-нибудь у Белобережья или на Березани. Ответом на нарушение Византией договора о дружеских взаимоотношениях с Русью и был поход русских 860 г., — поход, ставящий задачей отмщение за нарушение греками международных соглашений и возобновление старых договорных отношений. Это война, а не налёт, война, преследующая своей целью восстановление погрязших интересов Руси, а не грабительский поход варваров, война как продолжение дипломатии, на которую было способно только государство.

18 июня 860 г. 200 русских кораблей неожиданно напали на Константинополь. Положение осаждённого Константинополя было очень тяжёлым. Теперь уже не крымские или малоазиатские владения императора подверглись нападению русских (хотя и здесь, на острове Теревинт, у Синопа, действовали русские): горели предместья столицы.

Императору Михаилу пришлось вернуться с похода и начать переговоры с русскими.

Недельная осада Константинополя, продолжавшаяся с 18 по 25 июня, к величайшей радости жителей Константинополя, была, наконец, снята. Русские удалились победителями, увозя с собой договор «мира и любви» — свидетельство их победы и триумфа и поражения могущественной империи.

Русь вынудила империю считаться с собой и вписать своё имя в список грозных и могущественных народов.

К 866—867 гг. относится новый договор Руси с Византией. Императору Василию Македонянину удалось раздачей богатых даров русским склонить их к «дружбе и соглашению» и даже принять христианство и «епископа-пастыря» из Константинополя.

Наши летописи связывают этот поход с именами Аскольда и Дира.

Дира, «первого из славянских царей», знает и Масуди, пишущий о нём в своих «Промывальнях золота».

Византийские источники говорят о том, что в 866—867 гг. принял христианство и вождь руссов (или, как называют византийцы, «росов»).

Наша же летопись сообщает, что на могиле Аскольда стояла церковь святого Николая, подчёркивая этим, что Аскольд был христианином.

Сообщение Масуди о «многих обитаемых странах», подвластных Диру, и свидетельство Фотия о том, что Русь ещё перед походом 860 г. «подчинила своих соседей», подтверждают известия поздних русских летописей о войнах Аскольда и Дира с соседними народами и племенами, а следовательно, и о попытках наложить на них дань и распространить на их землю свою власть.

Ко временам Дира относятся первые походы русов в Закавказье.

По свидетельству Мухамеда Эль-Хасана, написавшего «Историю Табаристана» в правление Хасана, сына Зейды (864—884 гг.), русы напали на Абесгун, но в борьбе с Хасаном они были разбиты.

Об Аскольде и Дире ещё помнили в летописные времена. В Киеве показывали их могилы.

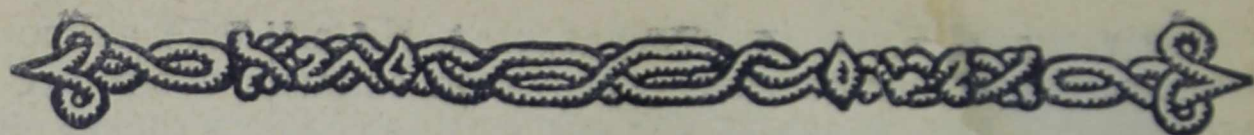
Русь Аскольда и Дира охватывает лишь область полян, Киевскую землю. Остальные племена выступают скорее в роли союзников («толковинов»), чем подданных. Но Русь уже властно выходит на международную арену. За влияние на Русь борются Запад и Восток. Византийский император и константинопольский патриарх вступают в борьбу с германским императором и римским папой, пытавшимся распространить христианство на Руси ещё в 854 г.

Но она идёт своим путём, самостоятельно решая стоящие перед ней задачи. Эта Русь ещё разделена на две части: Новгород и Киев.

Мы у порога Киевского государства. Но оно ещё не сложилось. Его возникновение — результат слияния обоих русских центров на великом водном пути «из варяг в греки» — Киева и Новгорода.

А это величайшей важности в русской истории событие летопись связывает с именем Олега.

ГЛАВА VII

ОБРАЗОВАНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Образованием Киевского государства следует считать момент полного слияния Киева и Новгорода, что произошло во времена Олега.

Древнейшее сообщение об Олеге, сохранённое так называемой Новгородской I летописью, говорит о том, что Олег был воеводой малолетнего сына Рюрика, Игоря.

Под 882 г. в летописи помещён рассказ о том, как Олег с воинами варягами, чудью, словенами, мерей, весью и кривичами спустился вниз по Днепру, взял Смоленск и Любеч, посадив там «мужь свои», и «придоша» к Киеву.

Далее следует рассказ о том, как Олег расправился с правившими в Киеве Аскольдом и Диром и, убив их, вокняжился в Киеве. Киев становится «мати градом Русским».

Направляясь из Новгорода на юг, Олег шёл по недавно только проложенному пути «из варяг в греки» и объединял в единое, хотя и примитивное, государство земли восточных славян. Тяга на юг, выражавшаяся в перенесении Олегом столицы, которую Рюрик основал в Новгороде, в Киев, объяснялась естественным стремлением к богатому югу, к пышной, великолепной, сказочно богатой Византии.

Созданное Олегом государство протянулось сравнительно узкой полосой с севера на юг вдоль великого водного пути «из варяг в греки».

Став киевским князем, он «нача города ставити», укрепляя этим свою власть и создавая себе опорные пункты, для того чтобы «княжить и володети», собирать дань, судить, управлять, «поймать» воинов для своих дружин и «боронить» рубежи Руси от «ворогов». Что же касается

«Славии», Новгорода, переставших быть землёй и резиденцией Олега, то он «устави дани Словеном, Кривичем и Мери и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 на лето, мира деля...».

Это означает, что население севера должно было согласно определённому положению («уставу») платить дань князю за охрану и защиту («мира деля»).

На юге Руси Олег принялся за объединение под своей властью славянских племён. Он брал дань с древлян, воевал с уличами и тиверцами. Летопись сообщает об освобождении Олегом северян и радимичей от уплаты дани хазарам. На освобождённых от власти хазарского кагана северян он возложил «дань легьку».

Но покорение и древлян, и радимичей, и северян было в значительной степени условным.

Повидимому, взаимоотношения между Олегом и покорёнными племенами заключались лишь в несистематическом сборе дани и в участии их воинов в войнах и походах киевского князя. Зачастую это были скорее «толковины», т. е. союзники, о чем и повествует летопись, говоря о походе Олега на Византию, нежели подданные в обычном смысле этого слова.

Так начала складываться «несообразная, нескладная, скороспелая, составленная Рюриковичами из лоскутьев» Киевская держава, «готическая Русь» (К. Маркс). Но, несмотря на все эти качества, примитивный характер объединения русских земель и племён, Киевская держава в лице её политических деятелей делала великое дело: объединяла восточное славянство в единый государственный организм, сплачивая и тем самым усиливая его, создавая условия для дальнейшего укрепления общности языка, быта, культуры, и обороняла рубежи земель русского народа, рубежи Руси. Её росту и усилению восточное славянство обязано тем, что оно освободилось на востоке от власти хазарского кагана, на западе — от владычества Польши, на северо-западе — норманнов, и его историческое развитие на ранней ступени формирования русской народности, положившей начало и великороссам, и украинцам, и белоруссам, прошло под знаком независимости, могущества и славы.

И центром Русской державы стал Киев. Именно Киев, «мати градом Русьским», а не Новгород, так как он был

Древнейшим центром этногенеза славян и центром восточнославянской культуры, с глубокими историческими традициями, уходящими в даль времён. Расположенный на пограничье лесных массивов Восточной Европы и степей, незаметно переходящих в необъятные азиатские степи, с мягким, ровным климатом, щедро одарённый всеми благами природы, с чернозёмной почвой, неиссякаемое плодородие которой породило древнее земледелие, запасами руды, прекрасными пастбищами, дремучими лесами, многоводными реками, прекрасным средством сообщения тех времён, Киев был одинаково близок и к Византии и к Востоку, магические чары, роскошь и богатство которого манили к себе «восточных варваров» (К. Маркс) и способствовали развитию торговых, политических и культурных связей Руси с цивилизованными государствами.

В отношении Византии и Востока Олег следовал традиции и шёл по пути, задолго до него проложенному.

В начале X в. Олег предпринимает поход на Византию, и исключительный успех, которого он добился, что нашло отражение в договоре Олега с Византией 911 г., объясняется тем, что Олегу удалось сплотить силы Руси и укрепить складывающуюся русскую государственность. Летопись с рядом красочных и фантастических подробностей рассказывает под 907 г. о том, как «Иде Олег на Греки», «поя множество Варяг, и Словен, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Деревлян, и Радимичи, и Поляны, и Северо, и Вятичи, и Хорваты, и Дулебы, и Тиверци, яже суть толковины», и «на конех и на кораблех прииде к Царюграду».

Византийцы вынуждены были заключить мир. «И заповеда Олег дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривен на человека, а в корабли по 40 мужь».

Далее указывается, что греки должны были платить дань на Киев, Чернигов, Переяславль, а также на Полоцк, Ростов и другие города, по которым сидели «великие князья», подвластные Олегу.

Затем летописец приводит текст договора и говорит о том, как Олег, прибыв свой щит на вратах Царьграда, везя золото, парчу, украшения, вина и фрукты, возвращается в Киев.

Договор заключали от имени Олега и подвластных ему («под рукою его») «светлых и великих князей и великих бояр» 15 послов («слов») — варягов, находившихся на службе у русского князя: Карл, Инегелд, Фарлаф и др.

Договор 911 г. предусматривал право посещения Константинополя и пребывания там послами Руси, гостями и простыми воинами, причём гости при этом предъявляли серебряные печати, послы — золотые печати русского князя. Рядовые «рос» — русские воины, и прежде всего варяги, направлялись в Царьград, для того чтобы поступить на службу к императору, чему Олег не препятствовал, стараясь избавиться от беспокойных и своевольных викингов. Всем им русский князь был обязан запретить «творить пакости в селах и стране нашей», т. е. в Византии.

Послы получают от императора содержание, ими сами избираемое. Гости, приезжающие не только для продажи, но и для купли, получают «месячину», состоящую из хлеба, мяса, фруктов и вина; гости же, приезжающие только для продажи, месячины не получают. Послам и гостям Руси отводился для проживания монастырь святого Мамонта в предместье Константинополя, где специальные лица вели учёт выдачи посольского содержания и «месячины». Первое место отводится киевлянам, затем черниговцам и переяславцам, а потом уже жителям других городов. Русские добились беспошлинной торговли. Но буйная русская вольница должна была проходить на рынки Константинополя в определённые ворота, не более 50 человек сразу, без оружия и в сопровождении византийского чиновника. Отправляясь обратно на Русь, послы и гости получали на дорогу провизию и корабельные снасти. Всякий русский воин, если пожелает, мог оставаться в Византии и служить в императорском войске. В случае каких-либо столкновений между греками и Русью все вопросы личного и имущественного характера разрешались, исходя из норм «закона русского». Указывались также взаимные обязательства Руси и Византии по отношению к потерпевшим кораблекрушение русским и грекам и по отношению к бежавшей челяди.

Договор Руси и Византии 911 г. включает в себе упоминание о том, что он — не первый, ибо он называет себя «удержанием» и «извещением» — «от многих лет межи

христианы и Русью бывшую любовь», намекая на договоры Руси с греками IX в.

Такой договор, как договор 911 г., мог быть заключён только победоносной Русью, так как всем своим содержанием он говорит о том, что Олег продиктовал «позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира» (К. Маркс).

Договор Олега с Византией свидетельствует о том, что это — юридическое оформление длительных связей — связей старинных, сложных и живых — цивилизованного, ещё могущественного, но уже дряхлеющего государства с юной, сильной, воинственной, стремящейся к непрерывному расширению державой, мечом прокладывающей себе путь в ряды сильнейших и влиятельнейших государств мира.

Русь — уже держава, варварская, «готическая» держава, во главе которой — Олег, а по городам и землям сидят «под рукой его» князья и бояре, его «подданные» и «толковины»: русские, чудь, меря, весь, варяги. Связь между отдельными землями и Киевом непрочна и покоится на силе меча. Знаменательно и то, что в договоре 911 г. уже проступают контуры Руси в собственном смысле этого слова. «Русь» — это прежде всего Киев, Чернигов, Переяславль, так как эти города помещены первыми в списке «городов», на которые Олег берёт с Византии «уклады», а многие считают, что в первоначальном тексте читались только эти три города. «Русь», таким образом, совпадает со средним Приднепровьем.

Крепнут связи Руси с Византией. Русские воины на службе у византийского императора играют большую роль в военных действиях греческих войск.

В 902 г. русский отряд в 700 человек сражался на острове Крите с арабами, в 917 г. русские воины помогали императору в войне с царём болгарским Симеоном, в 936 г. сражались бок о бок с греками в Италии против лангобардов, в 949 г. русские ладьи в составе византийской флотилии ходили снова на остров Крит.

Всё это говорит о растущих русско-византийских связях. В это же время развёртывается яркая и красочная эпопея походов русских на Восток.

В 909 г. «русы» на 16 судах прибыли в Абесгун, взяли город, а затем заняли Макале (Миан-Кале в Астрабад-

ском заливе). В следующем году русские совершили нападение на Сари, Дайлем и Гилян на побережье Каспийского моря.

В 913 г. руссы с разрешения хазарского кагана проникли вновь в Каспийское море и взяли Джиль, Дайлем, Абесгун, Нефтяную Землю (Баку) и другие города Табаристана и Азербайджана.

На обратном пути они вступили в жестокую борьбу с мусульманами Хазарии, мстившими за поход русских на мусульманские города Закавказья.

Недавно открытый древнееврейский источник говорит ещё о походе «Хельгу, царя Руси», в котором нетрудно усмотреть Олега, на хазарские владения на Тамани и в Крыму.

Во времена летописца память об Олеге обросла уже дымкой сказаний, многое стало легендой, обо многом забыли... Тем не менее память о «вещем» Олеге русский народ сохранил навсегда.

Его деятельность отразилась в чудесных былинах о Вольге Святославиче, в сказаниях о гибели «вещего» Олега «за морем» от укуса змеи, выползшей из черепа верного коня, сказаниях, отразившихся в скандинавских сагах.

В честь Олега было насыпано несколько «могил», т. е. памятников-холмов. Могилы Олега показывали в разных местах: две в Киеве, в Ладоге.

Представление об Олеге как о «вещем» князе, обстоятельства смерти которого народная память облекла в красивую, бессмертную легенду, обусловлено было той ролью, которую сыграл «вещий» князь земли русской Олег в складывании древнерусского государства, ибо с его деятельностью связана одна из наиболее ярких страниц «героического периода» в истории русского народа — складывание русской государственности от Ладоги, Невы и побережья Финского залива до «гор Киевских», время победоносных походов на юг и восток, дипломатических актов, свидетельствующих о славе, сопутствующей русскому оружию.

Смерть Олега обычно датируют 912 г. Этот год считают и годом начала княжения Игоря.

Перед ним, как и перед Олегом, стояла задача объединения земель восточных славян.

Подчинение Олегом некоторых племён было непрочным, и отпавших после его смерти древлян пришлось снова покорять Игорю, причём Игорь возложил на них дань «болши Олгови».

Затем Игорь распространяет свою власть и на уличей. Главный город уличей, Пересечен, выдержавший, по преданию, трёхлетнюю осаду, был взят дружинами Игоря, и земли уличей вошли в состав Киевского государства.

Дань с покорённых земель уличей и древлян Игорь отдаёт своему воеводе Свенельду. Такое «пожалование» было обусловлено тем, что сама по себе земля ещё ничего не стоила, ибо это был ещё «дофеодальный период, когда крестьяне ещё не были закрепощены», а следовательно, феодальные отношения, определяющие высокую ценность земли вместе с сидящим на ней подвластным и эксплуатируемым населением, только складывались. Ценность представляла не земля, а дань, которую можно было с неё получить, вернее, с населявших её общинников.

Эту систему К. Маркс называл «вассалитетом без ленов, или ленами, состоящими только из даней».

Свенельд был одним из тех «великих бояр», которые, находясь «под рукой» киевского князя, всё же сохраняли известную независимость и, богатые и знатные, окружённые своими дружинами-«отроками», будучи воеводами князя, выступали в то же самое время полусамостоятельными правителями.

Получивший в своё распоряжение огромные земли, богатый, сильный, влиятельный, служивший Игорю, его сыну Святославу и внуку Ярополку, Свенельд был вторым после самого князя Игоря во всей земле Русской.

В 941 г. Игорь предпринимает поход на Византию. Кроме нашей летописи, о походе Игоря сообщают Симеон Логофет, «Житие Василия Нового», Лиутпранд, Масуди, Лев Диакон.

Сопоставляя и сверяя сведения, сообщаемые об этом походе Игоря различными источниками, мы можем нарисовать такую картину этого похода Руси, когда Игорь, «презревши клятву, с великим ополчением» подошёл к Царьграду (Лев Диакон). Поход был предпринят морем, в ладьях. Русские сражались на море и на суше у стен Константинополя, у берегов Вифинии, Пафлагонии и Фра-

нии, бились отважно, но греки превосходили числом, в их распоряжении имелся горевший в воде «греческий огонь». Русские потерпели поражение. Остатки русской флотилии повернули на север.

Но неудача 941 г. не смутила Игоря. Собрав огромное войско «в ладьях и на конях», воспользовавшись ослаблением Византии в борьбе с арабами и болгарами, в 944 г. Игорь двинулся на Византию, угрожая ей с суши и моря.

Устрашённый император Роман выслал к Дунаю послов, которые предложили Игорю попрежнему брать с Византии дань, «юже имал Олег», и заключить договор. Договор был заключён, и, взяв у греков «злато и паволоки ... на вся вой», Игорь повернул обратно. Договором 944 г., окончательно оформленным послами императора уже в Киеве, русско-византийские отношения были восстановлены.

Игорь добился того, из-за чего он шёл войной на Византию, — гордый Царьград должен был возобновить нарушенное им соглашение с Русью.

В летописи мы находим красочный рассказ о том, как русские в Киеве скрепляли клятвой договор с Византией. Это происходило в самом конце 944 г. При первой же встрече с Игорём послы императора объявили русскому князю, что император уже присягнул, и потребовали, в свою очередь, присяги от Руси. Наутро стали сходить русские «мужи». Явился и Игорь с послами императора и занял своё место на холме, где стоял идол Перуна. Язычники-русские, подходя к холму, снимали с себя и клали на землю оружие: обнажённые мечи, щиты и другое оружие, сбрасывали с себя обручи и украшения и клялись Перуном свято блюсти договор с греками. Многочисленные христиане-русские шли присягать в соборную церковь святого Ильи. Когда церемония была окончена, Игорь одарил послов мехами, воском и челядью и отпустил их в Византию. Так возобновились связи между Киевом и Константинополем.

Русь не была принижена неудачей 941 г. и добилась договора 944 г. без борьбы, но поражение Игоря не могло не сказаться на тексте византийско-русского соглашения. Договор 944 г. был объявлен как обновление договора 911 г., но он содержал в себе ряд статей, менее

выгодных для Руси, чем аналогичные статьи договора 911 г.

Кроме того, Игорь обязывался не пускать чёрных болгар «воевать» византийские владения в «стране Корсунской», т. е. в Крыму.

Это свидетельствовало о том, что власть киевского князя распространилась на Северный Кавказ (Тамань) и восточную часть Крыма.

Повидимому, это произошло тогда, когда в 941 г. русские ладьи, возвращаясь на Русь после неудачного похода, обосновались на Тамани и положили начало русскому Тмутараканскому княжеству.

Отсюда, в 944 г., русские дружины, присоединив по дороге отряды «алан и лезгов» (лезгин), сушей двинулись на восток, к Каспию.

Об этом походе говорят Ибн-Мискавейх, Якут, Абу-Феда, Григорий Бар-Эбрей, Ибн-аль-Асир, Моисей Каганкатвацци и Низами. В августе 944 г. руссы были уже на Каспии и вскоре дошли до реки Куры. Здесь, у Мубареки, остановился русский флот. Затем русы поднялись вверх по течению Куры, зашли в приток и внезапно появились перед крупнейшим и богатейшим городом Азербайджана Бердаа. После часовой схватки с врагом руссы, преследуя неприятеля по пятам, ворвались в Бердаа и завладели им.

Вступив в город, русы немедленно объявили горожанам, что жизнь их будет пощажена. Русы заявили населению, чтобы все спокойно оставались в своих домах и занимались своим делом, что у них нет разногласий в вере и единственное, чего они желают — это власти. Обязанность жителей Бердаа подчиняться им, а обязанность их, русов, хорошо относиться к покорённым гражданам. Ибн-аль-Асир сообщает: «Они сдержали свое слово, и, должно отдать им справедливость, они вели себя выдержанно».

Это — не поход, ставивший своей целью только грабёж и захват военной добычи. Русские завоёвывали территорию, устанавливали свою власть, стремились к восстановлению порядка и нормальной жизни.

Русы распространились по Закавказью. Всюду бродили их отряды, покоряя окрестное население. Власть их укреплялась. Но скоро их постигло несчастье. «Излишнее

употребление плодов произвело между ними заразительную болезнь», — сообщает Ибн-аль-Асир.

Под натиском противника русы были вынуждены отступить в цитадель Бердаа, в Шахристан, где эпидемия стала свирепствовать ещё больше. Увидев, что держаться дальше невозможно, русы покинули Шахристан, вышли к Куре, где стояли наготове их суда, и ушли на них в море.

Все источники единодушно отмечают храбрость русов. Русы не сдавались и предпочитали смерть плену. Они не отступали даже тогда, когда враг явно превосходил их числом. Ибн-Мискавейх сообщает, что однажды целая толпа мусульманских воинов напала на пять русов, проникших в один из садов Бердаа. Ни один из русов не хотел сдаваться, и все они погибли в неравной схватке. Последний оставшийся в живых молодой рус, сын одного из начальников, не желая попасть в руки врага и видя, что сопротивление невозможно, заколол себя кинжалом.

Отступление русов из Бердаа произошло уже в конце лета 945 г. Никто не решался ни задерживать, ни догонять русских, и они с большой добычей ушли на Каспий.

На этом кончаются походы русских дружин в княжение Игоря.

Договор 944 г. называет Игоря, которого современник Ярослава Мудрого митрополит Илларион именует «Старым», главой большой княжеской семьи. Перечисляются и лица, принадлежащие к княжеской семье. Игорь оказывается одним из трёх братьев. От семьи старшего брата Игоря к 944 г. оставался племянник Игоря, тоже Игорь, имевший уже двоих детей — Володислава и Предславу (Передславу). Затем упоминаются вдова другого племянника Игоря — Улеба (Глеба) — Сфандра с тремя детьми (Турьд, Арфаст, Сфирька) и сын младшего брата Игоря, его племянник Акун.

Из имён членов семьи Игоря видно, что династия киевских князей — норманского происхождения, но уже в значительной степени славянизированная. Мать Игоря была, очевидно, славянка, так как сын Игоря носит славянское имя Святослав, и в описании его наружности, данном Львом Диаконом, мы не видим ни одной норманской черты. На славянке был женат и старший племянник Игоря, дети которого носят славянские имена. Сла-

вянское имя Улеб носил и племянник Игоря. Игорь говорил по-славянски — договоры переводили на русский язык.

Игорь родом из Новгорода. Об этом говорит и то, что сын его, Святослав, сидел в Новгороде, и то, что жена, Ольга, родом из Пскова.

Норманский элемент ослабевает, растворяется в русской среде.

Среди «слов» (послов) Игоря Воист, Войк, Вузлеб, Олеб — славяне, Ятвяг — литовец, Алдан, Адул — тюрки.

Норманны-варяги ещё приезжают на Русь из своей далёкой Скандинавии, торгуют в Гардарик, служат киевскому князю, ездят его «слами» и «гостями» в Царьград. Но не они определяли собой внутреннюю государственную жизнь Руси. К этому времени сложилось уже местное управление, находившееся в руках русских, славянских элементов. Во многих местах ещё оставались племенные княжения и племенные князьки, но на территории, вошедшей прочно в состав «империи Рюриковичей» (К. Маркс), уже существовало крепкое управление, созданное ослабянвившейся династией и тесно с ней связанное и распространившееся полосой по Днепру, Ловати, Ильмену, Волхову и Десне, по землям, составлявшим, в подлинном смысле слова, Киевское государство времён Игоря.

Для сбора дани и управления землями и городами, для выполнения судебных функций и «нарубания» (собирания) воев, т. е., короче говоря, для управления Русью, у князя существовали и несли ему верную службу всякого рода «мужи» — управители, набираемые из княжьей дружины и местных «лучших мужей». В эту группу, быстро славянизируясь, вливались и «находници»-варяги, оставлявшие своё ремесло наёмного воина и купца и становившиеся уже русскими и по языку, и по культуре, и по направленности своей деятельности, боярами и гридинами, «мужами» великого князя, такого же русского, как и окружающие его бояре, и только в своём имени и в своих родственных связях носящего ещё память о скандинавском происхождении своих предков.

Варяги-наёмники — лишь наносный слой. Они не пустили и не могли пустить глубокие корни в почву древней Руси. Выражавшая интересы Руси и славянизированной

вавшаяся династия, окружённая славянской знатью, опирающаяся на дружину и «мужей» славянского, в первую очередь, финского, литовского и тюркского происхождения, династия, которая всей своей деятельностью подчёркивала русскую, а не скандинавскую свою природу, хотя и норманская по происхождению, искала и находила опору в местных, а не варяжских правящих элементах и, укрепляя свою власть, способствовала укреплению русского начала и ослаблению норманнов, усиливала местную верхушку и создавала своё, княжое управление, которое не давало возможности толпам скандинавов, устремлявшихся в Гардарик, завоевать землю Русскую, как это имело место с государствами и землями в Западной Европе, и участвовать в управлении страной.

Династия Рюриковичей потому удержалась на Руси и стала правящей во всей земле Русской, что быстро слилась с русской, славянской правящей верхушкой, восприняла её язык, культуру, нравы, обычаи, религию, стала русской в полном смысле этого слова, отражала интересы «всякого княжья», бояр и «людей всех Русьстих», «боронила» рубежи Руси, устанавливала «законы русские», вела войны в интересах Руси, создавала государственность восточного славянства, в среде верхушки которого она растворилась, потеряв свои скандинавские черты. «Сами вожди, — говорит К. Маркс, — весьма быстро смешались со славянами, что видно из их браков и их имен».

Осенью 945 г. Игорь с дружиной отправился в землю древлян по дань. Здесь хозяйничали «отроки» Свенельда, собирая дань в таком размере, что «изоделися... оружием и порты» (одеждой), чем и вызвали зависть дружинников Игоря.

Кроме того, древляне должны были платить дань и своим «князьям», одного из которых, Мала, летописец знает по имени.

Игорь собрал дань, но ему показалась она малой, и он снова вернулся в «Дерева».

Древляне восстали и убили Игоря. Лев Диакон рассказывает подробности его гибели: «он привязан был к двум деревьям и разорван на две части». Во времена летописца могилу Игоря показывали в древлянской земле, близ города Искоростеня.

Преемником Игоря стал его единственный сын Святослав, родившийся в 942 г.

Первые годы его прошли в Новгороде, но после смерти отца Святослав переходит в Киев. Так как Святослав был мал («детеск»), Русью правила его мать Ольга, вдова Игоря.

Ольга, как и Олег, вошла в народные сказания киевских времён как «вещая», «мудрая» («и бе мудра и смыслена») княгиня, чья деятельность оставила глубокий след в жизни древней Руси.

Позднейшая легенда (XVI в.) передаёт сказание о том, как однажды Игорь охотился в лесах у Пскова. Догоняя какого-то зверя, он встретил на своём пути реку и, увидев стоящий у берега чёлн, попросил перевезти его. Перевозчиком, сидевшим в челне, оказалась Ольга, крестьянская девушка. Ольга произвела большое впечатление на Игоря, и он «некие глаголы глумлением претворяше к ней», но, получив отпор на свои «студная словеса», поражённый её умом, решил посвататься к ней. Бесхитрое народное повествование, делая Ольгу крестьянской девушкой, верно отразило представление о ней, сохранившееся в народе: Ольга умна, умеет постоять за себя, умеет ответить на любые «студные словеса».

Летописная традиция называет Ольгу псковитянкой, «от Пскова», повидимому, дочерью псковского князя. В Киеве о ней складывались сказания, пелись песни, отразившиеся в Повести временных лет, о её деятельности хорошо помнили ещё во времена летописца, показывали вещи, ей принадлежавшие, помнили и о том, каким был Киев времён Ольги.

В этих песнях, послуживших летописцу материалом для его повествования, отразилась горечь обиды, которую причинил ей Константин Багрянородный во время поездки в Константинополь, заставив её, княгиню Руси, «игемона и архонтиссу руссов», ожидать приёма в Суде.

Кружево народных сказаний о «вещей» княгине Ольге, первой княгине-христианке, продолжало ткаться и позднее и в народе и среди «книжных» людей Киевской Руси, всё более и более переплетаясь с народными и книжными припоминаниями о «вещем Олеге».

И не случайно в памяти народной так прочно сохра-

нился образ «мудрой» Ольги, княгини-правительницы, деятельной, гордой и «вещей».

Повесть временных лет вспоминает о Киеве времени Ольги. Тогда ещё не был заселён Подол, на территории города XI—XII вв. ещё лежали загородные княжеские дворы и располагались «перевесища» (охотничьи угодья).

Летописец настолько хорошо представлял себе Киев времён «мудрой» княгини, что мог точно наметить его границы, районы, важнейшие здания («терем камен»). В этом «древлем» Киеве жила, правила за своего малолетнего сына Святослава Ольга, княгиня русская. Её помощниками выступают «кормилец» Святослава Асмуд и воевода Свенельд.

Начала Ольга свою деятельность с мести древлянам за смерть своего мужа и с покорения Древлянской земли. Длительная борьба Киева с древлянами, вылившаяся в конце концов в убийство киевского князя, не могла не заставить киевскую дружинную верхушку взяться за окончательное подчинение упорно сопротивляющихся древлян.

В летописном рассказе о мести Ольги, рассказе, полном легендарных мотивов, эпических сюжетов и фантастических подробностей, мы встречаем указание о том, что расправа с «малой» дружиной киевского князя и с ним самим дала возможность древлянским «лучшим мужам», «иже дерьжаху Деревьску землю», перейти в наступление на Киев. В этой связи и стоят, обычно признаваемые легендарными, сватовство древлянского князя Мала к Ольге, прибытие Днепром, в ладьях, посольства древлянских «лучших мужей» в Киев, где они остановились у Боричева, что дало повод летописцу рассказать о Киеве времён Ольги, переговоры Ольги с ними, умерщвление послов, закопанных в ладьях живыми в землю, и т. д. Далее повествуется о том, как Ольга сожгла заживо вторую группу послов, древлянских «лучших мужей», а затем отправилась «створить тризну мужю своему» в древлянскую землю, и там её «отроки» напали на ничего не подозревавших перепившихся древлян, убеждённых в том, что Ольга явилась к ним только для того, чтобы справить тризну по Игорю, и перебили их множество.

Пусть этот рассказ летописца остаётся легендой, но в нём есть несомненные черты исторической действитель-

ности. Таким же историческим фактом, но только расцвеченным эпической фантазией, был и поход Ольги в «Дерева» с целью подавить сопротивление древлян и подчинить их Киеву.

Это историческое событие во времена летописца обросло легендарными подробностями.

946 г. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои многи и храбры, и иде на Дервьску землю».

Вскоре противники сошлись. Маленький Святослав метнул копьё, но оно, пролетев у коня между ушами, тут же, у копыт, зарылось в землю.

«И рече Свенельд и Асмуд»: «Князь уже почал, потягнете, дружина, по князе».

Древляне были разбиты и бежали, «затворишася в градах своих». Далее рассказывается об осаде Ольгой Искоростеня, о сожжении города, о том, как Ольга, взяв горящий Искоростень, «старейшины же града изънима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань».

Рассказ о сожжении Искоростеня Ольгой, пустившей на город тучу воробьёв и голубей с горящей смолой, эпичен, и этот же мотив встречается в рассказах армянского историка Асохика о Ибн-Хосрове, в сказаниях о Самсоне, Александре Македонском, Гаральде и т. д.

Несомненным результатом похода Ольги на древлян являются окончательная ликвидация независимости «Дерев», истребление их князей и многих «лучших мужей» и «старейшин», «иже дерьжаху Деревьску землю», уничтожение племенного княжения в древлянской земле и освоение киевским князем «Дерев».

«И възложи на ня дань тяжку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользе; бе бо Вышгород град Вользин».

В связи с борьбой Ольги с древлянами стоит её государственная деятельность.

С целью упорядочения сбора дани, которое дало бы возможность, не уменьшая княжеских доходов, предупредить и разорение «людей», платящих дань, и их борьбу с князем, Ольга и проводит свою административно-финансовую реформу. Прежде всего она коснулась Деревской земли: «И иде Вольга по Деревьстей земли с сыном

своим и с дружиною, уставляючи уставы и уроки; и суть становища её и ловища».

Вполне понятно, почему Ольга начинает свою кипучую деятельность, направленную к упорядочению сбора дани и к укреплению княжеской власти с земли древлян. Но какой характер носила эта деятельность?

Вместо дани, взимаемой неопределённое количество раз и в неопределённых размерах, Ольга устанавливает определённый размер дани, «уроки», и именно «уставляет», т. е. вводит определённый порядок сбора дани, зафиксированный и твёрдо проводимый княжеской властью, вернее, княжими «мужами», специально на то уполномоченными, которые в следующем, XI, веке выступают в источниках под названием данщиков. Теперь князья — не «восхищая и грабяху», а «имают» дань, причём население знает — когда, сколько и чего потребуют от него «мужи». И от этого княжая «скотница», надо полагать, не только не оскудевает, но, наоборот, обогащается, да и сами «сельские люди» — данники выигрывают, ибо князь, «уставив» дани и «уроки», даёт им возможность как-то ориентироваться в требованиях с его стороны, что при системе, которой придерживался Игорь в «Деревах», вернее, при бессистемности, сделать было невозможно.

Реформа Ольги коснулась не только Древлянской земли, но была проведена по всей территории древней Руси.

Вернувшись в Киев из своего похода с военными и административно-финансовыми целями в «Дерева», Ольга остаётся там недолго и, «пребывши лето едино», отправляется, с целью распространения своей княжеской администрации и новых форм организации взимания поборов с населения, на север и северо-запад.

В 947 г. «Иде Вольга Новугоруду, и уставы по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и погосты, и сани ея стоять в Плескове и до сего дне, и по Днепру перевесища и по Десне, и есть село ея Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися к сыну своему Киеву...». Древнее «Проложное житие» Ольги указывает, что она «обходяще всю Руськую землю, дани и уроки льгкы уставляючи». Таким образом, реформа Ольги распространилась на всю территорию Киевского государства, охватив Приднепровье, Подесенье и Новгородскую область.

«Уставляя» землю, Ольга вводила погосты. Погосты из селищ и мест для торговли, «гостьбы», превращаются в административные центры, центры княжеского финансового управления. Понятно, почему именно погосты Ольга делает ячейками своего княжеского управления. Это были места, объединяющие население целого района, где оно торговало и общалось друг с другом. Здесь и следовало основывать княжеские опорные пункты, дабы использовать исторически сложившиеся условия, в результате которых погост явился объединяющим центром всех тянувших к нему поселений данников, где сходились нити экономических связей, соединяющих отдельные пункты данного района.

В погостах постоянно проживали княжеские «мужи», систематически собиравшие дань, «творившие» именем князя, на основе обычного права, «закона русского», суд и расправу и взимавшие судебные пошлины.

Одновременно Ольга расширяет и укрепляет свою княжескую земельную собственность.

Всюду, по Деревской земле, по Днепру и Десне, по Мсте и Луге — её «ловища» и «перевесища», всюду — её «знаменья», которыми она отмечала свою собственность на земли и угодья, всюду — княжеские «становища» и «места», где сосредоточивается её княжеская администрация, слуги и челядь, куда свозят всё, добываемое на нивах и в угодьях. Эти «места» и «становища», являясь центрами возникающего княжеского домена, его угодьями, в то же самое время выступают в качестве административных центров. Пока в «местах» и «становищах» живут княжеские люди, и они выступают одновременно и как княжеская государственная и как княжеская вотчинная администрация. Появляются и княжеские села, как Ольжичи. И их было, повидимому, не так уж мало.

В тех местах, где княгиня освоила землю, как вообще осваивали в те времена, т. е. там, где она развернула своё хозяйство, там дань перерастает в ренту, и это явление, всё расширяясь, становится обычным явлением впоследствии и вместе с развитием феодализма вширь и вглубь распространяется на всё новые и новые районы Руси.

Деятельность Ольги укрепила финансовую базу княжеской власти, усилила княжескую администрацию, расширила и укрепила непосредственно княжеский домен, а всё

это в совокупности не могло не способствовать развитию и росту государственности древней Руси.

Проведённое Ольгой упорядочение сбора дани, улучшение и укрепление княжеской администрации, ликвидация самостоятельности племенной знати способствовали большому сплочению отдельных земель Руси, «лоскутьев» «империи Рюриковичей», по выражению Маркса, и росту могущества и влияния киевского князя.

Мероприятия, проведённые Ольгой, способствовали, с одной стороны, дальнейшему объединению восточнославянских земель под властью киевского князя, с другой — новым успехам русского оружия в войне с противником и повышению удельного веса Руси в международных отношениях.

Ольга, пожалуй, первая поняла, что обусловленная прогрессом Руси созданная ею новая система управления и новые методы обогащения княжеской казны, идущие по линии развития княжеского вотчинного хозяйства, нуждаются в иной форме идеологии, и так как господствующей формой идеологии в те времена была религия, то нам становится понятным и другой важный момент в её жизни — принятие христианства. Не мечом, а «мудростью» старалась «вещая» Ольга проложить Руси путь в ряды христианских государств Европы.

Принятие Ольгой христианства, поездка её в Константинополь, так же как и многое другое в жизни Ольги, обросли легендой.

Сверяя и сличая византийские источники (Скилица-Кедрин, Зонара, Константин Багрянородный), западноевропейские хроники («Продолжатель Регинона», Отенбургская, Кведлинбургская, Гильденсгаймская и др.) и русские «жития» и «похвалы» («Память и похвала» Иакова Мниха, «Обычное» и «Проложное житие» Владимира, «Проложное житие» Ольги), мы приходим к следующему выводу.

Ольга приняла христианство ещё до поездки в Константинополь, т. е. до 957 г., и, судя по «Памяти и похвале» Иакова Мниха, крещение Ольги относится к 954 г. Во всяком случае, когда она прибыла в Царьград, в составе её свиты был священник Григорий.

Следовательно, Ольга приняла крещение у себя на родине, на Днепре, в Киеве. Учитывая давнее распростра-

нение в Киеве христианства, в крещении русской княгини нельзя усмотреть нечто из ряда вон выдающееся.

Но интересно отметить, что император Константин Багрянородный, принимавший русскую княгиню, уже бывшую христианкой, не считал её таковой.

В своём сочинении «О церемониях» он именует её так, как именовали языческих государей, ни слова не говорит о её христианстве, не знает и её христианского имени — Елена.

Это объясняется тем, что Византия не признавала христианства русской княгини, так как она приняла его не из рук византийского священника, и, к тому же, крещение Ольги не входило в расчёты византийского императора.

Какую цель преследовала Ольга, направляясь в Царьград?

Целью её поездки едва ли было только официальное принятие христианства, как об этом сообщает наша летопись. Повидимому, речь шла об изменении в пользу Руси условий торговли с Византией, предусмотренных договором Игоря 944 г., неблагоприятным для русских купцов. Не случайно в составе посольства Ольги упоминаются 42 купца, что, быть может, является указанием также и на то, что для своей поездки в столицу империи русская княгиня использовала обычный торговый караван, направлявшийся из Киева в Византию.

Помимо этой цели посольство Ольги преследовало и другие задачи, а именно — заключение и какого-то соглашения с Византией, причём, повидимому, Русь обязывалась давать «вои в помощь», а Византия должна была учредить христианскую церковь на Руси и тем самым ввести её в круг государств, составлявших тогдашний европейский христианский мир. Таким образом, поездка Ольги носила дипломатический характер. Судя по тому, как Ольга расценивала приём Константином Багрянородным, она ожидала в Константинополе иной, более радушной встречи и иных, более эффективных для Руси и для себя результатов поездки в Царьград.

Приехав в Царьград летом 957 г., Ольга долго не могла добиться аудиенции у императора и поджидала в Суде. Только 9 сентября Константин Багрянородный первый раз принял «игемона и архонтиссу Руси».

Это ожидание, оскорбительное для Ольги, нашло отражение в народной легенде, положенной в основу рассказа летописца о поездке Ольги в Византию. Народное предание, правда, говорит о том, что Ольга «переключала» (перехитрила) императора, но оно не скрывает горечь её обиды и вкладывает в её уста фразу, которой она ответила императору на его просьбу прислать «вои в помощь»: «пожди, настоишься ты у меня на Почайне, как стояла я в Суде».

Константин Багрянородный дважды с почётом принимал Ольгу у себя во дворце — 9 сентября и 18 октября. Сопровождавшие её послы, приближённые люди, купцы, знатные женщины и сама Ольга были одарены. В их честь устраивались торжественные приёмы и обеды. И тем не менее миссия Ольги была неудачна.

Ольга вернулась в Киев.

Прошло немного времени, и в 959 г. её послы явились к королю (впоследствии императору) Оттону I и «просили посвятить... епископа и священников». И в 961 г. на Русь поехал епископ Адальберт. Но его миссия ни к чему не привела. Адальберт вернулся в Германию, «ибо не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел, что все его старания тщетны».

Чем же вызвано посольство Ольги к Оттону? Нет никакого сомнения, что «мудрая» Ольга, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, понимала, что перед Русью встал вопрос о том, как и с кем в союзе войти в круг могущественных христианских держав Европы. Это можно было сделать, только вступив в союз с кем-либо из императоров: или с императором Священной Римской империи или с императором Восточно-Римской империи. Перед Русью уже тогда встала альтернатива: с кем идти — с Западом или с Востоком. Весь христианский мир был объединён в две империи — Западную и Восточную. Приобщиться к цивилизации, войти в круг европейских государств означало прежде всего приобщиться к христианской церкви, которая ещё не успела окончательно разделиться на западную — католическую и восточную — греческую, православную. И, не получив от Византии того, что она ожидала, ни по линии политического союза и дипломатических связей, ни по линии создания на Руси сколько-нибудь самостоятельной церковной организации, митрополии

или хотя бы архиепископии, усмотрев в приёме, оказанном Константином Багрянородным, явное третирование и пренебрежительное к себе отношение, увидев, что Византия не собирается помочь Руси в деле укрепления путём христианизации её международного положения, Ольга обращается к Оттону.

Посольство русской княгини к императору Оттону I, в те времена ещё могущественному королю, преследовало также определённые политические цели. Но Оттон, рьяно насаждавший христианство, решил воспользоваться посольством «Елены, королевы Руси», для того, чтобы таким путём, используя церковь как орудие своей политики, вовлечь Русь в орбиту влияния Запада. Быть может, этому способствовали и неосторожные речи послов Ольги. Во всяком случае, когда Адальберт прибыл на Русь, выяснилось, что его, собственно, никто не просил, так как, во-первых, к 961 г. натянутые отношения между Русью и Византией уступили своё место нормальным связям, и Роман II просил у Ольги помощи для организации похода на Крит. Эта помощь была ему оказана, и русский отряд выступил вместе с византийским войском. Во-вторых, епископия Ольгу не устраивала и, наконец, в-третьих, вряд ли языческая Русь, очень слабо связанная ещё в те времена с Западом, позволила бы таким путём посягнуть на её независимость хотя бы в самой завуалированной форме. И Адальберт вернулся ни с чем. Иначе и быть не могло, так как Ольга ставила своей целью не только насаждение христианства на Руси Западной или Восточной империей, но и, прежде всего, установление определённых политических взаимоотношений между ними и Русью. Одно без другого не мыслилось. Но вот этих-то связей, обуславливающих укрепление международного положения на Руси, ей не удалось установить ни с Византией, ни с германским императором.

Умелая политика Ольги, «мудрость» её дали ей возможность быстро распознать намерения обоих императоров и отказаться от неосторожного шага, который мог губительно отразиться на неокрепшей ещё Руси и способствовать потере ею своей самостоятельности. Она отказалась от навязываемых ими условий. Вот почему вопрос о христианстве и союзе с Западом или Востоком при Ольге не был разрешён, и христианство осталось

«Богатыри». С картины *В. Васнецова*

«Тризна воинов Святослава перед последним боем под Доростолом». С картины Г. Семирадского
(к стр. 208)

частным делом русской княгини, к которому она не могла приобщить даже своего сына Святослава. Сказалось и то, что сама Русь не была ещё в достаточной степени подготовлена к тому перевороту в идеологии, который был связан с принятием новой религии.

Вот почему во времена княгини-христианки в Киеве «аще кто хотяше креститися, не браняху, но ругахася тому».

Долгое время, до 964 г., Ольга была регентом, так как Святослав «бе бо детеск».

Княжение Святослава — это последний взмах меча, создавшего основу Киевского государства.

Недолгое, продолжавшееся менее десяти лет, княжение Святослава наполнено шумом битв. Русские дружины прошли от Оки до Кавказа и от Волги до Адрианополя, вписав славную страницу в великую книгу истории русского народа.

Венчанное победой и славой овеянное русское оружие проложило Руси дорогу на восток и на юг и в бесчисленных битвах вселило в «ворогов» Руси убеждение в её могуществе и монолитности.

Немногими, но выразительными словами, яркими красками рисует летопись времена Святослава и самого русского князя, запечатлевшего в веках свой образ мужественного русского воина.

Святослав — князь-воин, вождь многочисленного и храброго воинства, дружинный князь, сын своего века и своего народа, олицетворение «славного варварства», героического, дружинного периода в истории русского народа. Он — князь времён «военной демократии», превыше всего ставящий свою дружину, сам первый дружинник и воин земли русской, ничем ни в быту, ни в привычках, ни в одежде не отличающийся от своей «братье» — дружинников.

Недаром летописец создаёт свой незабываемый образ Святослава; недаром чувством любви и восхищения к этому князю, воплощающему в себе все лучшие черты русских «воев» далёкой поры «старых» князей, проникнуты строки летописного повествования; недаром песни дружинников Святослава о «тропе Траяновой», у подножья которой сверкал русский меч, распевались ещё Баяном, «соловьём старого времени», и навеки были со-

хранены для далёких потомков русских воинов князя-дружинника автором «Слова о полку Игореве» в его чудесном произведении.

И недаром в народных поговорках, в словах и фразах нашего времени, характеризующих мужество и храбрость русских, до сих пор ещё живет Святослав, до сих пор ещё звучат его бессмертные слова: «Иду на вы», «Ляжем костями, но не посраим земли Русской».

Деятельность Святослава развёртывается с 964 г., когда он «възрасъшу и възмужавшу, нача вои совокупляти многи и храбры».

Взоры Святослава были обращены на Восток. Здесь лежали земли хазарского кагана, которому ещё были подвластны вятичи. Вятичи и до Святослава были связаны с Киевом и не раз из дремучих вятичских лесов к Киеву шли «вои», для того чтобы принять участие в походах русских князей. Но они, уже включённые в орбиту влияния Киева, ещё оставались данниками хазарского кагана и не участвовали в создании древнерусской государственности.

Поход Святослава на Хазарию преследовал своей целью разгром восточного соседа Руси, враждебного ей и по-прежнему, что вытекает из письма хазарского царя Иосифа Хасдаи-ибн-Шафруту, претендовавшего на славянские земли, уже давно включённые в состав Киевского государства. Хазария становилась барьером, преграждающим Руси путь на Восток, враждебной силой, пытающейся приостановить процесс объединения русских племён под властью киевского князя, затормозить рост русской государственности и отрезать Русь от Волги, Дона и Кавказа.

Стремительное разрастание Руси, её неуклонное продвижение на юго-восток, появление русских опорных пунктов в Крыму и на Тамани, походы русских на Закавказье, естественно, вызывали сильное беспокойство в Хазарии, занявшей резко враждебную по отношению к Руси позицию. Но и в самой Хазарии и в сопредельных с нею областях среди населения было немало противников кагана и сторонников русского князя.

Об этом рассказывает так называемая «Записка готского (или греческого) топарха», в которой говорится о том, как жители города Климаты, разоряемые хазарами, заставили своего правителя, топарха, обратиться за помощью и

покровительством к «царствующему на севере Истра» (Дуная) Святославу. Владения его лежали где-то неподалёку от Климатов, т. е. близ Крыма или даже в самом Крыму.

Святослав охотно принял это предложение.

Таким образом, готовясь к борьбе с Хазарией, усилившей свою активность в Крыму, в непосредственной близости к его таврическим владениям, Святослав прежде всего заручается поддержкой тяготеющего к Руси местного населения, которое он берёт под своё покровительство. Так подготовлялась война с Хазарией.

И когда, в 964 г., Святослав «Иде на Оку реку и на Волгу», то главной его задачей был удар по Хазарии, и только попутно, продолжая традиционную политику подчинения Киеву славянских племён, он «налезе Вятичи». И в следующем, 965, году Святослав «иде... на Козары».

Сличая рассказ летописи с сообщением Ибн-Хаукаля, современника похода Святослава на Восток, мы приходим к следующим выводам.

В 965 г., идя Окой, Святослав выходит на Волгу и разбивает по дороге болгар и бургасов (мордву). Город Булгар подвергся разорению. Не задерживаясь здесь, русские спускаются вниз по Волге, берут Итиль, разрушают его сделанные из плетёных прутьев и обмазанные глиной дома и юрты, а затем захватывают славившийся на Востоке своими садами и виноградниками Семендер.

Где-то у Итиля Святослав разбил войско хазарского кагана. Обратный путь Святослава на запад лежал к Тамани, где ещё раньше был создан форпост Руси. Этот поход был предпринят на конях, и его путь совпадал с путём похода русов в 944 г. По дороге к Тамани Святослав подчиняет касогов и ясов, оттуда идёт степями Северного Кавказа к низовьям Дона, берёт хазарскую крепость Саркел, отныне становящуюся русской Белой Вежей, и возвращается в Киев.

И последним этапом восточной политики Святослава было наложение дани на вятичей. В 966 г. «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложил».

Подчинение вятичей Святославом, правда, было непрочным, и в летописном рассказе, повидимому, отразился лишь эпизодический поход его по дань в землю вятичей. Это вытекает из того, что ещё Владимир дважды ходил на

вятичей, ходил на них, на вятичского племенного князя Ходоту с сыном, и Мономах, и только в середине XII в. вятичская земля окончательно потеряла свою независимость и подпала под власть князей-«Рюриковичей». Но от власти хазар вятичи были освобождены уже тогда, так как Хазарское государство фактически прекратило своё существование, распавшись под ударами Святослава.

Каковы же были итоги похода Святослава на Восток? Хазария была разгромлена. Власть русского князя распространялась до Кавказских гор. Русские, правда, не остались ни в Великих Булгарах, ни в Итиле, но зато прочно обосновались на низовьях Дона и на Северном Кавказе.

Укрепилось сильное русское Тмутараканское княжество, подчинившее своей власти ясов, касогов, остатки хазар, отчасти обезов (абхазцев), опасное для Византии уже хотя бы в силу тяготения известной, и немалой, части населения византийской «Корсунской страны» к русским.

Влияние русских в Крыму и на Кавказе, столь ярко проявляющееся в договоре 944 г., ещё больше усиливается. Торговые пути-дороги потянулись из Руси в Тмутаракань. Один путь шёл водой, Днепром и Чёрным морем вдоль берегов Крыма, к Тмутаракани, а другой пролегал в степях. Купеческие караваны и дружины шли степями к Белой Веже и дальше, Доном — в Азовское море или, перейдя Дон, степями же, на низовья Волги и Северный Кавказ. Степь обрусела. И длинной лентой тянулись по черноморско-азовским степям на восток и юго-восток, русские дороги и заселённые русскими города. Появилось постоянное русское население на Нижнем Дону и Северном Кавказе. Русским городом стал Саркел. И даже печенежские орды не сумели разрезать эту ленту, нарушить связь русского Приднепровья с русскими низовьями Дона, Таманью и Корчевом. Это удалось сделать только половцам, сумевшим превратить ко временам «Слова о полку Игореве» Посулье, Поморье и Тмутараканский пролив в «землю незнаему».

В то же самое время разгром Хазарии имел и очень тяжёлые для Руси последствия. Пала стена, сдерживавшая напор кочевников и мешавшая им широкой волной залить черноморские степи. Ранее орды кочевых тюркских племён могли только просачиваться, теперь они стали

хозяевами степей. И эту перемену скоро испытал на себе сам стольный Киев, став объектом нападения усилившихся печенегов.

Таким представляется нам ход событий во времена похода Святослава на Восток, так следует расценивать его итоги.

Вскоре начинается новый этап войн Святослава. Его внимание привлекают Дунай, Болгария, Византия. И на этот раз поход, готовившийся Святославом, преследовал своей целью не военную добычу — результат успешного налёта, не заключение выгодного торгового соглашения, а создание «империи на юге» (*К. Маркс*), в которой воины-русы были бы не наёмниками, а хозяевами.

Святослав стремился к созданию могучей славянской русско-болгарской державы у самых стен Византии с целью завоевания этой последней. Отсюда и особенности войн Святослава в Болгарии и Византии. Войны эти ставили своей задачей не сбор контрибуции, а завоевания. Вскоре представился случай использовать создавшуюся на Балканах обстановку.

При императоре Никифоре Фоке (963—969 гг.) Византия начала борьбу с могущественным северным соседом — Болгарией.

Видя, что война с Болгарией сулит много трудностей, Никифор Фока направил к Святославу патрикея (чиновника) Калокира, родом херсонесита, поставив перед ним задачу склонить русского князя к войне с Болгарией.

Калокир приступил к выполнению своей дипломатической миссии и приехал к Святославу. Этому последнего не пришлось долго уговаривать. Началась подготовка к походу.

Идя в Болгарию, «пылкий, отважный, сильный и деятельный» (*Лев Диакон*) Святослав приступал к осуществлению своего плана. Пока что он хотел завоевать Болгарию и этим самым создать мощное славянское русско-болгарское государство с центром в низовьях Дуная, где «середина земли», где «вся благая сходятся» и лежат торговые и военно-стратегические дороги на юг, запад, север и восток, дороги, по которым должны были двинуться на «завоевание империи на юге» многочисленные и сильные русские дружины. Святослав пытался, и дальнейшие события это покажут, пойти по стопам болгарского царя

Симеона, мечтавшего об огромном и мощном славянском государстве на Балканах с центром в Константинополе, столице славянизированной Византии, с властью в руках славянского царя. Размах завоеваний, а следовательно, и планы Святослава поражают своими масштабами. Если бы Святославу удалось осуществить свои намерения, в Восточной и Южной Европе возникло бы колоссальное русское государство от Ладоги до Эгейского моря и от Балканских гор до Оки и Тмутаракани.

Предпринимать этот поход, не обычный, кратковременный набег на Византию, как это имело место ранее, а серьёзное военное предприятие, ставившее своей целью завоевание и подчинение целых государств и народов, нужно было иными силами. Речь шла не о морском набеге на Царьград, а о сухопутном походе многочисленного войска.

Если в походах Святослава на Восток, повидимому, принимали участие дружины воинов-профессионалов, то на Болгарию двинулось многочисленное воинство, составленное из «воев», «нарубленных» в разных концах Руси и из различных прослоек населения.

Для походов нужны были сравнительно немногочисленные, но хорошо вооружённые и опытные отряды дружинников; для завоевания стран и покорения государств необходимы были воинство, народные ополчения, целые рати «воев», необходимо было иметь в своём распоряжении вооружённый народ, воинские силы всей земли Русской.

Шли в поход те, кто ещё вчера пахал землю или занимался ремеслом, «всякое людьє» Руси, сегодня ставшие воинами. Об этом хорошо знали в Византии, и такого рода русских воинов имели в виду греки, презрительно отзываясь о войске Святослава, чем и объясняется приводимый Львом Диаконом ответ Святослава на насмешки византийцев: «...мы... покажем ему (императору. — В. М.) на самом деле, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами, но храбрые воины, побеждающие врага оружием». И своими действиями русские воины Святослава на деле доказали грекам, что их руки, в совершенстве владеющие орудиями труда, так же успешно могут разить врага смертоносным оружием. Поход Святослава был походом не дружин, а войска, даже больше того, вооружённого народа. Среди русских были и женщины,

Трупы русских женщин с изумлением рассматривали греки, обходя поле битвы.

Основную массу войска Святослава составляли пешие воины. Уже в процессе войны Святослав занялся созданием конницы, укрепляя этим свою конную дружину.

Вооружение русских воинов составляли мечи, копья, луки со стрелами, ножи, топоры, а от ударов вражеского оружия их защищали большие, во весь рост, «до самых ног», щиты и кольчуги.

Таково было русское воинство, с которым Святослав совершил свой обессмертивший его имя поход. «Собрав ополчение, состоящее из шестидесяти тысяч храбрых воинов, кроме обозных отрядов» (Лев Диакон), со своими воеводами Свенельдом, Сфенкелем и Икмором (последних двух упоминает Лев Диакон, а первого — наша летопись) и с Калокиром, которого он «полюбил, как родного брата» (Лев Диакон), Святослав отправился в Болгарию.

Поход Святослава датируется 967 г. В походе на Восток, в борьбе с полукочевниками болгарами, хазарами, ясами, касогами Святослав придерживался определённой тактики, сводившейся к стремительным броскам конной дружины, и, говоря врагам «иду на вы», он этим самым стремился сосредоточить войска противника в одном месте и нанести им сразу поражение. Потому, направляясь на Восток, Святослав «воз по себе не возяще» и шёл налегке.

Идя на Болгарию во главе большого войска, он не мог обойтись без обозов и в борьбе с сильным противником отказался от своего принципа предупреждения врага («хочю на вы ити») и использовал момент внезапности удара.

Войско Святослава неожиданно для болгар появляется на Дунае. Узнав о том, что Святослав уже на Дунае, болгарский царь Пётр бросил против русских своё тридцатитысячное войско. Святославу пришлось решать трудную задачу — высадить с судов воинов своего авангарда в тот момент, когда берег был занят болгарскими воинами, и дать им бой. Русские с честью вышли из затруднительного положения. Они быстро сошли с судов, построились, как обычно, «стеной» в несколько рядов и, укрываясь от вражеских стрел, мечей и ножей своими длинными, до самых ног, щитами, обнажив мечи, вступили в битву с болгарами «и начали поражать их без всякой пощады» (Лев Диакон).

Стремительность удара храбрых русских воинов обеспечила за ними поле победы. Болгары не выдержали первого же удара русских и обратились в бегство. Отступившее болгарское войско заперлось в Доростоле (Дристре).

Узнав о поражении своего войска, болгарский царь Пётр заболел и вскоре умер.

Битва на берегу Дуная при высадке с судов русских воинов была началом разгрома Болгарии. В короткий срок почти вся Восточная Болгария была завоёвана русскими и подчинена Святославу. «Одоле Святослав Болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на Грьцех», — сообщает летопись.

Обосновавшись в Переяславце (Малой Преславе), на южном рукаве Дуная, и выбрав это место потому, что в нём сходились торговые и стратегические дороги, шедшие из Византии, Чехии, Венгрии, Руси, Святослав получил обещанное Никифором Фокой вознаграждение («дань на Грьцех») и стремился создать обширную и могущественную Дунайско-Днепровскую славянскую державу.

Никифор Фока отнюдь не был намерен примириться с новым соседом, которым стала вместо ослабленной Болгарии могущественная Русь и во главе которой стоял такой деятельный и воинственный правитель, как Святослав.

Византия начала готовиться к войне со Святославом, но воевать с русскими выпало уже на долю нового византийского императора — Иоанна Цимисхия, — и орудием Цимисхия в борьбе со Святославом были печенеги.

Следуя традиционной политике Византии — властвовать, разделяя народы и натравливая их друг на друга, ещё Никифор Фока вступил в переговоры с печенегами, и в 968 г. печенежские орды осадили Киев.

Ольга со своими внуками заперлась в городе. Осаждённые страдали от голода и жажды, негде было даже напоить коня: на Лыбеди стояли печенеги. Положение было угрожающим. Надо было дать как-то знать о тяжёлом положении киевлян собравшимся по ту сторону Днепра воинам воеводы Претича. Это и сделал один юноша-киевлянин, прошедший через стан осаждающих и переплывший Днепр под градом стрел печенегов.

Претич на утро начал переправу через Днепр, и печенеги, приняв его отряд за войско самого Святослава, сняли осаду города.

Через некоторое время к Киеву подошёл и Святослав, поспешивший на выручку Киеву из своего Переяславца на Дунае, и «прогна печенеги в поли».

В Киеве Святослав оставался недолго. Несмотря на то, что «кияне» упрекали Святослава в том, что он добивается чужой земли и о ней печётся, а свою забросил, что и привело к осаде Киева печенегами, он всё же заявил им, что хочет жить в Переяславце на Дунае, «яко то есть середя земли» его, «яко ту вся благая сходятся».

Задерживала его только болезнь Ольги. Но спустя три дня она умерла, и, посадив своих сыновей: Ярополка в Киеве, Олега в Овруче, земле древлян, а Владимира в Новгороде, Святослав покидает Киев и отправляется вновь на Дунай.

Такое распределение диктовалось необходимостью создать крепкую власть в недавно покорённой древлянской земле и иметь в своих руках оба крупнейшие города на великом водном пути «из варяг в греки».

Устроив дела свои на Руси, укрепив связь между её отдельными областями путём поселения своих сыновей в Киеве, Новгороде и «Деревах», Святослав возвращается в Болгарию.

Но обстановка здесь была очень сложная. Энергичный и воинственный Иоанн Цимисхий готовился к войне. Спровоцированная византийцами Болгария восстала.

Святослав шёл к Переяславцу, где заперлись восставшие болгары. Когда русские подошли к городу, болгары вышли им навстречу: «И бысть сеча велика». Вначале противник имел перевес, «и одоляху Болгаре», но Святослав обратился к своим воинам и подбодрил их: «уже нам сде пасти; потягнем мужьски, братья и дружино». Напрягши силы, русские перешли в наступление, их натиск усилился, и «к вечеру одоле Святослав» и взял Переяславец «копьем».

Русские вновь овладели «середой земли» Святослава и двинулись дальше на юг, в глубь Болгарии. Над империей нависла грозная опасность. Но военные силы Византии в это время были заняты борьбой с арабами в Сирии. Поэтому Иоанн Цимисхий угрозами и предложением подарков пытался заставить Святослава отказаться от Болгарии.

Святослав ответил грекам, что он «не оставит сей бога-

той области, если не дадут ему великой суммы денег, если не выкупят завоеванных городов и пленных». «Если римляне, — говорил он, — не захотят мне столько заплатить, то да переселятся они из Европы, им не принадлежащей, в Азию; да не мечтают, что тавроскифы без сего примирятся с ними». На эти слова Иоанну Цимисхию пришлось отвечать угрозами, напоминаниями о мире между Русью и Византией, «дошедшем от предков», и ссылками на печальный исход похода отца Святослава, Игоря, который «едва только успел с десятью ладьями убежать в Босфор Киммерийский», на его несчастную смерть. «Не думаю, чтоб и ты мог возвратиться в свое отечество... и ни одно огненоносное судно не придет в Скифию с известием о постигшей вас жестокой участи», — угрожал Святославу Цимисхий. Раздраженный Святослав отвечал императору: «Не вижу никакой необходимости, побуждающей римского государя к нам итти; по сему да не трудится путешествовать в нашу землю: мы сами скоро поставим шатры свои перед воротами Византии, обнесем город крепким валом и, если он решится выступить на подвиг, — мы храбро его встретим...».

Война стала неизбежной. Русское войско неудержимой лавиной шло на юг, занимая города и покоряя земли. Русские вступили во Фракию. В качестве союзников Святослава к русским присоединились отряды венгров, печенегов и болгар.

Византийцы двинули навстречу Святославу войска Варды Склира. Узнав о походе Варды Склира, Святослав отделяет от своего войска одну рать и, присоединив к ней отряды венгров и болгар, высылает её против греков. В происшедшей у Аркадиополя (близ Адрианополя) битве перевес оказался на стороне византийцев, и русские были вынуждены отступить. Так сообщает византийский писатель Лев Диакон. Но, очевидно, сами греки не придавали этой победе серьёзного значения и усиленно готовились к войне. Наступила зима 970 г. Обе стороны готовились по весне возобновить военные действия.

Святослав между тем закреплялся в Болгарии. Он привлёк на свою сторону болгарского царя Бориса. Захватив в плен Бориса, он пощадил его жизнь, сохранил его семью, оставил с ним его свиту. Борис, повидимому, сохранил даже свой престол и свой титул «царя болгар», став в

вассальную зависимость от Святослава как союзный, «подручный» владетель.

Эту своеобразную независимость Бориса Святослав подчеркнул ещё и тем, что оставил его в Преславе, где остался и русский отряд Сфенкеля, а сам ушел в Доростол. Такая политика русского князя обеспечила ему, правда не надолго, покорность Болгарии и участие болгар, особенно в первое время, в его войне с Цимисхием.

Правда, болгары оказались очень ненадёжными союзниками.

Прошла зима, но скрестить своё оружие со Святославом Иоанну Цимисхию так и не удалось. Византийский император должен был бросить войска Варды Склира на подавление восстания Варды Фоки в Малой Азии.

Этим воспользовался Святослав и предпринял вторжение в византийские земли. Македония была опустошена. Теперь уже русский князь не собирался ограничиваться Северной Болгарией, и его войска, перевалив Балканы, спустились на равнину и двигались к Константинополю.

Русские заняли Великую Преславу, Доростол, Филиппополь, Адрианополь. «Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ», — заявил Святослав грекам и, победоносно продвигаясь вперёд, приближался к своей заветной цели — Царьграду.

План овладения всеми византийскими владениями на Балканском полуострове и самой столицей империи был близок к выполнению. Страшные «тавроскифы» (русские) неудержимо рвались к Царьграду. В Византии царили смятение и растерянность.

Грянула битва под Адрианополем. «И одоле Святослав, и бежаша Грьци, и поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешнего дне пусты», — повествует летописец.

Византия в страхе дрожала перед русскими. Только в 971 г., разбив и пленив Варду Фоку, Цимисхий смог выступить против Святослава. Весной 971 г. Иоанн Цимисхий с огромным войском (летопись называет цифру 100 000 человек) выступил в поход.

Византийская флотилия в 300 судов вошла в Дунай, чтобы отрезать русским путь отхода по реке.

Воспользовавшись недосмотром Святослава, оставившего

без охраны горные дороги, Цимисхий подошёл к занятой русскими Преславе. Преславу защищал лишь отряд Сфенкеля, состоявший из русских и болгар. Тут же находились со своими войсками болгарский царь Борис и Калокир, который, когда греки подошли к городу, «тайно, в самую глухую ночь, уехал из города к Святославу».

Русские были поражены внезапным появлением неприятеля у стен Преславы, но немедленно же, выйдя из города и построившись в несколько рядов, «в сильный боевой порядок», надев на рамена свои длинные щиты и обнажив мечи, с грозным боевым кличем обрушились на греков. Несмотря на явное превосходство греков и в числе и в вооружении, «битва с обеих сторон была равная». Только удар по левому крылу русских, нанесённый конницей «бесмертных», заставил русское пешее войско отойти и укрыться за стенами города. Попытка пойти на штурм не увенчалась успехом для греческих воинов. Осыпанные дождём стрел, они вынуждены были отойти.

Настала ночь. Наутро к Цимисхию подошёл Василий. Заработали осадные машины. Огромные камни, со свистом проносясь в воздухе, разрушали стены Преславы, убивали и калечили русских воинов, стоявших на стенах. Жужжали и завывали камни, бросаемые греческими пращниками, роем носились стрелы и копья. Греки засыпали стены Преславы камнями и стрелами, пытаясь таким образом воспрепятствовать русским оборонять город и ослабить эффективность их стрельбы. Но русские, «побуждаемые... Сфенкелем, построились на стенах и безбоязненно всеми силами начали защищаться, бросая копья, стрелы и камни». Вскоре греки пошли на штурм. К стенам были приставлены лестницы, и воины Цимисхия, держа левой рукой над головой щит, а правой — обнажённый меч, начали подниматься со ступеньки на ступеньку всё выше и выше. Видя, что сдержать напор многочисленных неприятелей, несмотря на отчаянное сопротивление, не удаётся, русские, отбиваясь от наседавших греков, отошли со стен и укрылись за оградой царского дворца, находившегося в центре города. Между тем греки сломали крюки и сбили запоры с ворот, ворвались в город и принялись истреблять тех русских воинов, которые не успели укрыться во дворце. Захваченный в плен вместе с семьёй Борис был приведён к императору и торжественно объявлен им

царём болгар, причём Цимисхий подчеркнул, что он ведёт войну со Святославом за освобождение Болгарии.

Вступив в город, греки немедленно же попытались штурмом овладеть царским дворцом, где укрылось до 7000 русских воинов под командованием Сфенкеля. У открытых ворот во дворец русские встретили опьянённых победой греков, и здесь, на узком пространстве, закипела кровавая сеча. Оставив у ворот сто пятьдесят трупов своих воинов, греки отошли. Видя, что с русскими храбрцами ничего поделать невозможно, греки подожгли дворец. Огонь охватил все строения дворца.

И вот из горящего дворца вышло грозное русское войско; на утомлённых боем русских немедленно же обрушились войска Варды Склира. Предстояла трудная задача — пробиться сквозь кольцо осаждающих. В неравной битве пало немало отважных русских воинов. «Они сильно сражались и не обращались в бегство», — говорит Лев Диакон. Остатки своего отряда храбрцов, разорвав вражеское кольцо, Сфенкель увёл в Доростол к Святославу.

Так после двухдневных тяжёлых боёв, потеряв много убитыми и ранеными, 14 апреля 971 г. Цимисхий овладел Преславой. Через несколько дней Цимисхий выступил в поход. Гордясь своей первой победой, он отправил к Святославу послов, требуя, чтобы тот ушёл из Болгарии. Святослав молчал. Заняв по дороге Плиску (Плисков), Динею и другие города, болгарское население которых перешло на сторону византийцев, 23 апреля Цимисхий подошёл к Доростолу.

Когда византийцы подошли к Доростолу, навстречу им, «сомкнув щиты и копья, наподобие стены», вышли русские. Грянула страшная битва. К ночи, под давлением греков, русские вынуждены были уйти в город. Весь день 24 апреля греки возводили укреплённый лагерь на холме у Доростола. Русские молчали. Наутро сражение возобновилось. Стоя на башнях, русские осыпали греков стрелами и камнями из метательных орудий. Греки отвечали на выстрелы русских, выставив своих пращников и лучников.

К вечеру русские конные воины вышли из города и стали на открытом месте. Не умевшие сражаться на коне, русские воины не смогли сдержать натиска греков и после схватки удалились за стены Доростола. Большую роль

сыграло и то обстоятельство, что у русских под седлами были необученные пугливые кони, набранные, очевидно, от плуга, с которыми трудно было справиться в бою. Греки поражали их копьями, что усиливало замешательство. В то же время на Дунае появились «огненные» корабли. По приказу Святослава, русские «немедленно собрали все свои ладьи» и поставили их на берегу Дуная, у городской стены Доростола.

Греки не отважились проникнуть вслед за ними и остались выжидать, блокировав Доростол со стороны реки и отрезав путь отступления русским.

26 апреля русская «стена» снова обрушилась на греков, и в восьмичасовом бою победа уже склонялась на сторону «тавроскифов», но смерть Сфенкеля, убитого копьем каким-то греком, внесла растерянность в ряды русских воинов, и они «начали мало-помалу отступать с поля битвы и подвигаться к городу» (Лев Диакон).

В городе начал ощущаться голод. Русские непрерывными вылазками стремились ослабить греков и прорвать кольцо блокады. Византийцы не знали ни минуты покоя. Когда положение с продуктами особенно обострилось, Святослав выслал двухтысячный отряд на ладьях. Русские вернулись с большими запасами, по дороге разбив большой отряд греков и захватив его обоз с провиантом. Цимисхий жестоко наказал начальников этого отряда и велел перекопать рвами все дороги, ведущие из Доростола. В окопы была посажена спешенная конница Петра и Варды Склира. Костлявая рука голода готова была удушить русское войско. Святослав разослал гонцов к печенегам и венграм, прося помощи, но помощь не приходила. Византийцы засыпали ров, которым воины Святослава окружили город, чтобы помешать грекам устанавливать свои каменнётные машины, и град камней и брёвен всё время осыпал Доростол.

Тогда, 19 июля, в послеобеденное время, когда греки менее всего могли ожидать с их стороны активных действий, русские напали на греков, смяли их первые ряды и пробились к метательным машинам, пытаясь уничтожить их огнём. В этом сражении у греков был убит магистр Иоанн Куркуас, близкий родственник императора, начальник всех воинов, обслуживавших метательные орудия. Сжечь машины не удалось, и русские отошли в город. Но

и грекам эта вылазка русских стоила очень дорого. На следующий день русские, снова построившись в несколько рядов, стеной вышли на поле битвы. Густой фалангой выступили против них византийцы. Русские, сжав фалангу с боков, начали неуклонно усиливать своё давление. Тысячи убитых с той и с другой стороны покрывали уже поле сражения.

И в тот момент, когда победа склонялась на сторону русских, грек Анемас сразил мечом русского богатыря Икмора, «первого мужа и вождя скифского войска после Святослава» (Лев Диакон). Увидев смерть своего военачальника, русские, закинув за спину свои огромные щиты, начали отходить к Доростолу.

Наступила ночь. Полная луна матовым светом заливала поле сражения, усеянное трупами павших русских и греков. Русские вышли на поле и начали собирать тела своих погибших воинов. Они сносили трупы к городским стенам, где, у берега Дуная, были уже сложены и пылали огромные костры. Тут же, при голубом сиянии луны, озарённые багровыми отблесками костров, русские совершали жертвоприношения, убивая пленных и женщин. В волны голубого Дуная, выполняя древний обычай предков, они бросали младенцев и петухов. Лишь под утро погасли костры на Дунае. Трупы русских храбрецов были превращены в пепел.

Тяжёлой ценой досталась грекам победа. Русские бились отчаянно, и не только одни мужчины. Когда, воспользовавшись лунной ночью, греческие воины начали обходить поле битвы, раздевая павших русских и снимая с них оружие и украшения, они с изумлением находили среди трупов мужчин убитых русских женщин, одетых, видимо, в мужское платье и вооружённых. Так сражались русские женщины войска Святослава в страшной битве под Доростолом.

Тяжёлые потери и затянувшаяся осада заставили Цимисхия искать выход из создавшегося положения. Уйти от Доростола — это значило вновь предоставить Святославу свободу действий; взять Доростол штурмом, учитывая мужество, выносливость и стойкость русских, оказалось делом невозможным; продолжать осаду нехватало сил. Скилица сообщает, что Цимисхий обратился к Святославу с предложением окончить войну единоборством, на что

получил ответ, что он, Святослав, лучше знает свои обязанности, чем византийский император, и уж если ему так хочется поскорее расстаться с жизнью, пусть ищет какого-либо другого способа из целой тысячи, находящейся в его распоряжении.

Но положение осаждённых русских было очень затруднительным. Из 22 000, оставшихся в живых, лишь половина сохранила боеспособность. Другая половина вследствие голода, болезней и ранений вышла из строя и принимать участие в битвах не могла. Голод принимал угрожающие размеры. Помощи ждать было неоткуда. Греческие «огненосные» суда отрезали пути отхода по Дунаю. 21 июля Святослав созвал совет, «коментон» (Лев Диакон). Собравшимся на военный совет начальникам, «доброименитым» «кметам» (советникам, руководящей знати, вождям русских «воев»), Святослав охарактеризовал положение и поставил перед ними вопрос: «что делать?». Одни советовали тихо, в глухую ночь, сесть на суда, незаметно пробраться через цепь «огненных» судов греков и уйти на Русь, ибо дальнейшее сопротивление становится невозможным. Другие предлагали заключить с императором соглашение и таким образом спасти остатки войска, так как прорваться через греческую флотилию не удастся и русские суда будут сожжены «текучим огнем».

«Тогда Святослав, вздохнув от глубины сердца, сказал: «Погибнет слава, сопутница русского оружия, без труда побеждавшего соседние народы и без пролития крови покорявшего целые страны, если мы теперь постыдно уступим римлянам. И так с храбростью предков наших и с тою мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славой»» (Лев Диакон). Эти события запомнили на Руси. Они и легли в основу летописного рассказа о том, как «Русь убояшася зело множества вой» и как Святослав обратился к своим воеводам с речью: «Уже нам некамо ся дети, волею или неволею стати потивну; да не посрамим земли Руские, но ляжем костьми ту, мертвыи бо срама не имам». «Аще ли побегнем, — продолжал Святослав, — срам имам, ни имам убежати, но станем крепко, аз же перед вами пойду: аще моя глава ляжет, то промы-

слите собою». «И реша вои: где же глава твоя, ту и свои главы сложим». В этих словах — весь Святослав, мужественный воин, для которого превыше всего — честь, дороже всего — слава русского оружия.

В ответе «воев» ярко отразились мужество, стойкость и храбрость русских дружинников, их сплочённость и железная дисциплина, их верность делу чести, их преданность князю. Куда идёт князь, туда «потягнет» и дружина, где князь сложит свою голову, там лягут и они.

И Святослав, не только воин, но и князь и предводитель войска, с насмешкой отказавшийся от задорного предложения Цимисхия о единоборстве, в нужную минуту с мечом в руках сам сел на коня и пошёл в бой «перед» своими «воями». На заходе солнца 22 июля Святослав вывел из Доростола всех, способных носить оружие. Их было не более 11 000 человек. Настал день решающей битвы. Русские воины дрались с беззаветной храбростью. В первых рядах «с бешенством и яростью» рубился Святослав, криком ободряя своих воинов. В разгаре боя на него устремился Анемас. Ему удалось врезаться в ряды русских и, нанеся Святославу рану в ключицу, сбросить его с коня. Крик радости одних и возгласы отчаяния других заглушили шум битвы. Но в ту же минуту Святослав снова уже был на коне, а Анемас, исколотый копьями, испустил дух. Ранение Святослава усилило ярость русских. Их натиск усилился. Греки сперва немного отошли назад, а затем, под давлением русских, их отход превратился в отступление.

Цимисхий поскакал к своим войскам. Греки изнемогали. Но в этот момент поднялась буря. Сильный ветер нёс прямо в лицо русским тучи пыли и песка, ослепляя их и затрудняя дыхание.

Натиск русских ослабел. В этот же момент на них, окружая с флангов, напала греческая конница. Святослав начал отходить, и вскоре ворота Доростола закрылись за последним русским воином. Кончилась решающая битва. Святослав не победил, но он не был и побеждён. Но что делать дальше? Ночью Святослав принял решение начать переговоры с Цимисхием. Он очищал Доростол, уходил из Болгарии, отсылал пленных греков императору и возвращался на Русь. Император же обязывался дать ему беспрепятственно выйти по Дунаю в море и возобновить старый договор.

Цимисхий охотно согласился, утвердил условия мира и выдал русским по две меры (медимна) хлеба на каждого из 22 000 воинов. К Святославу явились послы Цимисхия. Они принесли русскому князю дары: «злато и паволоки». Святослав приказал их ввести, а когда послы разложили перед ним дорогие дары, он, даже не взглянув на них, приказал своим «отрокам»: «схороните». Вернувшиеся послы с изумлением рассказывали о том, как Святослав отнёсся к драгоценным подаркам императора. И вторично явились послы, неся на этот раз «мечь и ино оружие». Святослав с радостью принял дары, «нача хвалити, и любити, и целовати царя». Русский князь-воин, с презрением в трудную минуту отвергший дорогие подношения, с неподдельной радостью осматривал и пробовал дорогое его сердцу оружие. В этом эпизоде, рассказанном летописцем, отразились воспоминания русских людей о своём воинственном князе. Результатом переговоров явился договор, датированный июлем 971 г., заключённый «в Дерестре» между Святославом и Свенельдом, с одной стороны и Цимисхием — с другой. Это, собственно, не договор, а клятвенное обязательство Святослава впредь не воевать с Византией, не поднимать на неё другие народы, не воевать ни в Корсунской стране, ни в Болгарии, не претендовать на византийские земли, а в случае, если империя подвергнется нападению или будет нуждаться в помощи русских, Святослав должен оказать ей поддержку.

Договор был закреплён клятвой Перуну и Волосу, «Скотьюму богу». Возобновлён был, повидимому, старый договор 944 г., регулирующий торговые и дипломатические сношения обоих государств. Переговоры Святослава с Цимисхием сопровождались их личной встречей.

На берег Дуная прибыл Иоанн Цимисхий в пышных одеждах и позлащённом вооружении. Его сопровождала многочисленная свита, богато одетая, в блестящих доспехах. С того берега Дуная отчалила ладья. «Святослав переезжал реку . . . и, сидя за веслом, греб наравне с прочими без всякого различия. Видом он был таков: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритой бородой и с густыми длинными висящими на верхней губе волосами. Голова у него была совсем голая, но только на одной ее стороне висел локон волос, означающий знат-

ность рода, шея толстая, плечи широкие и весь стан довольно стройный. Он казался мрачным и диким. В одном ухе висела у него золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами, с рубином, посреди их вставленным. Одежда на нем была белая, ничем, кроме чистоты, от других не отличная». Поговорив немного с Цимисхием о мире, причём этот разговор Святослав вёл, сидя на скамье ладьи, он переправился на другой берег. «Таким образом кончилась война Римлян с Россами», — заключает Лев Диакон.

Описание наружности Святослава Львом Диаконем имеет исключительную ценность уже хотя бы потому, что оно — единственное. Нет ни одного источника, ни русского, ни иностранного, в котором так ярко был бы обрисован внешний облик какого-либо деятеля Руси.

Во всей эпопее войны на Дунае Святослав ведёт себя, как воин. Он, когда нужно было, воевал, как простой воин, переносил со своими «воями» все тяготы походной жизни. «Легко ходя, аки пардус, войны многи творяще. Ходя воз по себе не возяше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подклад постлав и седло в головах; тако же и прочии вои его вси бяху». Как воин, он больше всего любил и ценил оружие; как воин, он шёл впереди своей дружины. Как русский воин, он больше всего думал и заботился о чести Руси, о славе русского оружия. Мужественный и прямой, суровый и решительный, чуждый византийской «лести», он прямо говорил то, что хотел сказать. Его «иду на вы» на столетия стало на Руси, уже, правда, в книжной традиции, символом решительности и мужества. Он был одновременно жестоким к врагам и ласковым к своей «братье», жадным ко «всяким благая» и скромным в личном быту. С его именем связан блестящий период в военной истории русского народа, когда дружины Руси мечом врубили в скрижали истории своё славное имя — «русские».

Он не смог добиться осуществления своих планов, но сумел спасти своё войско от поражения, а само славное имя Руси — от позора.

Мы не знаем, куда бы, спустя некоторое время, пошли «вои» Святослава. Быть может, он стремился к реваншу и хотел возобновить войну с Цимисхием. Не об этом ли стремлении Святослава говорит летопись, сообщая, что

Святослав говорил «пойду в Русь и приведу боле дружины». Во всяком случае, Святослав был ещё очень опасен, и в Византии знали это. Поэтому, когда он заключил мир с греками и вышел в море, «поиде в лодьях к порогом», Свенельд предупредил его, указывая на то, что у порогов, как обычно, бродят печенеги, которые попытаются напасть на них и отобрать богатую добычу, которую везли с собой русские воины. А она была велика, так как Святослав «имал» дань и на живых и на мёртвых, заявляя, «яко род его возьмет». Святослав не послушался совета воеводы и поднялся в ладьях по Днепру к порогам. Свенельд же, повидимому, с конной дружиной пошёл правобережными степями и благополучно вернулся в Киев, к Ярополку. Как и ожидал Свенельд, печенеги были уже предупреждены греками и болгарами из Переяславца, что идёт Святослав. Дружина русских мала, а «именье много», — говорили их гонцы печенегам. Хищные кочевники вышли к порогам. Пробриться через печенежские орды Святослав не мог и вынужден был зазимовать на Белобережье. Здесь снова русским воинам пришлось страдать от голода. «И бе глад велик, яко по полугривне глава коняча».

По весне Святослав вновь «поиде в пороги». Здесь на маленькую русскую дружину, измученную голодной зимовкой, напали орды печенежского князя Кури. Святослав был убит, и, по преданию, Куря сделал из его черепа («оковавше лоб его») чашу «и пяху из него».

Так закончилось княжение Святослава. План создания огромной славяно-византийской державы не был осуществлён. Он оказался не по силам даже такому воителю, как Святослав. «Упорным сопротивлением Византии при Цимисхии восточные варвары были отброшены от Восточного Рима» (*К. Маркс*).

Кончился завоевательный период в истории древней Руси. Начинался новый её этап, характеризующийся упорным стремлением к укреплению государственных форм на самой Руси и развитием феодализма. Князья перестают «искать» и «воевать», «чюжея земли», а принимаются за освоение своей земли и эксплуатацию её населения. «Строй земляной» и «устав земляной», а не рати, всё более и более приковывают к себе внимание русских князей. Изменяются формы общественной жизни и быта. Варварская Русь перерастала в Русь феодальную, Русь XI в. «Воя» Руси

всё более и более заслоняла фигура дружинника, княжого «мужа». Зарождались и быстро развивались новые формы идеологии, свойственные раннему феодальному обществу.

Войны Святослава продемонстрировали силу русского оружия и на Востоке и на Юге.

Память о походах Святослава, о нём самом, героическом князе-воине, долго хранилась на Руси. И не одна летопись говорит о Святославе, о его битвах, о великих делах русских «воев».

Память об этих временах, о делах Святослава едва ли не следует усматривать в многочисленных мотивах русского народного творчества, связанных с голубым Дунаем, наконец, в «тропе Трояновой» «Слова о полку Игореве».

Эту «Тропу Трояню» — колонну Траяна, стоящую у села Адамкиси в Добрудже, не раз видели, проезжая по своим военным дорогам, русские воины Святослава, и они-то принесли на Русь песни о ней, использованные автором «Слова о полку Игореве», а за нею бесчисленными баянами земли Русской.

ГЛАВА VIII

ВЛАДИМИР

«Великий Владимир» летописи, Константин Великий Руси, славный каган «старых времен» древнерусской литературы, святой и равноапостольный Владимир русской церкви, былинный Владимир Красное Солнышко, герой народного эпоса, являет собой эпоху в истории русского народа, его культуры и государственности.

С его именем связан «апогей готической России» (*К. Маркс*), окончательное объединение восточнославянских земель в единое государство, оформление «земляного строя» древней Руси, принятие Русью христианства и укрепление её международного положения.

Княжение Владимира — богатырский, героический период в истории русского народа, время успешного окончания создания древнерусского государства, время расцвета Киевской державы, период успехов русского оружия, русской дипломатии, складывания и развития яркой культуры восточного славянства, объединённого единством политического и общественного бытия.

Княжение Владимира — это времена богатырей земли русской, их дел богатырских, стольного Киева, Днепра-Слаутича, времена доблести, славы, могущества, времена расцвета древнерусской культуры и начала «книжности», эпоха войн и походов, славных сеч богатырских, удалых подвигов русских витязей, их пиров и забав.

На Руси правит «ласковый» князь Владимир Красное Солнышко. Его окружают богатыри. Они полны чувства собственного достоинства, с оружием в руках зорко блюдут интересы Руси на «богатырской заставе», борются с её «ворогами». На них держится Русь. С ними советуется в своих палатах князь Киевский, сам Владимир Красное

Солнышко. Они выполняют его поручения, делают дела, которые не по плечу простому человеку. Среди них и «уй» Владимира, знатный Добрыня Никитич, и хитроватый Алёша Попович, и олицетворение воев «земли Русской», сам «крестьянский сын», излюбленный народный богатырь, могучий, честный, прямой и добрый Илья Муромец.

Пирует князь Владимир в стольном граде Киеве на берегах Днепра-Славутича, а дела делают, «боронят» землю русскую его славные богатыри. Их подвиги сказочны, как сказочен и прекрасен сам Киев, как сказочен и прекрасен в представлении народа киевский, героический период его истории; их дела — гордость народа, они — бессмертны, как бессмертен породивший образы своих витязей сам народ. Всё окутано дымкой оптимизма, того оптимизма, который был присущ раннему христианству Киевской Руси, Руси времён Владимира, той жизнерадостности, которая характерна для идеологии Руси конца X и начала XI в., Руси событий, послуживших сюжетом для красочного, необыкновенно богатого русского эпоса, Руси людей, ставших в памяти народной прообразом эпических героев.

Всё окрашено яркими, жизнерадостными тонами. Всё в движении, в динамике, отражает бурную жизнь той далёкой поры.

Нет ещё темных пятен, порождённых резким социальным расслоением. Нет богатых и жадных бояр, нищих холопов, насилия, гнёта, надругательства над самой душой народа. Но они уже начинают проступать, все эти качества, порождённые развивающимся феодализмом. Уже душно в хоромах княжеских, где сидят за столами бояре киевские, «сыну крестьянскому» Илье Муромцу. Уже не раз едет он, обиженный князем, развеять своё горюшко богатырской забавой с ворогом.

Так рисует время киевского князя Владимира наш русский былевой эпос.

А былины — это история народа, рассказанная им самим. Это время — время славы Руси, её исключительных успехов на международной арене, и одновременно тот период в истории народа, когда он сам ещё играет большую роль в истории своей страны, когда знать ещё не успела отгородиться стеной от народа, когда те, кто делают в верхах политику страны, ещё часто выходят из

народа, когда массы ещё только начинают превращаться в подневольный, подавленный тяжестью повинностей, эксплуатируемый люд.

Вот почему русский народ в своих былинах, легендах и преданиях с такой любовью вспоминает свою первую столицу — Киев, своих славных киевских богатырей и Владимира Красное Солнышко, олицетворение «старых князей» безвозвратно ушедшей поры «славного варварства».

Владимир стоит на грани двух эпох. Он — последний князь-воин дружинной, варварской Руси, венчающий её вершину, и в то же самое время он — первый князь феодальной Руси, всей своей деятельностью подготовивший тот таящий в себе элементы грядущего распада «империи Рюриковичей» расцвет раннего феодализма, который падает на княжение его сына и внуков.

Княжению Владимира в Киеве предшествовала семилетняя борьба трёх братьев Святославичей.

После смерти Святослава в Киеве «нача княжити Ярополк», в «Деревах» княжил Олег, а Владимир правил в Новгороде.

Вскоре же в древлянской земле развернулись события, наложившие отпечаток на жизнь южной Руси.

В этот период со стороны князей и их дружинников наблюдается стремление освоить, как вообще осваивали полуварвары-полуфеодалы, земли отдельных племён, и эта участь ожидала и земли древлян. Старые отношения, характеризующиеся «вассалитетом без ленов или ленами, состоящими только из даней» (*К. Маркс*), постепенно отходят в прошлое, и пожалованные дружинникам на этом праве земли князь рассматривает как свою собственность. На этой почве и произошло столкновение Олега Древлянского с Лютом Свенельдичем, сыном знаменитого Свенельда. Летопись под 975 г. сообщает, что Лют Свенельдич, отцу которого ещё Игорь отдал дань с земли древлян «лов деющую... и шед бо и с Киева, гна по звери в лесе». Когда-то Игорь, действительно, отдал дань с этой земли Свенельду, но не давал ему ни самой земли, ни лесов, ни угодьев, на которые теперь претендовал сам Олег как князь Деревской земли. Теперь земля со всем тем, что росло и жило на ней, принадлежала Олегу, и «ловы» Люта Свенельдича были явным нарушением княжеских прав Олега. Олег убил Люта Свенельдича и «бе бо

ловы дея Олег». Желая отомстить убийце своего сына, «муж» Ярополка Киевского, старый Свенельд, натравил Ярополка на Олега, говоря ему: «пойди на брат свой и прими волость его». Вскоре развернулась первая межкняжеская усобица. «Поиде Ярополк на Олга, брата своего, на Деревску землю», — сообщает под 977 г. составитель начальной летописи. Навстречу ему двинулся Олег. Но его древлянские «вои», хорошо ещё помнившие времена, когда они управлялись своими «мужами» и племенными князьями и не знали никаких иных форм подчинения, видимо, были довольно безучастны к судьбе посаженного в их землю киевским князем Олега, и в бою «победи Ярополк Олега». Древляне Олега обратились в бегство. Их по пятам преследовали киевские дружинники Ярополка. Беглецы достигли города Овруча (Вручий), у стен которого, на гребле, на мосту, развернулись трагические события. В давке, когда беглецы «теснячесь друг друга пихаху в гроблю», «спехнуша» и «Ольга с мосту в дебрь», где уже лежало немало трупов «воев» злополучного князя.

Так начались усобицы, так зарождалась «княжая котора» позднее опустошившая и ослабившая русскую землю.

Услышав о расправе Ярополка с братом, Владимир покинул Новгород и бежал за море, а Ярополк «посадники свои посади в Новгороде и бе володея един в Руси». Так прошло два года. На третий год, в 980 г., Владимир с отрядами наёмников-варягов возвратился в Новгород, изгнал посадников Ярополка и, объединив под своей властью весь север Руси — «варяги и словени, чудь и кривичи», — начал готовиться к походу на Киев. Подчинив себе, по преданию, Полоцк, убив полоцкого князя Рогволода (быть может, варяга по происхождению), а дочь его, Рогнеду, взяв себе в жёны, Владимир двинулся на Ярополка.

Будучи не в состоянии противиться многочисленной дружине Владимира, состоявшей из «воев» — новгородских словен, чуди, кривичей и, главным образом, наёмников-варягов, Ярополк со своим воеводой Блудом заперся в Киеве.

Владимир обложил город, став «межю Дорогожичем и Капичем» («и есть ров и до сего дня» — замечает летописец). Взять город «на щит» не удалось, и Владимир прибегнул к хитрости и путём лести и обещаний склонил на

свою сторону Блуда. Блуд сообщил Ярополку о тайных переговорах, которые якобы ведут киевляне с Владимиром, готовя сдачу города, и рекомендовал ему уйти в город Родню. Ярополк послушал советника и заперся в Родне. Но тут положение дружины Ярополка ещё более ухудшилось. Начался жестокий голод. Осаждённая Родня была на краю гибели.

«И есть притча до сего дне: беда, аки в Родне».

Блуд продолжал свою изменническую деятельность. Он старательно внушал Ярополку мысль о том, что положение их безнадежно, сопротивление бесполезно, и убеждал его в необходимости помириться с братом. Ярополк согласился. Блуд с радостью сообщил Владимиру: «яко сбыться мысль твоя, яко приведу к тебе Ярополка и пристрой убить и». Владимир приготовился к встрече брата и ушел в «двор теремный отень», куда вслед за ним вошли и его варяги. Ярополк собрался к брату, но в это время его «муж» Варяжко обратился с речью к своему князю. Он говорил: «Не ходи, княже, убьют тя», советовал бежать к печенегам в степи и, вернувшись оттуда, начать отбивать Киев. Но Ярополк не послушал своего верного дружинника и отправился к Владимиру. Лишь только переступил он порог, как два варяга подняли его на мечи «под пазусе», а Блуд захлопнул дверь, чтобы не пустить в терем «воев» Ярополка. Но Варяжко видел, как варяги убили его князя. Он бежал в степи к печенегам и оттуда своими налётами часто и долго беспокоил Владимира. Владимир стал единственным князем Руси, её «самовластцем».

Севши на престол при помощи варягов, Владимир вскоре столкнулся с их непомерными требованиями. Варяги заявили, что Киев — их город, и потребовали по две куны с каждого его жителя. Владимир тянул с ответом, не беспокоясь за свою судьбу, и, чувствуя поддержку со стороны киевлян, враждебно относившихся к варягам, просил месяц срока, а когда он прошёл, денег варягам всё же не дал. Тогда варяги упрекнули его в обмане и, будучи не в состоянии расправиться с Владимиром, окружённым киевскими «воями», потребовали, чтобы он показал им дорогу в Византию. Владимир с радостью согласился. Отобрав из них «мужи добры, смыслены и храбры», он оставил их у себя, роздал им города, остальных же направил в Царьград, предварительно послав гонцов к импе-

ратору, которому посоветовал расправиться с ними. Владимир посажен был на престол силой варяжского оружия, но варяги теперь были лишь воинами-наёмниками, опорой же князя стали русские, а не пришлые дружинники.

Этим самым Владимир подчеркнул, кого он считает своей опорой, и начертал основные принципы своего «земляного» княжения, княжения утвердившегося на Руси «земского», а не ищущего «чужеземца» князя. Бурное развитие социального и политического строя Руси, развитие её культуры и идеологии, настоятельно выдвигавшие требование изменения и международного её положения, поставили перед Владимиром серьёзные задачи.

Он должен был окончательно объединить, хотя бы в самой примитивной форме, все восточнославянские земли, объединить под своей властью, под властью Киева весь «словенск язык на Руси», укрепить границы своего государства, создать формы управления, соответствующие этому объединению и складывающимся формам общественных отношений, произвести религиозную реформу, которая бы отразила изменения в идеологии, обусловленные возникающими и развивающимися феодальными формами господства и подчинения, и, наконец, укрепить международное положение «империи Рюриковичей» (*К. Маркс*), включив её в семью христианских, цивилизованных государств Европы.

И успешное разрешение Владимиром всех этих задач принесло ему славу и авторитет, сделало его самым популярным князем героического периода в истории русского народа, «великим» Владимиром Красное Солнышко наших былин и летописей.

Этот подлинный основатель Киевского государства уже не стремится куда-то, в «чужеземца» и не рассматривает Киев как временную стоянку, как базу для бесконечных походов и завоеваний. Для него Киев — «мати градом Русьским», где он собирается обосноваться надолго, навсегда. Его земля — это Русь, Русь Приднепровская, Приильменная, Русь Киева и Чернигова, Новгорода и Полоцка, Смоленска и Переяславля, Русь в широком смысле этого слова, где живёт и трудится «словенск язык», а не заманчивая, сказочно-богатая, но призрачная «империя на далёком юге» (*К. Маркс*), в поисках которой сложил свою голову его отец Святослав.

Для того чтобы расширить её границы, укрепить её положение среди других государств, Владимир готов отправиться в далёкий поход, будет воевать и завоёвывать, но не для того, чтобы эти новые завоевания сделать «землей своей» и перенести сюда столицу Руси, а для того, чтобы вернуться со славой и победой в свой родной Киев, на берега Днепра-Славутича, в свои княжеские покои и гридницы, к своим боярам и старцам градским, чтобы ещё больше усилить Русь.

И если его отец и дед ставили превыше всего «рати», забывая, вернее, не очень интересуясь, «строем землянем» и «уставом землянем», то Владимир первое подчиняет второму, и деятельность Владимира вне Руси определяется его планами внутреннего устройства и жизни Русской державы, а не наоборот, как это было при «передних» князьях, ставивших Русь на службу своим походам и завоеваниям.

Поэтому Владимир начинает с объединения земель восточного славянства, с собирания чуть было не рассыпавшегося после смерти Святослава здания древнерусской государственности. В 981 г. Владимир совершает поход «к Ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады».

Так присоединена была к Руси западная окраина восточнославянских земель.

Не случайно в западноевропейских источниках эта русская земля, Червоная Русь, Прикарпатье, носила название «Лодомерия» (искажение «Володимерия»).

Продолжая отбивать у поляков западнорусские земли, в 992 г., по летописи, Владимир предпринял поход далеко в глубь Польши, до самого Калиша, и его поход «на хорваты» увенчался победой. И это самое западное восточнославянское племя вошло в состав Киевской державы.

Русская земля в Карпатах тянулась, согласно западноевропейским источникам, до самого Кракова (завещание польской королевы Оды).

В связи с укреплением границ Руси на западе стоит и поход Владимира в 983 г. «на ятвягы», одно из племён, родственных литовцам.

Владимир «...победи ятвягы, и взя землю их». На этой территории впоследствии сложилась Чёрная Русь и с течением времени возникли города Берестье (Брест), Городно (Гродно), Визна, Новогрудок и др. Здесь, на северо-западе,

Русь во времена Владимира граничила с землёй пруссов (Титмар Мерзебургский, Ибрагим-ибн-Якуб, завещание польской королевы Оды), одного из наиболее многочисленных литовских племён.

За Карпатами граница распространения русского населения шла по Дунаю к Грону, по низменности к Солоной и Тиссе, а оттуда до Семиградских Альп и Татр, т. е. гораздо западнее не только Сана, но и Вислоки.

Так установились западные границы Руси от Закарпатья и Кракова до Восточной Пруссии.

В эти же годы Владимир присоединяет к Киеву земли вятичей.

Под 981 г. летопись сообщает о том, что он «Вятичи победил, и възложи на ня дань от плуга, якоже и отець его имаше». Но вятичи, «заратишася» и «иде на ня Володимер, и победи я второе».

Многочисленные походы киевских князей на вятичей, которые должны были платить дань «от плуга», свидетельствуют лишь о непрочности их подчинения Киеву.

Тем не менее после походов Владимира связь вятичской земли с Киевом и подчинение её князю усилились, и это, конечно, не могло не отразиться на её дальнейших судьбах. Не случайно в памяти народной эти события нашли отражение в известном повествовании о том, как Илья Муромец идёт из Муромца через «леса Брынские» (названные так по имени речки Брыни у Калуги) на Брянск, Карачёв, «реку Самородину» (Смородинная близ Карачёва) и дальше, в Чернигов, т. е. вдоль Оки и Угры на юг, через дебри вятичских лесов.

Так в былинах о подвигах Ильи Муромца, богатыря Владимира Красное Солнышко, отразились реальные связи, установившиеся между «вятичи» и Киевом.

В 984 г. «иде Володимер на Радимичи». Впереди своих войск Владимир отправил воеводу по имени Волчий Хвост. Волчий Хвост встретил радимичских воинов на реке Пищане и разбил их. По этому поводу летописец приводит народную поговорку: «Пищаньци волчья хвоста бегаютъ», которой «Русь корятся Радимичем».

Разгром на реке Пищане привёл к полному подчинению радимичской земли. Мы знаем, что радимичей, по летописи, покорил ещё Олег, но, очевидно, радимичская земля

и «Русь» находились примерно в тех же отношениях, как вятичи и Киев.

Надо полагать, что они длительное время сохраняли какую-то самостоятельность.

Но со времён битвы на реке Пищане радимичи окончательно утрачивают самостоятельность. Киевский князь полностью присоединяет территорию этого малочисленного и слабого племени, устанавливает и регламентирует определённые повинности.

Покорение радимичской земли, лежащей у самого великого водного пути «из варяг в греки», объединение русских земель вдоль этой важнейшей магистрали было окончено.

Закончено было и объединение всего восточного славянства в единое Киевское государство. Русские земли были объединены под одной властью, теперь оставалось их слить в единый массив, а для этого надо было от ратей перейти к заботам «о строе землянем... и о уставе землянем», к заботам о том, как бы покрепче сшить лоскутья, из которых была составлена «аляповатая и скороспелая» «империя Рюриковичей», сплотить их единством власти, управления, законов, порядков, культуры, идеологии, религии.

Ниже мы увидим, как удалось Владимиру разрешить и эти задачи.

Говоря о «ратех» Владимира этого времени, которые мы рассматривали лишь в связи с его борьбой на Западе, необходимо остановиться на походе Владимира с Добрыней на болгар. Под 984 г. в летописи помещён рассказ о том, как Владимир с «уем (дядей) своим» Добрыней направляется на болгар, при этом русские идут в ладьях, а берегом на конях движутся на болгар союзники Владимира — торки.

Болгары были побеждены, но Добрыня якобы заявил, что они — в сапогах, а следовательно, дани давать не будут, «пойдем искать лапотников». С болгарями был заключён мир, и Владимир вернулся в Киев.

Речь идёт, повидимому, о походе на дунайских болгар, что подтверждается некоторыми редакциями «Памяти и похвалы» Иакова Мниха, где говорится, что Владимир ходил на болгар и сербов, т. е. на Балканы, и свидетельством византийского поэта Иоанна Геометра, сообщаю-

щего об участии в греко-болгарской войне 985—986 гг. «скифов», т. е. русских, ибо в Византии русских называли и «рос», и «тавроскифами», и «скифами».

Из нашей летописи и скандинавских саг мы узнаём, что во времена Владимира земля чуди (эстов), Эстляндия, входила в состав Руси.

Сага об Олафе Тригвассоне рассказывает о том, как приехал в Эстляндию Сигурд, «будучи послан от Вальдамара (Владимира), Хольмгардского конунга (Новгородского князя), для взыскания в той стране дани...».

Древняя рунная грамота (конца X или начала XI в.) говорит о том, что далеко на севере, у берегов Ледовитого океана, в районе Варангер-фиорда и западнее, Русь граничит с Норвегией.

Здесь, на северо-западе и севере, русские князья вряд ли встречали какое-либо организованное сопротивление, и установление владычества киевского князя в землях, заселённых западнофинскими племенами, не сопровождалось борьбой. Сами формы русского владычества в Прибалтике, как об этом свидетельствуют позднейшие материалы XII—XIII вв., носили мягкий характер, и подчинение местного населения Руси скорее носило характер союза сильнейших со слабейшими.

Иная обстановка складывалась на юге. Здесь Руси приходилось иметь дело с кочевой стихией черноморских степей — нападениями усиливающихся печенегов — грозных «ворогов» русской земли.

Печенеги подходили к южным окраинам русской земли. Опасность со стороны хищных и воинственных кочевников заставила Владимира «ставить города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне». Эти города Владимир населяет воинами, набранными в землях словен, кривичей, чуди и вятичей.

Для борьбы с печенегами Владимир закладывает Белгород на реке Ирпени, у Киева, укрепляет Переяславль, ходит в Новгород «по верховьние вое на Печенеги, бе бо рать велика бес перестани», возводит укрепления «на очень большом пространстве» (епископ Брунон), состоящие из завалов (засек), валов и тынов с воротами. Укрепления, стоявшие у «последних пределов» древнерусского государства времён Владимира, располагались всего-навсего в двух днях пути от Киева.

Борьба с печенегами, тяжёлая и беспрестанная, хотя и успешная («... воюя с ними и одоляя им» Владимир), породила народные сказания, нашедшие отражения в летописи (об осаде Белгорода печенегами, об единоборстве Яна Усмошвеца с печенежским богатырём).

Она отразилась и в былинах киевского цикла, в которых русские богатыри сражаются с кочевниками-степняками. Только в памяти народной, по вполне понятным обстоятельствам, «злой татарин» заслонил собой печенега, само имя которого в народном эпосе исчезло. Своей энергичной деятельностью по обороне южных рубежей Руси Владимир обезопасил население Киевской земли от нападений печенегов, но печенежская опасность не была устранена, и угроза со стороны печенежской степи продолжала висеть над русской землёй вплоть до времён Ярослава.

Объединение восточных славян под единой властью, в составе единого государства, закончилось. Наметились и укрепились границы Руси. На «богатырской заставе» на юге и на севере, на западе и на востоке стояли бесчисленные «вои» Владимира.

Теперь нужно было приниматься за «строй земленей» и «устав земленей».

Перед Владимиром стала задача — завершить создание Киевского государства, собрать в своих руках все силы восточнославянского мира, а для этого требовалось сосредоточить в своих руках более непосредственную и действительную власть над ним.

В те времена в отдельных землях и областях Киевской державы сидели и правили всевозможного рода «светлые и великие князья» — племенные князьки, «находници»-варяги, скандинавские конунги, «воеводы», вроде Свенельда, и прочие самостоятельные или почти самостоятельные правители.

Теперь этой самостоятельности отдельных земель, входивших в состав Киевского государства, приходил конец. Вместо «светлых и великих князей» по городам — центрам отдельных областей Руси — Владимир рассадил своих сыновей, связав таким образом различные земли древней Руси со стольным Киевом династическими, семейными узами.

Летопись называет имена двенадцати сыновей Владимира, детей его многочисленных жён. От Рогнеды у него были сыновья Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод, «от Грекине» Святополк (собственно, сын Ярополка, так как, когда, по закону левирата, Владимир взял в жёны вдову убитого Ярополка, она уже «бе непраздна, от нея же родися Святополк»), «от Чехине» Вышеслав, «от Болгарыни» Борис и Глеб, «от другия» Святослав, Станислав, Судислав, Позвизд.

Многих сыновей Владимира знают византийские и западноевропейские источники (Кедрин, Титмар Мерзебургский, Эймундова сага).

Как же были посажены по «землям» и «градам» Киевской державы сыновья Владимира?

Прежде всего Владимир посадил по городам четырёх своих старших сыновей. Вышеслав сел в Новгороде, Изяслав — в Полоцке, Святополк — в Турове и Ярослав — в Ростове. Судислав сидел в Пскове.

После смерти Вышеслава в Новгород был посажен Ярослав, в Ростов — Борис, в Муром — Глеб, в Древлянскую землю — Святослав, во Владимир на Волыни — Всеволод, в Тмутаракань — Мстислав, в Смоленск — Станислав, на Волынь, по сообщению позднейшей, Густынской летописи XVII в., — Позвизд.

Сыновья Владимира не были прочно, на всю жизнь, связаны с определённым городом и землёй. Это не было ещё деление Руси на отчины-уделы. Они лишь правили Русью, вернее, её отдельными частями, от имени великого князя Киевского, они были лишь соправителями — помощниками отца, участниками княжеского управления. Они не могли заявить, как позднее, «се мое», ибо были лишь совладельцами всего того, что принадлежало всему княжескому «роду», всей семье в целом. Поэтому было бы грубейшей ошибкой считать, что «посаждение» Владимиром сыновей по городам и землям Киевской державы есть как бы начало феодального раздробления древней Руси.

Наоборот, таким путём Владимир сплачивал русские и нерусские земли Киевской державы в единое государство.

Сыновья Владимира не были полновластными хозяевами земель, а скорее воеводами отца, смещаемыми и

перемещаемыми. Исключение составляли лишь Полоцк, где сидели «Рогволожи внуки», сын Владимира от Рогнеды — Изяслав (умер ещё при жизни отца в 1001 г.) и внук Брячислав, Полоцк, ставший центром фактически самостоятельного княжества; Новгород, плативший Киеву две тысячи гривен в год и одну тысячу на содержание киевских воинов, поставленных гарнизоном в Новгороде, да земля вятичей, где власть киевского князя была в значительной степени номинальной до конца XI и начала XII в.

В общественно-политической жизни Руси происходят громадные сдвиги. Процесс развития феодальных отношений идёт и вширь и вглубь, охватывая всё новые и новые территории.

Усложнялась не только социальная структура древнерусского общества, усложнялись и политическая его жизнь, его государственное устройство.

Всё это должно было привести к значительным сдвигам в области идеологии, а так как господствующей формой идеологии того времени была религия, то, следовательно, эти сдвиги должны были прежде всего вылиться в религиозную реформу. Религиозная реформа диктовалась также окончательным объединением Владимиром в единое государство всего «словенск язык на Руси», а с ним вместе и тех неславянских восточно- и западнофинских и литовских племён (чудь, меря, весь, мурома, голядь и др.), которые органически слились с «руським» и полностью руссифицировались. На месте племенных богов и культов, на месте религиозной пестроты, стадияльной и племенной, должен был установиться единый пантеон богов, единый культ, который бы соответствовал тому объединению земель и племён, которое добила светская власть Руси. Этот пантеон богов, этот единый культ должен был освятить перемены, происшедшие в социальной и политической жизни древней Руси, освятить нарождающиеся феодальные порядки, новый государственный строй, перенести на небеса те формы общественной жизни, которые сложились на земле, и с небес благословить те порядки, которые создались на Руси. Позднее на сцену выступает и ещё одна причина религиозной реформы, на этот раз обусловленная не столько изменениями внутренней жизни Руси, сколько

её деятельностью на международной арене. Речь идёт о том, с кем пойдёт Русь — с католическим Западом, с византийским православным Югом или с мусульманским Востоком. Русь, выйдя на просторы мировой истории, не могла уже оставаться языческой державой; она должна была примкнуть к одной из трёх цивилизаций, к одному из трёх центров тогдашнего цивилизованного мира, с которым она общалась всё чаще и чаще и устанавливала всё более и более тесные связи.

Таким образом, религиозная реформа как результат изменения идеологии всего древнерусского общества и прежде всего его господствующей классовой верхушки, диктовалась причинами внутреннего и внешнего порядка. И не случайно, идя по пути религиозных реформ, разрешая эту первую задачу — приспособление религии к новым формам общественной жизни, Владимир ищет и находит материал для своей преобразовательной деятельности в самой языческой среде древней Руси, а принимаясь за разрешение второй, связанной с укреплением международного положения Руси, со включением её в тот или иной очаг цивилизации Востока и Запада, становится на путь религиозного заимствования, и принятие Русью христианства, православия, как это мы увидим ниже, окажется связанным с крупными политическими событиями на мировой арене.

Почему же языческая религия не могла удовлетворить требованиям зарождающейся на Руси феодальной верхушки?

Даже беглый взгляд, брошенный на языческие верования древних славян, заставляет нас сделать вывод, что в них отслоились религиозные представления, а следовательно, и идеология самых различных ступеней в развитии первобытного, доклассового общества.

Сохранялись следы фетишизма. Так, например, восточные славяне почитали камни какой-либо необычной формы («жруще... камнем»).

Оставались пережитки тотемизма, веры в чудодейственную силу животных, от которых якобы вели происхождение те или иные родовые группы. Такими тотемами были змея, волк, медведь, кукушка, ворон. Вера в оборотней и переодевание в шкуры зверей (например, во время колядок) — пережиток тотемизма.

Сохранялись пережитки древней магии. Всё вокруг себя славянин населял духами. Эти духи могли помогать или вредить человеку. Их надо было умиловать, приносить жертвы, совершать моления. Каждое явление природы, растение, животное одухотворялось, очеловечивалось.

Молились болотам и кладезям, водам и рощам, озёрам и рекам, молились духам («бесам»), упырям и берегиням (русалкам), молились под овином, в священных рощах, у вод и т. д.

Все эти верования — остатки далёкой поры, пережитки седой древности.

С течением времени верования древних славян преобразовывались, видоизменялись. В эпоху родового строя зарождается культ предков. Он появляется в связи с возникновением культа мёртвых, с представлением о том, что жизнь продолжается и после физической смерти. Поэтому покойники могут помогать живущим (предки), могут и вредить им (упыри и берегини). На более ранней стадии, когда «...бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.», нужно было озаботиться прежде всего умилованием злых духов, духов «чужих» покойников. Поэтому и появилась вера в упырей и берегинь.

С разрастанием и усилением родов и укреплением родовой организации на первое место выступает культ предков — Рода и Рожаниц, культ «навьев». Это был период патриархата.

По мере распада родовой организации, возникновения и укрепления моногамной семьи Род и Рожаницы, покровители рода (Род впоследствии носил иное название — Чур или Щур; откуда «чур меня», т. е. «чур, заступись за меня») в целом, отходят на второй план, о них забывают, и на первом плане выступают покровители отдельных семей — домовые.

Древнеславянские берегини трансформируются в русалок. Русалки — души усопших людей. Лишь определённое время они живут в воде, в реках и колодцах, до Троицына дня, а после Троицы они переходят на землю и живут в лесах, на деревьях. Русалки иногда выступают под другим названием — вилы.

По покойникам устраиваются пиршества — тризны, справляется «навий день». Собираются всем родом и совершают пиршество. На могилы льют воду, мёд, кладут блины, яйца, выкрашенные кровью. Культ «навий» («навьев») связан с баней. Сюда приходят молиться предкам — «навьям», ожидая, что последние явятся мыться, сыплют пепел и по пеплу узнают, явились «навьи» или нет. Сюда же приносят вино, мясо, яйца, масло, сыр, «кроют хлеб» и съедают принесённое. Такие же моления и тризны устраивают Роду и Рожаницам. Такие тризны в честь предков, угощения и «навий» в форме братчин долгое время ещё существовали на Руси.

Молились в «рощении», в «дрова», священным рощам и деревьям, вроде этого огромного дуба, который стоял на острове Григория на пути «из варяг в греки».

Молились у колодцев, родников, рек, озёр, у священных камней и холмов, под овином огню-сварожичу. Приносили жертвы продуктами, курами, петухами, о чём свидетельствуют не только древнерусские, но и византийские и восточные источники (Лев Диакон, Константин Багрянородный и др.).

Священный огонь-сварожич, которому молились древние славяне («кто под овином молится или во ржи», «огневи сварожичю молится», «иже молится огневи под овином», «огневи молятся, зовуще его сварожичемь», «коровай молят вилам, и огневи под овином»), связан с огнём, который сушит хлеб на корню или в овине и, несомненно, обусловлен земледельческим бытом. Не случайно сварожичу-огню молятся «под овином» или «во ржи». Это земледельческий культ, связывающий огнепоклонство с почитанием солнца, культ, покоящийся на труде славянина-земледельца, ибо огонь небесный — солнце и огонь земной одинаково служат на благо человека.

Культ воды, ярко выступающий в молениях у рек и источников, у озёр и кладезей, когда славянин «реку богыню нарицаеть», воды, которой приносят жертвы (кур, людей), которые «в водах потопляеми соуть», свидетельствует об олицетворении животворящей силы воды. «Ов требоу сътворити на стоуденьци, дьжда иски от него», — говорится в «Слове Григория Богослова», и это свидетельствует о земледельческом характере культа

воды. Древний славянин, умиловляя влагу земную, рассчитывал на то, что на его поля изольётся влага небесная. Почитание воды и источников должно было спасти от засухи, вызвать дождь на его нивы.

Такой же производственный характер носил культ леса, культ деревьев. Так сложился земледельческий культ.

С этой земледельческой религией связаны и языческие праздники древней Руси.

Они отражают смену времён года и смену земледельческих работ.

За Корочуном, самым коротким днём года, наступают праздники, на которые перешло римское название «коляды» (calendae). Остатки колядовых обрядов (вечеря среди снопов, куч хлебов, ворожба и пожелания урожая, приглашение мороза на кутю) говорят о земледельческом характере праздника. Приход весны связан с масленицей, с весенними праздниками («веснянками») и весенними играми. Они переходят в «зелёный праздник» — Троицу, когда весна встречается с летом. Это одновременно праздник расцветания природы, «русалья неделя», «навий день» (который, кстати, отмечается и в другое время, что говорит о наличии нескольких праздников предков, — то ли остаток нескольких видов этого культа, то ли рудимент различных племенных культов мёртвых). Летний поворот солнца — время максимального расцвета природы — связан с днём Купалы. В этот день совершались обряды, долженствующие обеспечить плодородие и урожай, обряды, связанные с культом огня и солнца, с воскресением растительности. В древности на Купалу приносили в жертву девушку, которую топили в реке, затем её заменяла кукла («Купала», «Кострома», «Ярило», «Кострубник»).

Праздник Купалы олицетворял возрождение духа живой, растительной природы, возрождение самой природы, от которой зависело благополучие земледельцев-славян. С праздниками природы связывалась «гремяцкая неделя», день бога солнца и плодородия Ярило («всехсвятское заговенье» христианских времён), день Лады («Фомино воскресенье») и др.

Такова была религия древних славян, земледельцев-общинников, корни которой на протяжении столетий не могло выкорчевать христианство и вынуждено было пойти

на уступки язычеству, освящая древних богов и древние праздники.

Нам известны главные боги славян. Это прежде всего Сварог, бог неба, бог огня небесного. «Сын Сварогов еще есть Дажбог», т. е. солнце. Сварожичем был и огонь земной. Сварог — главный и, быть может, древний бог, функции которого с течением времени перешли к специализированным божествам. Источником всего благополучия выступает бог солнца Дажбог, он же Хорс и, быть может, и Ярило. Богом молнии и грома был Перун, о котором, как о божестве древних антов и славян, говорит ещё Прокопий. Богом ветра выступает Стрибог, сами ветры назывались «стрибожьими внуками». Волос, скотий бог, одновременно покровитель торговли, Симаргл и Мокошь — два божества, сущность которых остаётся неясной, загадочные Переплут, Дый, Троян, — таковы главные божества восточных славян.

Боги стихий, стоявшие как бы за явлениями природы, свидетельствуют об обоготворении древними русскими сил природы.

При этом следует подчеркнуть многоплеменной характер древнерусской языческой религии. Наличие нескольких наименований для бога солнца говорит о том, что отдельные группы племён каждая по-своему называла бога солнца и, быть может, по-своему поклонялась ему.

Многоплеменное происхождение славянских богов подтверждается тем, что, например, Хорс несомненно не кто иной, как иранский «Хуршид» (солнце), а Мокошь — женское божество восточнофинского происхождения.

С течением времени, по мере усложнения социальной жизни, боги стихий приобретают социальные функции. Перун становится дружинным богом, Волос — богом-покровителем торговли.

Издrevле у славян существовали волхвы, носители народных религиозных представлений и таинственных знаний, заклинавшие и предсказывавшие, врачевавшие и исполнявшие различные религиозные обряды.

Древнерусские волхвы напоминали сибирских шаманов. Могла ли удовлетворять потребностям быстро развивающегося классового общества и государства такая религия, пёстрая, многослойная, отражающая в своих представлениях и обрядах различные этапы общественного

развития, разностадиальная и разноплеменная, религия, порождённая родовым обществом, первобытно-общинными отношениями, религия, исполнители обрядов которой не оторвались от рода, общины, семьи?

Конечно, нет.

Всё это заставило Владимира приняться за религиозную реформу.

И на первом её этапе Владимир ограничился перестройкой языческой религии. Прежде всего Владимир превращает культ Перуна, бога грома и молний, дружинного бога, в культ всей земли русской. Он выносит его кумир из «двора теремного», где ему поклонялись дружинники, превратившие почитание его, бога древних антов, в свой, дружинный культ, а самого Перуна сделавши своим покровителем и заступником на небе, и ставит его «на холму вне двора теремного». Тут же воздвигнуты были кумиры «Хърса, Дажьбога, Стрибога, и Симарыгла, и Мокошь».

Так был создан пантеон¹ богов Владимира в Киеве.

Культ Перуна, становящегося богом всей Руси, распространяется и на Новгород и на другие города Руси.

Свой княжеско-дружинный культ, культ Перуна, культ «Рюриковичей», Владимир превращал в религию всей земли Русской и этим самым облёк в религиозную реформу превращение власти великого князя Киевского из власти одного из «светлых великих князей», «иже суть под рукою его», в единственную на Руси подлинно государственную власть, великого князя всей русской земли, земли многоплеменной, обширной, могущественной.

Мы видим, таким образом, как в реформе языческой религии, проведённой Владимиром, отразились изменения, происшедшие в её государственном строе.

Была и вторая сторона языческой религиозной реформы Владимира. Пантеон его богов подчёркивал объединение под властью киевского князя славянских и неславянских племён Руси уже тем, что включал в свой состав божества различных племён, носившие славянские (Дажьбог, Стрибог, Перун), иранские (Хорс, Симаргл) и финские (Мокошь) имена.

Казалось бы, Владимир достиг своей цели. На небесах восторжествовала система, установившаяся на земле

¹ Пантеон — храм, посвящённый всем богам.

и с небес благословившая дружинный культ, культ объединённой под властью великого князя Киевского полуварварской-полуфеодальной знати единого Русского государства.

Но проходит немного времени, всего-навсего несколько лет, и на Руси утверждается христианская вера по византийскому обряду.

Чем объяснить такой крутой перелом?

Почему Владимир остался неудовлетворённым своей так недавно проведённой религиозной реформой?

Почему понадобилось сделать христианство господствующей религией на Руси?

Есть одна особенность языческой реформы Владимира: она была национальной, русской, национальной, конечно, в том смысле этого слова, в котором понятие «национальная» может быть применимо по отношению к древней Руси. Она не ставила Русь, хотя бы даже относительно, в какую-либо зависимость от другой страны. Для системы религиозных преобразований, отражающих изменения во внутренней жизни страны, казалось бы, достаточно было трансформировать старую языческую религию. Для укрепления международного положения Руси было необходимо более решительное преобразование и включение Руси в религиозную систему одного из центров тогдашнего цивилизованного мира.

Но в самом ли деле пантеон богов Владимира, его религиозная реформа могли удовлетворить требованиям зарождающегося и крепнущего классового общества? Нет. Она всё же была паллиативом, полумерой и только полумерой.

При сохранении языческой религии вообще, а с ней вместе языческого многобожия, трудно было добиться распространения культа того пантеона, который создал Владимир. Оставалось множество языческих богов и божков, т. е. та самая религиозная пестрота, ликвидировать которую стремился своей реформой Владимир. Нужны были решительные меры по искоренению язычества вообще, всех языческих богов вообще, так как только таким путём можно было добиться религиозного единообразия. Следовательно, нужна была новая религия.

Старая языческая религия, отражающая, правда, различные стадии общественного развития, но порождённая

всё же доклассовым обществом, во всём абсолютно сохраняла пережитки первобытно-общинного равенства и не годилась для освящения классового общества. Всеми своими богами, всеми верованиями и религиозными обрядами она уходила в род, общину и уж по этому одному не могла удовлетворить запросам оформляющегося из варварской знати господствующего класса феодалов.

Нужны были новые представления о мире, мироздании, о морали, этике, праве и т. д., соответствующие изменениям, происшедшим в стране. Старая языческая религия не могла их дать, так как все её представления о мире зиждились на идеологии доклассового общества.

Языческие кудесники и волхвы, не говоря уже о ведунках, знахарях, ведьмах, были тесно связаны всё с тем же родом, общиной. Не случайно именно они выступают впоследствии руководителями восстаний смердов, так называемых «восстаний волхвов», так как языческая религия, за которую они боролись с христианством, была символом уходящего в прошлое общинного строя, родового быта, одинаково близкого и им и смердам.

Служители культа должны были сплотиться в мощную организацию и стать верными помощниками феодализирующейся знати, слиться с нею, чего языческие волхвы сделать не могли, ибо в их распоряжении такой организации не было. И с принятием христианства они оказались за бортом истории, так как в распоряжении православной церкви была мощная организация духовенства. Всё это, обусловленное внутренним развитием Руси, со всей очевидностью показало, что реформа языческой религии, проведённая Владимиром, не достигла своей цели. Нужны были новое содержание и новые формы религии.

Успехи же Руси на международной арене и её потребности и претензии, на которые она имела достаточно прав и все основания, с не меньшей силой толкали её по этому же пути. Казалось бы, принятие религии извне, чужой и мало известной народу, могло привести не только к идеологическому, но и политическому подчинению Руси той державе, религию которой заимствовала бы Русь. Такая угроза существовала. Но Русь, русский народ оказались, как это мы увидим ниже, настолько сильны, настолько

Мощной и многообразной была русская народная культура, что византийское православие на русской почве приобрело особенный характер, было амальгамировано язычеством, окрасилось в русские тона, приобрело национальный характер.

Недостаточность проведённой реформы языческой религии, необходимость кардинального решения вопроса о религиозной оболочке новой идеологии, идеологии складывающегося феодального общества и государства — всё это Владимиром было осознано задолго до того, как состоялось официальное крещение Руси.

Перед ним встал вопрос: с кем идти, какую религию заимствовать, сделать господствующей на земле Русской? У кого и как заимствовать ту оболочку, в которую должна была облечься идеология нового общества?

Было несколько путей. Ийти с Хазарией, заимствовать иудейскую веру? Но престиж разбитой Святославом Хазарии пал очень низко. Её, собственно говоря, уже не было. Ийти с мусульманским Востоком? Но Русь была всё же далека по своей культуре от государств, где господствовал ислам. Гораздо теснее была связь Руси с христианским миром.

Христианство проникало на Русь из Хазарии. Шло оно и другим путём, с Запада. Достаточно указать на посольства Ольги и Ярополка к Оттону, приём Ярополком послов из Рима, от папы, отметить некоторые особенности русской православной церкви, сближающие её с западно-христианской (имена святых Канута, Албана, Олафа, Войтеха, Людмилы, мощи Климента в Киеве, праздник Николы вешнего).

Но главным источником христианства была Византия.

Мы уже говорили о христианстве и христианах на Руси до Владимира. Почему же оно тогда ещё не стало господствующей религией?

Потому что только к концу X в. Русь оказалась в результате внутреннего своего развития подготовленной к принятию христианства.

И принимает Русь христианство по восточному, византийскому, обряду потому, что обе страны, Русь и Византия, были издавна связаны друг с другом.

Древние торговые, культурные и политические связи сделали своё дело: Русь приняла религию феодальной

Византии; «Религия и цивилизация России — византийского происхождения». ¹ По самой своей форме византийское православие было наиболее приемлемой для Руси религией: его монотеизм (единобожие) был очень условен, почитание многочисленных святых и иконопочитание облегчало замену языческих богов, самая пышность византийского богослужебного ритуала чрезвычайно импонировала вкусам падкой до роскоши княжеско-дружинной среды Киевской Руси.

Принятие христианства как государственной религии обросло позднее домыслами, легендами и т. д. Появился знаменитый рассказ об «испытании вер», о посольствах Владимира. Дата и место крещения Владимира разными источниками даются по-разному (987, 988, 989 гг., до и после похода на Корсунь, место крещения: Корсунь, Киев, Василёв). Известия летописей, «житий Владимира», греческих и арабских источников (Кедрин, Зонара, Яхья-ибн-Сауда, Аль-Мекин) противоречивы и сбивчивы. Анализируя все эти источники, сравнивая их и сопоставляя, мы всё же можем выяснить некоторые подробности принятия Русью христианства. Оно оказывается связанным с международной обстановкой.

В 986 г. болгары во главе с Самуилом разбили византийского императора Василия II Болгаробойцу. В это же время подавивший восстание Варды Склира византийский полководец Варда Фока объявил себя императором и двинулся из Малой Азии на Константинополь. Василий II и его брат Константин попросили у Владимира помощи. Владимир охотно согласился; был заключён договор, по которому русский князь оказывал военную помощь византийским императорам в их борьбе против мятежного Варды Фоки, а за это Византия должна была приобщить Русь к христианству и, кроме того, женой Владимира должна была стать «порфирородная» сестра императоров Анна. Это была большая дипломатическая победа Владимира, свидетельство слабости Византии, могущества Руси и успеха русского князя. Получить в жёны «порфирородную» византийскую царевну — это большая честь для «могущественного правителя Севера» — Владимира, честь, в которой незадолго до этого было отказано германскому

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 439.

императору Оттону. Кроме того, Владимир получил византийский придворный чин стольника.

Русь должна была стать христианской державой.

Это обстоятельство имело двойкий характер. С одной стороны, император таким путём (что вообще чрезвычайно характерно для Византии) пытался распространить вместе с религией церковное влияние на Русь, а следовательно (что не разделялось в византийской практике), влияние политическое. С другой же стороны, способствуя превращению Руси в христианскую державу, Византия тем самым объективно вводила её в ряды цивилизованных христианских государств Европы и укрепляла её международное положение.

Летом 988 г. шеститысячный русский отряд был уже в Византии и сражался в войсках Василия.

В боях у Хризополя и Абидоса русский отряд совместно с византийскими войсками разбил мятежные войска. Отвлекаясь несколько в сторону, отметим, что этот постоянно пополняемый русский отряд сражался в Северной Сирии у Химса (999 г.), у Эрзерума, в Таронском округе (1000 г.), в Италии при Каннах (1019 г.), в Сицилии и Апулии (1038—1042 гг.), при Шегфе, у Эрзерума (1031 г.), под Пергри (1033 г.), в Пелагонии (1016 г.) и т. д. Всюду сверкал русский меч и всюду покрывалось славой русское оружие.

Вернёмся к вопросу об обстоятельствах крещения Руси.

Характерно отметить, что во времена летописца существовало несколько версий крещения самого Владимира.

Во времена летописца одни говорили, что Владимир крестился в Киеве, другие называли местом его крещения Василёв; одни полагали, что Владимир принял крещение на Днепре, другие — на Почайне, а «...друзии же инако скажють...».

В ряде источников говорится о том, что Владимир крестился в Корсуне (Херсонесе) после взятия им города. Эта сбивчивость объясняется сознательным стремлением греческого духовенства на Руси в XI в., в руках которого чаще всего находилось летописание, приписать Византии решающую роль в деле крещения киевского князя.

Но анализ и сличение русских, византийских и восточных источников дают возможность сделать вывод, что Владимир крестился на Руси, в Киеве, и сразу же после

заклучения им соглашения с Василием II о помощи, женитьбе и крещении, т. е. в конце 987 г. Когда Владимир ходил на Корсунь, он был уже христианином.

Но почему Владимир, только что заключивший соглашение с Василием «о сватовстве и женитьбе», вдруг внезапно нападает на крымские владения своего шурина?

Нет никакого сомнения в том, что поход Владимира на Корсунь был вызван тем, что Русь, выполнив свои обязательства по договору с Василием, ожидала того же от Византии. Последняя же, получив шеститысячный русский отряд, не торопилась осуществить договор: выдавать за муж за «варвара» «порфирородную» Василию всё же не хотел.

В 988 г. Владимир «к порогам ходи», очевидно, поджидая там, в самом опасном месте днепровского пути, посольство императора и Анну, но вернулся обратно с горечью и разочарованием. Из Царьграда никто не приехал. Тогда Владимир решает силой оружия заставить императора выполнить своё обязательство, и весной 989 г. русские ладьи, спустившись по Днепру, пристали к Херсонесу.

Началась осада. Русские насыпали перед стенами города земляной вал («приспу»), для того чтобы по нему ворваться в город. Корсунцы же «крадуше сыпленную персть» и относили к себе в город, ссыпая землю «приспы» «посреде града». Осада затягивалась. Но недаром ещё со времён Игоря, а быть может, и ранее русское влияние распространилось на Крым.

В осаждённом Херсонесе нашлись люди, которые помогли Владимиру.

Корсунянин Анастас (вариант — варяг Ждьберн) стрелой, пущенной в лагерь Владимира, сообщил ему, где пролегает водопровод, снабжающий осаждённый город водой.

Корсунь был взят.

Владимир посылает гонцов к Василию и Константину, угрожая им походом на Царьград, если они не выполнят своего обещания.

Угроза была реальной. Увидеть под стенами Византии русское войско не входило в расчёты императора. Пришлось выполнять условия договора с Владимиром, сумевшим мечом добиться восстановления своих поправленных прав.

В Корсунь прибыла Анна. Отдав Корсунь Василию «за вено... царицы деля», Владимир с Анной, Анастасом и «попы Корсуньски», взяв мощи святых Климента и Фифа, церковные сосуды, иконы, «ида (идолы. — В. М.) медяны две капищи, и 4 кони медяны», возвращается в Киев.

Приходил конец языческим богам. Рассыпался пантеон богов Владимира. Свергнуты были кумиры Перуна в Киеве и Новгороде. Владимир повелел каменных идолов «исещи, а другия (деревянные. — В. М.) огневи предати». «Посемь же Владимир посла по всему граду, глаголя: аще не обрящется кто завтра на реце, богат ли или убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет».

Новую веру, как мы видим, вводили силой: «Аще кто не обрящется на реце, будет повинен и противен и имения лишен будет, а сам казнь да примет».

Городской люд крестили, «заганивая в реку их, аки стада», так что «аще кто и не любовно, но и страхом повелевавшего крещахуся».

На Руси учреждаются три епископии: Киевская, Новгородская и Белгородская.

На том месте, где стоял идол Перуна, Владимир строит церковь святого Василия, имя же Василия Владимир получил по крещению.

Вслед за тем была воздвигнута каменная церковь Богородицы, так называемая Десятинная церковь.

Десятинной церкви он дал «от имения своего и от град своих десятую часть». Отсюда и её название.

Вскоре была заложена церковь Преображения в Василёве.

Киевским епископом стал корсунянин Анастас; новгородским — Иоанн Корсунянин. Владимир даёт церкви первый церковный устав. Дела по преступлениям против церкви и дела семейного характера были переданы церковному суду. Ряд категорий населения, так называемые «церковные люди» (духовенство, служители при церквах, лекари и т. д.) были изъяты из ведения княжеского суда и переданы церкви.

Так было создано вслед за церковной организацией церковное законодательство, появились «церковные люди», установлены были доходы церкви. Церковь сливалась с государством, верой и правдой служила князю.

Так христианство по восточному, греческому обряду стало господствующей религией на Руси.

Какое же значение имело принятие Русью христианства?

Владимир, обращая русский народ в христианскую веру, ставил своей задачей укрепить на Руси идеологию, соответствующую прогрессивному развитию древнерусского общества, идущего по пути феодализма. Этого он добился. Добился того, чего не могла достичь любая реформа старой языческой религии. Крещение ускорило консолидацию феодальных порядков на Руси.

Церковь боролась с пережитками родового строя: до моногамной семьёй, левиратом, патриархальным браком, многожёнством, когда многие «без стыда и без страху две жены имеют», наличием наряду с «водимыми», законными жёнами наложниц («аще две жены кто водит»), умыканьем («аще кто умчит девку»), с кровной мезтью.

Церковь боролась с рабством. Она осуждала тех, кто продаёт рабов в «поганья», спекулирует рабами и т. п.

Таким образом, церковь способствовала укреплению новых, более прогрессивных феодальных отношений.

Принятие христианства имело огромное значение в развитии русской материальной и духовной культуры, о чём речь будет ниже.

Нам кажется необходимым поставить другой вопрос: какой характер носило христианство на Руси времён Владимира?

Гимном радости, необычайной жизнерадостностью и оптимизмом звучат воспоминания о Владимире.

Прославляя «похвалами великая и дивная сотворившего нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли, Владимира», митрополит Илларион, современник Ярослава Мудрого, восклицает: «Кого бо тако бог любит, яко же ны возлюбил есть? Кого тако почел есть, яко же ны прославил есть и вознесл? Никого же».

Ему, Владимиру, великому кагану, поют славу русские люди, ему, который «колико добра сотвори Русьстей земли, крестив ю». «Сего бо память держат русьтии люди, поминающе святое крещение». Его, Владимира, чтут и к нему обращают свои взоры «новые людье» — христиане.

Идущие от времён Владимира представления о мире, о боге, о христианстве, о людях, о Руси, отразившиеся в древнейших источниках (летописи, «Житиях Владимира», «Памяти о Похвале», «Слове о законе и благодати»,

«Толковой Палее»), чужды монашеского аскетизма и отрицания мира, сует «мирской» жизни, земных страстей.

Всё это является полной противоположностью тому, что характеризовало собой византийскую церковь, проникнутую мрачным духом монашества, аскетизмом, унынием, запретами, строгими требованиями лишений и постов. На Руси же монашества ещё не было. Оно возникло только при Ярославе. Монахи не играли никакой роли в крещении Руси. Не были монахами и русские епископы. Они все были представителями церкви, а не монастыря, белого, а не чёрного духовенства. Русские князья и бояре были чужды монашества, не принимали предсмертного пострига и были убеждены в том — и в этом их укрепляла древнерусская книжность, — что стать святым нужно и возможно, не уходя от мира, а оставаясь в нём.

«Новые людье» — русские были уверены в том, что, крестившись, они уже получили «спасение», и в этом одна из причин религиозного оптимизма древней Руси. Религиозный оптимизм предполагал, что путь к «спасению» не в покаянии, не в постах и лишениях, а в самом крещении, причём главной «заповедью» является милостыня, которой приписывается «спасающая» сила, едва ли не большая, чем всякого рода «таинства». Поэтому древнерусское христианство проникнуто необычайной жизнерадостностью, а его практика сводилась к милостыне для бедных и к участию в пирах, проникнутых чувством радости и любви, примиряющих «радость веры» «новых людей» — христиан, крещением добившихся «спасения», с «радостью жизни», характерной для варварского общества, где, правда, уже начинают зарождаться тяжёлые формы господства и подчинения, а с ними вместе эксплуатация и гнёт, но где всё же сохраняются следы первобытно-общинного равенства, патриархальных взаимоотношений между «лучшими мужами» и «простой чадью», «сельским людем», где сохраняются ещё пережитки былой независимости общинника, того варварского общества, которое овеяно славой бесчисленных войн и побед, сделавших Русь «ведомой и слышимой... всеми концы земля».

В этой связи несколько слов о пирах и милостыне. Пир — явление, уходящее в языческую древность. Они восходят к религиозным обрядам седой старины, когда устраивали пиры в честь мёртвых (моления в банях «на-

вьям» и трапезы Роду и Рожаницам). Постепенно, с выделением господствующей богатой знати, эта последняя устраивает пиры всем своим сородичам, потомкам одних и тех же свято почитавшихся предков. Всё это подчёркивает благотворительность богатых, их влияние и значение.

Эти пиры отнюдь не для избранных. Нет, они устраиваются для всех, званых и незваных, как символ щедрости и влияния. Пир одновременно и жертва, и моление, и милостыня.

В этой своей сущности древнерусские языческие пиры и были освящены христианской церковью. И любовь «ласкового» Владимира к пирам проистекала не от того, что «Руси есть веселие пити», или, вернее, не только от этого, что было пережитком старинных обычаев, а прежде всего была обусловлена политической жизнью новообращённой Руси.

Пирьы Владимира были местом встреч былинных богатырей, где они вспоминали о своих подвигах и откуда они направлялись их совершать; местом встреч летописных «старцев градских», «старейшин», т. е. «земской» знати, с боярами и градинами, т. е. княжой дружиной, княжими мужами; местом встреч, где выковывалась основа их тесного слияния и взаимопоглощения. Но они же, эти пиры «ласкового» князя Владимира, преследуют и другую цель. В такой форме Владимир выполнял главную заповедь своего оптимистического христианства, а именно — «творил» милостыню. Вот поэтому-то, «варя 300 провар меду» и собирая бояр, посадников и старейшин, он не забывает «люди многие» и «раздая убогим 300 гривен». Вот почему он «повеле всякому нищему и убогому приходи на двор княжь, и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъницъ кунами», пристроил около княжеского двора столы, на которых лежали хлеб, мясо, рыба, овощи, стояли в кадках мёд и квас, велел развозить по городу для больных, немощных и нищих всякие продукты и раздавать их «на потребу». Всю неделю была открыта княжеская гридница, где пили и ели бояре и гридьба, сотские и десятские и всякие «нарочитые мужи».

Так понимал свою обязанность по отношению к новой религии Владимир, и это продолжало традиции языческих пиров и способствовало росту его популярности, укреплению его авторитета. «Ласковый» князь Владимир русских

летописей, «щедрый конунг Вальдамар» скандинавских саг, совершая милостыню, по-своему служил своему христианскому богу. И заменивший на княжеских пирах волхва и скомороха священник вынужден был санкционировать полужыческий-полухристианский обряд, так как он не расходился с христианской догмой.

Даже нерасположенный к Владимиру Титмар Мерзбургский отмечает, что Владимир «очистил себя от пятна прошедшего раздачею щедрой милостыни», выкупал пленных и кормил их.

Влияние Владимира росло. Он, «равноапостольный», насадивший на Руси христианство, просвещение, «книжность», был одновременно князем-«милостником», «ласковым» князем, широко раздававшим милостыню и пировавшим не только со своей дружиной, но и с «люди многы». И таким вошёл он в русский народный эпос и в древнейшие произведения русской книжности. Что делает былиный князь Владимир? Пирует, гуляет в стольном граде своём Киеве. Рекой льётся вино, звучат речи, поют застольные песни, рокочут струны под пальцами баяна, «соловья старого времени», «Велесова внука». Поют гусли о «делах давно минувших дней», и первые историки-гуслиры слагают свой сказ о богатырских делах русских витязей, о «старых» князьях. Тут — гридьба и бояре, старцы градские и нарочитая чадь. Все они — «новии людье христианьстии». А с ними рядом — сменивший волхва священник. И это не разгул, не пьянство, не разврат — христианская церковь борется с такими пирами; это милостыня и жертва, обряд и политическое собрание одновременно. Таковы пиры «великого кагана» земли русской, Владимира, «равноапостольного» и «ласкового» Владимира Красное Солнышко. Чем же объяснить этот религиозный оптимизм, жизнерадостный, «мирской», реалистический характер древнерусского христианства времён Владимира? Чем объяснить, что, заимствовав у Византии религию, Русь не перенесла в свою идеологию ни аскетизм, ни монашество, ни все эти запреты, лишения, посты, мрачность и уход от мира?

Причина религиозного оптимизма лежит в самой Руси. Русь с невероятной силой рвалась вперёд, и ничто и никто не мог остановить её победного марша. Сознание гордости за свою страну, за её дела пронизывает древне-

русскую литературу. Русь быстро шла вперед по пути прогресса. Она была богата и сильна. Её общественная, культурная и государственная жизнь быстро развивалась. Русь буквально во всём шла от успеха к успеху, от победы к победе. Она была полна сил. И в то же самое время она ещё сохраняла лучшие черты эпохи военной демократии. Тяжкий феодальный гнёт ляжет на плечи народных масс только спустя некоторое время. Основная масса «людьа» земли Русской ещё свободна, ещё не успела превратиться в закупов и холопов, рядовичей и изгоев, в разного рода челядь княжеского, монастырского и боярского хозяйства. Они — подданные, а не рабы, они — «вой», а не вооружённые холопы, они — совладельцы общинных земель и угодий, а не безземельные рабы, они — свободные, а не «челядь невольная», они — истцы и ответчики перед судом, а не бесправная масса крепостных. Поэтому в памяти народа образ Владимира приобретает черты скорее вождя дружины патриархальных времён, чем крепостника-князя. Русь сознаёт эту свою силу, эти свои качества и вливает в заимствованную извне религию свежую, бодрую, жизнерадостную струю, приспособливает её к своим русским условиям, руссифицирует византийское христианство, наделяет его чисто русскими чертами.

Владимир «повеле рубити церкви и поставляти по местам, идеже стояху кумиры», и «куда же древле погании жряху бесом на горах, туда же ныне церкви стоят златоверхия». Всё это так, но Перун превратился в святого Илью, а его «гремяцкая неделя» — в «святую неделю», Волос стал святым Власием, покровителем скота, Лада стала Параскевой Пятницей и день её праздника закрепился за пятницей. Праздник Ярилы стал «всехсвятским заговеньем». Освящены были Купала и Троица, масленица и «навий день», ставший «родительской неделей», святочные гаданья, свадебные и погребальные обряды и т. д. и т. п.

Даже не касаясь невероятно живучих остатков язычества, мы должны, исходя из приведённых выше примеров, сделать вывод о своеобразном «обрусении» на русской почве византийского христианства, происходившем в форме его объязычивания и установления религиозного синкретизма, что свидетельствует об огромной внутренней силе Руси, её неисчерпаемой способности к поглощению и приспособливанию к своим условиям и особен-

ностям всего иноземного, способности к ассимиляции, при которой своё, русское, правда, трансформируясь, остаётся, а чужое поглощается своим, национальным.

Отчасти всё указанное объясняется и тем, что византийская церковь была более терпимой, чем западная, католическая. Принятием именно византийского, а не западного христианства Русь выиграла, так как греческая церковь оставила в качестве языка богослужений и письменности древне-церковно-славянский язык, близкий русскому народному языку, а не ввела непонятный массам греческий, как это сделал католицизм, закрепив за мёртвым латинским языком его значение языка церкви, науки и письменности. Поэтому на Руси не было такого разрыва между языком церкви и книги и языком народа, как в Западной Европе, в странах католического средневековья.

Она допустила обьязычивание, т. е. обрусение христианства, сделав этим самым христианскую религию доступной, понятной и приемлемой населению древней Руси.

Всё это превратило русскую христианскую церковь в национальное учреждение. Она стала орудием русской национальной политики. Поэтому-то принятие христианства Русью, несмотря на неоднократные попытки Византии, не привело к политическому подчинению Руси. Наоборот, русская церковь вскоре добилась известной самостоятельности от византийского патриарха.

И во всём этом мы усматриваем особый характер христианства на Руси, его прогрессивное значение, его особенности, обусловленные древнерусской жизнью.

Вот почему греческие священники, жившие и действовавшие на Руси, не могли простить Владимиру его своеобразных представлений о христианстве, и этим-то объясняется странное на первый взгляд умолчание летописи о деятельности Владимира после крещения.

Зато народ правильно оценил дела своего «ласкового» князя и в былинах и сказаниях пронёс его память через века.

Говоря о крещении Руси, нужно одновременно учитывать и вторую его сторону — укрепление феодальных отношений и княжеской власти. Церковь сама становилась крупным феодалом. Она обладала землями, на которых сидели и работали на пользу церкви всевозможного рода

«церковные люди» (прощенники, задумные люди и другие «Церковного устава» Владимира). В её пользу Владимир дал «десятину по всей Русской земли в всех градах» с княжих доходов, с суда и торго. Церковь добивается иммунитета, и княжеские «мужи» не «вступаются» «ни в люди церковные, ни в люди их».

Феодальная церковь освящала феодальные порядки, так как «церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя».¹

Церковь проповедывала извечность деления на господ и рабов и требовала подчинения последних первым. «Рабы да повинуются господину своему», — проповедывалось в церкви. Церковь требовала смирения, обещая за кротость блаженство рая, а за строптивость угрожая муками ада. Проповедью, что у бедного отнимется, а богатому придастся, она подчёркивала извечное деление на богатых и бедных, и эта проповедь, распространяемая с амвонов пышных, поражавших своим великолепием умы русской «простой чади» православных церквей, достигала определённых результатов. Она укрепляла авторитет древнерусских «господ» в глазах их «рабов», авторитет богатых в глазах бедных.

Церковь укрепляла власть князя и его авторитет. «Всякая душа властям предержащим пусть повинуется, — ибо нет власти аще не от бога», — заявляла церковь.

Князь — помазанник божий, наместник бога на земле. Его власть имеет божественный характер. На князе — «всемиловитое око благого бога».

Обращаясь к памяти Владимира, митрополит Илларион говорил: «Сын твой Георгий... его же сотвори господь наместника по тебе твоему владычеству».

Светская и духовная власть переплетаются. Тот же митрополит Илларион заявляет о Владимире: «понеже бо благоверие его с властью сопряжено».

Компетенция князя необычайно расширялась. Его дела благословляются самим богом. «Ты поставлен еси, — говорят епископы Владимиру, — от бога на казнь злым, а добрым на милование». Естественно, что христианская религия на Руси распространяется прежде всего среди общественной верхушки. Её колыбелью были княжеский

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

двор и терем, княжеские хоромы и гридницы. И первыми христианами были не «сельские люди» по весям и не «простая чадь» по градам, а прежде всего княжие «мужи» всех рангов и «старейшины градские», «нарочитая чадь».

Христианская мораль сливается с моралью феодализирующейся дружины.

Воинство «о Христе» сливается с воинством дружинно-феодальным, и из теремных дворов, из княжеских сеней христианство лишь с течением времени перейдёт в народ и завоюет его для церкви.

А пока что, первое время, христианство укрепляется не среди народа (народ долго оставался, даже будучи формально крещёным, по сути дела язычником, что отнюдь не умаляет достоинств русского народа), а среди господствующей верхушки, всё теснее и теснее сплачивающейся вокруг князя.

Так Владимир при помощи церкви укрепил свою власть и «сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе» (К. Маркс).

Христианство распространялось прежде всего среди господствующей верхушки. Народные массы и в градах и, ещё в большей степени, в весях долго ещё придерживались язычества.

На Руси установился религиозный синкретизм. Процесс христианизации растянулся на десятилетия, даже на столетия.

Народная масса долго ещё предпочитала Дажьбога и Хорса христианским святым, а волхва священникам. Ещё во времена митрополита Иллариона его христианская паства была лишь «малым стадом».

Многочисленные проповеди и обличения XI—XII вв. и даже более поздних времён пестрят упоминаниями о том, как новообращённые христиане молятся в священных рощах, во ржи, у священных деревьев, источников, рек и кладезей, поклоняются огню-сварожичю, чтут Рода и Рожаниц, вил и русалок, справляют «навий день», чтут Хорса и Дажьбога, Стрибога и Волоса, поют, пляшут и играют в дни своих древних языческих праздников, коля-

дуют и гадают, приносят жертвы и умыкают невест на игрищах.

Во времена Владимира только среднее Приднепровье было очагом христианства, да и то наши источники связывают укрепление христианства с именем Ярослава.

Принятие христианства укрепило международное положение Руси. Трижды Владимир принимал послы римского папы (989, 991, 1000 гг.), дважды посылал своих послов в Рим (994, 1001 гг.). В Киев приходили посланцы чешского и венгерского королей, и Владимир, «живя с князи околними миромь, с Болеславом Лядским, и с Стефаном Угрскимь, и с Андрехом Чешьскимь...».

Дипломатические сношения установили связи Руси со Швецией и Норвегией, Польшей и Венгрией, Чехией, Византией, римским папой и германским императором.

Интересно отметить то обстоятельство, что папа Сильвестр II, направивший в 1000 г. своё посольство на Русь, был учителем Оттона III, родного племянника Анны, жены Владимира (его мать была сестрой Анны). Сын Владимира Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава. Сам Владимир через своих жён был связан с Чехией, Болгарией и Византией, Болеслав Польский сватался за дочь Владимира Предславу. Устанавливались брачные связи между киевской княжеской династией и правителями различных европейских государств, ставшие залогом дипломатических сношений, торговых и культурных связей и влияний.

Эти связи, прочно включавшие Русь в семью передовых и могущественных христианских государств Европы, сами были следствием принятия христианства.

Политические связи не могли бы быть скреплены брачными союзами, если бы киевские князья и княжны были язычниками.

Всё сказанное становится тем более понятным, если мы учтём, что только в середине XI в. происходит окончательный разрыв между двумя церквями — восточной и западной.

Этим мы заканчиваем вопрос о принятии христианства и о значении крещения Руси.

В общественной жизни Руси происходят большие сдвиги.

Владимир попрежнему окружён дружиной. С ней он «думая о строи земленем, и о ратех, и о уставе земле-

нем». Он любит и ценит дружину. Когда дружинники зароптали, жалуясь на то, что они едят деревянными, а не серебряными ложками, Владимир «повеле исковати лжице сребрены, ясти дружине, рек сие: яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато, якоже дед мой и отец доискася дружиною злата и сребра».

Но дружина меняет свой характер. Она пополняется за счёт «нарочитой чади» «старцев», и «старейшин градских» и всё больше и больше смыкается с ними, оседая на землю в своих «огнищах», хоромах, в городах и весях.

Всё большее и большее значение приобретает княжеская администрация. Выросшие из родового строя органы власти окняжаются и превращаются в орудие княжеского управления. Тысяцкие, сотские, десятские превращаются в княжих «мужей», тогда как раньше они возглавляли древнеславянскую городскую десятичную войсковую организацию. Теперь они становятся агентами княжеской администрации, и их активное участие в делах Владимира, носивших, как мы уже видели, политический характер и преследовавших определённую цель, свидетельствует о новых целях, которые перед ними поставило историческое развитие Киевской державы. Они умиротворяют всякую «встань», помогают данщикам и вирникам собирать дани и виру, следят за торгом, выполняют различные судебные и административные функции. Тысяцкие же всё более и более закрепляют за собой военные функции.

Княжеская администрация отодвигает на задний план сколок племенных собраний — вечевые сходы.

Русь объединена под властью одной династии, члены которой сидят, окружённые «отней» дружиной, по её областям. Киевская держава сформировалась. Но сыновья Владимира стремятся выйти из подчинения отца и не для того, чтобы сформировать свои уделы-княжества, а для того, чтобы «принять» всю власть над русской землёй. Их неповиновение — не результат тенденции к феодальному раздроблению земли, а к тому же «одиначеству», которое характеризовало собой стремления «прадеды и деды».

В этой связи и следует рассматривать столкновения Владимира со Святополком и Ярославом.

В первом случае, правда, дело осложняется стремлением польского короля Болеслава к интервенции. Святополк, пасынок Владимира, был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго.

Это было время быстрого роста могущества Польши, стремившейся отбить присоединённые Владимиром русские «Червенские грады». И в планах Болеслава в этом отношении женитьба Святополка на его дочери играла немаловажную роль. Вместе с дочерью польского короля приехал на Русь Колобрежский католический епископ Рейнберн, родом немец. Действуя через них, Болеславу удалось втянуть в свои сети Святополка. Сидевший в Турове, вдали от Киева, Святополк, естественно, имел основания быть недовольным и ожидать лучшего.

Рейнберн умело использовал недовольство Святополка, очевидно, зная, что Владимир приблизил к себе Бориса, готовя его в свои преемники, и натравливая пасынка на отчима.

Владимир узнал о заговоре Болеслава — Рейнберна — Святополка, и, по свидетельству Титмара Мерзебургского, Святополк, его жена и Рейнберн были арестованы и заключены в темницу. Рейнберн вскоре умер в заключении, а Святополк с женой были переведены под надзор Владимира в Вышгород.

Все эти события произошли незадолго до 1013 г.

Узнав о провале своих планов на Руси, Болеслав заключает договор с германским императором и в 1013 г. со вспомогательным войском из немцев и печенегов идёт походом на Русь, пытаясь отомстить Владимиру за расправу со Святополком и своей дочерью и, попутно, захватить «Червенские грады» и русские земли в Прикарпатье.

Поход был неудачен. Болеславу, правда, удалось вторгнуться в западнорусские земли, но вскоре печенеги отказались ему повиноваться. Болеслав приказал их перебить, но всё же вынужден был вернуться обратно.

Интервенция «ляхов» на этот раз сорвалась.

Иной характер носило выступление Ярослава. В богатом, многолюдном Новгороде, втором после Киева городе Руси, давно уже зрели тенденции, ведущие к установлению известной независимости от Киева.

И, опираясь на многочисленную варяжскую наёмную вольницу («варязи бяху мнози у Ярослава...»), резиден-

цией которой в Новгороде был Поромонь двор, вольницу, судя по летописи и саге об Олафе Тригвассоне, жадную, буйную, своевольную, которая «насилье творяху новгородцем и женам их...», в 1014 г. Ярослав отказывается от уплаты ежегодной дани Киеву.

В ответ Владимир приказал готовить дороги и строить мосты, готовясь к походу на Новгород. Узнав о намерениях отца, Ярослав «послав за море, приведе Варягы». Но поход не состоялся: Владимир заболел.

Есть основания думать, что Владимир готовил своим преемником Бориса. Борис жил при нём в Киеве, вызванный туда из Ростова.

Отец передал ему свою дружину, с которой тот и пошёл на юг «боронить землю Русскую» от печенегов.

Но обстоятельства сложились не так, как думал Владимир. Владимир уже лежал на смертном одре, а Борис в это время только возвращался из похода в степь, «не обрета печенег», и ехал к Киеву.

15 июля 1015 г. Владимира не стало. Закатилось «Красное Солнышко» земли Русской. Первый русский князь-христианин был погребён по старому языческому обряду. Его вынесли через пролом в стене («межю двема клетми») хоромов его княжеского дворца в Берестовом «и възложыше на сани». Прах Владимира поставили в Десятинной церкви, «юже бе създал сам». Царило смятение. Смерть Владимира первое время «потаиша», «бе бо Святополк Киеве», но когда прах князя был перевезён в Десятинную церковь, собралась огромная толпа киевлян.

«Людые без числа снидошася и плакашася по нем, бояры аки заступника их земли, убозии аки заступника и кормителя».

И в «корсте мороморяной», в Десятинной церкви, был погребён «новый Константин», креститель Руси, князь Владимир.

«Готическая» Русь стояла в зените своей славы и могущества.

ГЛАВА IX

ЯРОСЛАВ

Время Ярослава Владимировича, Ярослава Мудрого, — это время Русской Правды, «древнейшего русского свода законов» (Фр. Энгельс), киевского и новгородского Софийских соборов, этих замечательных произведений древнерусского зодчества, начальных русских летописей, распространения письменности и «книжности», время усиления русской государственности и укрепления христианства, конец патриархальной, варварской Руси и начало Руси феодальной. Ярослав завершает процесс образования древнерусского государства, заканчивает создание государственной, правовой и церковной организации Киевской державы, укрепляет её международное положение, завязывая дипломатические сношения с христианскими государствами Европы и заключая брачные союзы.

В его времена вызревают феодальные формы собственности, феодальные формы господства и подчинения, столь ярко представленные в Русской Правде его сыновей, Ярославичей. Они-то и были причиной того, что блестящее княжение Ярослава было одновременно, по образному выражению К. Маркса, началом заката «готической России».

Смерть отца застала Ярослава в Новгороде. Ярослав деятельно готовился к борьбе с Владимиром. В предстоящих битвах Ярослав рассчитывал опереться прежде всего на наёмников-варягов. Но обстоятельства сложились иначе. Не вытерпев «насилия» варягов, новгородцы восстали и «избиша варяги во дворе Поромони». Опасаясь за собственную участь, Ярослав покинул Новгород и уехал в свой княжой загородный «двор» в Ракому, под Новгородом. Сюда-то, «обльстив», Ярослав вызвал новго-

родцев, «нарочитые мужи, иже бяху иссекли Варягы», обманув их недоверие своей фразой, сказанной по поводу убитых новгородцами норманнов: «уже мне сих не крестити». Но когда новгородские «нарочитые мужи» явились в княжеский двор в Ракому, началась расправа. Ярослав их «иссече».

Кто были эти новгородцы? Повесть временных лет указывает: «нарочитые мужи», а Новгородская I летопись кое-что добавляет и сообщает, что Ярослав вызвал к себе «вои славны тысящу, и обольстив их иссече, иже бяху варягы ти иссече, а друзии бежаша из града».

«Иссеченные» по приказу Ярослава новгородцы — это «нарочитые мужи» новгородские, входившие в состав новгородской военной организации — тысячи, названной «Славенской тысячей» по имени Славны или Славенского холма, древнейшего славянского поселения на берегах Волхова.

Столкнулись две военные организации — княжая наёмная, иноземная дружина, состоявшая из прибывших из-за моря «варягов», «искателей славы и добычи», чувствовавшая себя в Хольмгарде, как в завоёванном городе, и древняя тысячная, местная, состоявшая из новгородских «мужей».

Понятно стремление норманских «искателей славы и добычи» (*К. Маркс*) к богатому Хольмгарду: здесь они рассчитывали получить за свою службу конунгу (князю) деньги, золото, серебро, меха, платье, дом и содержание, разбогатеть и увенчать себя славой в рядах войск князей Гардарик (Руси). О службе норманнов у Ярослава (Ярислейфа, Иерслафа) повествуют скандинавские Эймундова сага и Гутасага.

Естественна неприязнь новгородских «нарочитых мужей», «воев Славны тысящу», к буйной норманской вольнице своего князя, вылившаяся в 1015 г. в истребление варягов «во дворе Поромони». Понятны и ответные репрессии Ярослава. Но в самом непродолжительном времени события сложились так, что Ярославу пришлось решительно отказаться от своей старой политики возвышения варяжской дружины и искать союза с новгородцами, просить помощи у той самой Славенской «тысячи», воинов которой он так недавно безжалостно перебил. Из далёкого Киева от сестры Предславы пришла весть. Она

сообщала, что отец их умер, а Святополк, убив Бориса и готовя убийство Глеба, затевает что-то и по отношению к Ярославу, и рекомендовала последнему остерегаться брата.

Что же произошло в Киеве?

Смерть Владимира была большой неожиданностью. Киевская дружина, и «старшая», и «молодшая» («отроки»), и «полк» («вой»), во главе с Борисом, которого Владимир прочил себе в преемники, находилась ещё в пути, возвращаясь из похода на печенегов.

Несмотря на то, что дружинники, и «отня», «старшая дружина», и «простые вой», торопили Бориса, считая его законным претендентом на киевский стол, Борис медлил. Пока он стоял у реки Альты, Святополк действовал. Он заручился поддержкой «вышгородских боярцев» и тысяцкого вышгородского Путши, склонил на свою сторону часть киевлян, раздавая им деньги, одежды, украшения и т. д.

А тем временем силы Бориса таяли. Видя его нерешительность, «вой» киевские покинули лагерь князя и «разидошася». Через некоторое время вышгородцы Святополка убили Бориса. Затем по приказу Святополка были убиты Глеб и Святослав.

Так перебив «братью свою», Святополк стал киевским князем. Вышеслава и Изяслава к тому времени уже не было в живых, Всеволод ушёл в Скандинавию, Судислав играл незначительную роль, Мстислав был в далёкой Тмутаракани.

Кроме Ярослава, соперников у Святополка не было. Поэтому-то Святополк и обрушился на Ярослава всей силой своего воинства.

Таковы были события, развернувшиеся на юге Руси и отдавшие Киев в руки Святополка. Было от чего призадуматься Ярославу, когда он получил от своей сестры Предславы сообщение о содеянном Святополком. Тем более понятна нам «печаль» Ярослава, если мы учтём серьёзный конфликт, имевший место перед тем в Новгороде. Теперь было уже не до ссор с новгородскими «нарочитыми мужами» из Славенской «тысячи» и новгородскими «воями». Они должны были стать опорой Ярослава в предстоящей тяжёлой борьбе со Святополком. Пришлось итти на мир с новгородцами. Ярослав выступил на вече

с покаянной речью («о любя моя дружина, юже вчера избих, а ныне была надобе»), рассказал о событиях в Киеве и попросил помощи.

И новгородцы не отказали ему. Настал удобный момент. Оказав помощь Ярославу, новгородцы, и прежде всего «нарочитые мужи», получали право и возможность требовать от князя уступок, которые могли вылиться в предоставление Новгороду известных вольностей. Так оно и произошло, как это мы увидим далее.

40 000 воинов, по летописи, дал Новгород своему князю. Та исключительная активность, которая характеризует Новгород во всех перипетиях борьбы Ярослава со Святополком, объясняется прежде всего опасением Новгорода попасть снова в зависимость от Киева, да ещё такого Киева, как Киев Святополка, за спиной которого стояли враждебные Руси «ляхи» Болеслава Храброго. Ярослав же ещё при жизни отца избавил Новгород от уплаты ежегодной дани Киеву, этим самым положив начало известной независимости его от «мати градом Русьским», что не могло не привлечь Новгород. Инцидент в Ракома был скоро забыт перед лицом опасности, угрожавшей и новгородским «мужам» и Ярославу; опасности, перед лицом которой князь со своими «мужами» и новгородцы выступили единой силой, в одном лагере. А по мере развёртывания борьбы зависимость Ярослава от новгородцев возрастала, и последние всё больше и больше могли рассчитывать на его уступчивость. И их надежды полностью оправдались.

Не забыл Ярослав и о варягах. К тому времени он был обручён (1015 г.), а затем и женат (1016 г.) на дочери шведского короля Олафа, Ингигерд. В составе его войска были варяжские отряды Эймунда (600 человек) и Рагнвальда, всего, по летописи, до 1000 человек.

Так готовился к войне Ярослав. Нападающей стороной выступал Святополк. Эймундова сага сообщает, что он в своём письме потребовал от Ярослава «деревень и городов» и, повидимому, возобновления дани с Новгорода. Ярослав стал спешно готовиться к войне. По древнему обычаю северных народов, по всем его владениям специальные гонцы возили стрелу: готовился поход.

«И поиде на Святополка».

В бою у Любеча (в конце лета 1016 г.) Святополк был

разбит и бежал «в ляхы», к своему тестю, польскому королю Болеславу. Ярослав вокняжился в Киеве. Он щедро расплатился с новгородскими воинами, доставившими ему победу, раздал старостам и всем новгородцам по 10 гривен, а смердам по гривне и отпустил их домой. Всё лето и зиму на Руси было спокойно.

На следующий год Святополк с печенегами напал на Киев. Зная о его приготовлениях, Ярослав собрал «большую рать из вольных поселян» (Эймундова сага), т. е. набрал «воев» из простого «сельского людя». Это ещё раз подчеркивает народный характер ратей Ярослава, тогда как Святополк не имел таких союзников на Руси и опирался на интервентов — печенегов или поляков.

В бою у Киева с печенегами Святополка Ярослав вновь одержал победу. В этом сражении Ярослав был ранен в ногу, что увеличило его природную хромоту.

Разбитый Святополк снова ищет поддержки у польского короля Болеслава. Болеслав заключает союз с германским императором и летом 1018 г. со Святополком, с войском из «ляхов» и наёмников-немцев (300 человек) и венгров (500 человек) вторгается на Русь. Печенежская орда должна была напасть на Киев с юга, а Болеслав со Святополком шли с запада.

Битва 22 июля 1018 г. под городом Волынем была неудачна для Ярослава. Его войско было разбито, а он сам едва спасся с четырьмя дружинниками. Правда, Ярослав не растерялся. Он немедленно принимается за сбор нового войска в русских городах и сёлах, соглашается на значительное повышение жалования наёмникам-варягам.

Когда встревоженный поражением на Буге Ярослав бежал в Новгород и собирался направиться в Скандинавию, посадник Константин Добрынич, сын Добрыни, т. е. двоюродный брат Владимира, велел порубить ладьи, на которых Ярослав собирался бежать за море, и начал сбор средств для найма варяжских викингов. Положение действительно было очень серьёзное. В Киеве остались родные (мачеха и сёстры) Ярослава, его казна. Войска не было. Его надо было собирать вновь.

И только решительные действия новгородского посадника Константина Добрынича и новгородских «мужей», деятельно готовившихся к войне, заставили Ярослава снова взяться за оружие.

Ярослав Мудрый. Реконструкция М. Герасимова (к стр. 257)

«Русская Правда» Ярослава Мудрого (к стр. 261)

ЧНЧУЗННА

Подпись Анны Ярославовны (к стр. 263)

Новгородцы начали собирать деньги на наём варяжской дружины и одновременно начали собирать «воев» из числа всякого рода «людей» городов и сёл Руси.

Пока Ярослав готовился к битвам, в Киев вступили Святополк и Болеслав со своими немцами, венграми, поляками и печенегами. В руки Болеслава и Святополка попали родня Ярослава и огромные богатства.

Болеслав, «его ляхи» и наёмники — немцы и венгры — торжествовали. Болеслав и Святополк уже направили из Киева посольство в Германию и Византию, к обоим императорам.

Но рано начали радоваться интервенты. Летопись сохранила нам упоминание о том, как русские люди «избиша ляхи», чем и вынудили Болеслава поспешить уйти к себе в Польшу, захватив пленных и ценности «и города Червеньскыя зая себе». Правда, в Киеве остался его ставленник и зять Святополк, но успехи союзников были призрачны. Уже тою же зимой, зимой 1018/19 г., Ярослав со своими северными «воями» подошёл к Киеву, и неожиданное появление его у стен города заставило Святополка спасаться бегством к печенегам. Ярослав вступил в Киев. Весной 1019 г. Святополк возвращается с печенегами, и на берегах Альты грянула кровопролитная битва. В этой битве, начавшейся на заре, в «пяток», и продолжавшейся целый день, «одоле Ярослав, а Святополк бежа».

Далее летопись рассказывает, как больной и ослабленный, терзаемый манией преследования, бежал Святополк и испустил свой дух где-то на границе Польши и Чехии.

«Есть же могила его в пустыни и до сего дня, исходить же от нея смрад зол».

В памяти народной Святополк, убийца братьев, «наводивший» на Русь «ворогов» — поляков, немцев, венгров, печенегов, — получил прозвище «Окаянного», а его противник Ярослав заслужил прозвище «Мудрого».

Так оценила древняя русская книжная традиция деятельность этих двух политических руководителей Руси. Кончилась борьба. «Ярослав же седе Кыеве, утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Большая часть земель Руси находилась под его властью. Только в далёкой Тмутаракани сидел Мстислав да

в Полоцке правил «Рогволожий внук» (правнук) Брячислав.

В руках Ярослава оказались Киев, Чернигов, Переяславль, Ростов, Муром, Смоленск, Новгород.

События четырёх лет (1015—1019) привели к значительному росту политического значения Новгорода.

Следом победы новгородских «нарочитых мужей» и «воев» является прежде всего Русская Правда Ярослава.

В ней подчёркивается приравнение в правах киевского княжого «мужа» («русин») и новгородского «мужа» из «тысячи» («словенин»), княжих людей и новгородцев, в том числе изгоев, из числа которых вышло немало «воев» Ярослава.

Ярослав дал Новгороду и особый «Устав», до нас не дошедший.

На эти «грамоты Ярослава» ссылались позднее не раз новгородцы в своих переговорах и договорах с князьями.

Упрочившись в Киеве и Новгороде, Ярослав подчинил своему влиянию и Полоцк, где княжил Брячислав.

Единственным соперником Ярослава оставался тмутараканский князь Мстислав.

Летопись как-то особенно колоритно рисует его фигуру, выделяя его среди других князей. Мстиславу уделено очень большое внимание в летописном своде Никона 1073 г. В основу характеристики Мстислава Никон положил песни о Мстиславе, с которыми он ознакомился в Тмутаракани.

Летопись ничего не говорит о княжении Мстислава в Тмутаракани до 1022 г. Под этим годом Повесть временных лет упоминает о походе Мстислава на касогов и знаменитом единоборстве его с касожским князем Редедёй, закончившемся победой Мстислава. Победитель берёт «именье», жену и детей Редеди, покоряет касогов и накладывает на них дань, а в ознаменование своей победы закладывает в Тмутаракани церковь Богородицы.

В 1023 г. Мстислав «с Козары и с Касогы» двинулся к Киеву. С большим опозданием Мстислав вступил в борьбу за «отень стол», за Киев.

Вскоре его дружина стояла под стенами Киева, но «не прияша его кыяне», и Мстислав уходит в Чернигов, где и кладёт своей деятельностью начало Чернигово-Северскому княжеству.

Ярослав в это время был в Новгороде.

Весть о действиях Мстислава дошла до Ярослава, но одно событие чрезвычайной важности заставило его отказаться от немедленного выступления на юг для борьбы с Мстиславом.

В Суздале вспыхнуло первое известное нам из летописи восстание смердов, протекавшее под руководством волхвов.

Летопись сообщает, что поводом к восстанию смердов послужил голод, охвативший суздальскую землю. Восставшие обвиняли «старую чадь» (местную феодализирующуюся верхушку) в том, что она «гобино» (запасы, и прежде всего, запасы хлеба) «держит» и «голод пускает».

«И бе мятежь велик...»

Восставшие избивали «старую чадь», державшую в своих руках всякого рода «гобино», «обилье», «жито», закабалявшую своих сообщинников и становившуюся вершителем судеб своих менее обеспеченных соседей, попавших в особенно затруднительное положение в связи с голодом.

Новгородская летопись говорит, что восставшие смерды истребляли прежде всего «баб» «старой чади», т. е. «большух гобинных домов» (хозяек богатых домов). В их руках сосредоточивались запасы продуктов, в которых нуждался голодающий сельский люд.

Так вспыхнуло первое известное нам восстание крестьян на Руси. Причиной восстания смердов было распространение даннических отношений, усиление зависимости от князя и его «мужей», рост повинностей населения в их пользу и закабаление со стороны «старой чади» — проводников и агентов княжеской власти на северо-востоке Руси, — поводом послужил голод.

Но чем же объяснить то, что это восстание выступает перед нами как движение волхвов? Длительное господство язычества, упорно боровшегося, особенно здесь, на северо-востоке, с распространяемым силой меча христианством, распространение волхвованья, столь характерного главным образом для финских племён Руси, и, наконец, особенности самой структуры общинной организации были причиной того, что это первое восстание зависимого или полузависимого сельского люда против феодалов облекается в оболочку восстания волхвов. Волхв — предста-

витель старой, привычной языческой религии, религии общинных времён. Он сам вышел из общины, он близок «сельскому людью». В представлении последнего волхв ассоциируется со свободным состоянием общинников. Дани и поборы, виры и повоз, появление на общинных землях новых хозяев — бояр и церквей, экспроприация общинных угодий и земель, закабаление со стороны местной «старой чади», введение христианства вместо язычества и появление на месте капищ и священных рощ церквей, а вместо волхвов — священников, — всё это, по вполне понятным обстоятельствам, в представлении «людья» далёких северо-восточных «весей» сливалось воедино в нечто, несущее конец их привычному общинному быту. Замахнуться против «старой чади» означало выступить против князя, восстать во главе с волхвом означало начать борьбу с церковью, со священником, т. е., в конечном счёте, с тем же князем. Поэтому во главе движений смердов становятся волхвы, служители старых языческих богов, строгие блюстители стародедовских обычаев, руководители языческих празднеств, справляемых из поколения в поколение, хранители чудесных тайнств и сверхъестественных знаний.

Но конечные цели смердов и волхвов различны. Если для волхва «встань» — средство борьбы с христианством и с соперником — священником и только, и волхвы смотрят назад, в прошлое, и уходят в прошлое, то для смерда борьба за языческую веру — лишь форма, в которую выливается его борьба с укрепляющимися феодальными формами господства и эксплуатации.

Учитывая всё сказанное, мы не удивимся тому, что Ярослав прежде всего отправился в Суздаль, «изъимав», «расточил» и «показнил» волхвов, подавил восстание, а затем принялся готовиться к борьбе с Мстиславом.

С этой целью он опять «посла за море по Варягы». На призыв Ярослава в Новгород явился отряд варяжских наёмников во главе с Якуном (Гаконом). В том же 1024 г. Ярослав двинулся на Мстислава. Последний, в свою очередь, выступил ему навстречу. Грянула битва у Лиственя. Грозовой ночью, при свете молний, сверкало оружие сражающихся. Бились главным образом варяги Якуна и северские «вои» — свою тмутараканскую русско-хазаро-касожскую дружину Мстислав берёг.

«И бе гроза велика и сеча сильна и страшна».

Ярослав был разбит.

Но в 1026 г. братья съехались у Городца и поделили русскую землю. Границей их владений стал Днепр. Киев и всё Правобережье, а на севере Новгород были закреплены за Ярославом, а Чернигов и всё Левобережье — за Мстиславом. Когда в 1036 г. Мстислав умер, не оставив наследника, Ярослав стал «самовластец Русьстей земли».

Так снова объединилась русская земля. Оставался один Полоцк, но его можно было не принимать во внимание. Теперь нужно было приниматься за укрепление древнерусской государственности. Ярослав продолжает начатое Владимиром дело создания государственности Киевской державы. Он укрепляет свою власть в Новгороде, дав новгородцам «грамоты», но изгнав в 1019 г. влиятельного и опасного для него Константина Добрынича, главу «нарочитых мужей» новгородских. В Новгороде был посажен Владимир Ярославич (ранее там сидел некоторое время малолетний Илья), ставший наместником отца в 1036 г. Изяслав получил Турово-Пинскую землю, а когда умер его старший брат, Владимир, он получил и «волость» брата. Святослав, четвёртый сын Ярослава, правил на Волыни. Только пятый, Всеволод, оставался с отцом.

Таким образом, мы видим, что при Ярославе сохранялась старая система, установленная Святославом и Владимиром, при которой управление русскими городами и землями осуществлялось великим князем через своих наместников-сыновей.

С именем Ярослава связано развитие русского законодательства. Русскую Правду Ярослава, памятник, составленный для городской и дружинной купеческой и рабоче-владельческой верхушки, памятник, отражающий развитие частной собственности, хотя и оставляющий деревню в тени, Фр. Энгельс называет «древнейшим русским сводом законов». Ярославу принадлежит «Урок вирнику», «Урок мостнику». Деятельность его отразилась в «Уставе о мостех», в так называемом «Церковном уставе», часть которого, несомненно, восходит ко временам Ярослава.

Законодательная деятельность Ярослава говорит о расширении и укреплении княжеской администрации. Княжие посадники, тысяцкие, данщики, вирники, мечники, ябет-

ники, мостники правили русской землёй; княжие огнищане, ключники, конюхи, старосты, тиуны управляли его домом, дворцом, «градами» и сёлами, его обширным хозяйством; в поход с князем шла его дружина «отня», «передняя», «отроки», «гридьба» и всякого рода «вои».

Развитие торговли и денежных отношений привело к чеканке собственной русской золотой и серебряной монеты. Золотую монету начал чеканить Владимир, серебряную — Ярослав.

Укрепилось христианство. Русские люди XI—XII вв. считали Ярослава настоящим ревнителем христианства, при котором оно укрепилось на русской земле.

С 1037 г. на Руси учреждается митрополия, и первым русским митрополитом был грек Феопемпт.

Меняется и сам характер христианства. Греческое духовенство принесло на Русь монашеско-аскетическую струю. Появляются монастыри (Георгия и Ирины в честь христианских патронов Ярослава и Ингигерд) и монашество.

Так возникли монашество и церковный «устав», а вместе с ними обрусевшее христианство Владимира, проникнутое религиозным оптимизмом, жизнерадостностью, «мирским» духом, уступало своё место аскетическому христианству греков, чуждому «мира» монашеству и чёрному духовенству.

Чем объясняется это явление?

Причиной усиления греческого влияния на русскую церковь, которое искажило в источниках отображение русского христианства от времён Владимира и до 1037 г. и результатом которого была, правда неудачная, попытка ввести греческий язык в качестве языка богослужений и книжности, являются прежде всего обстоятельства внешнего порядка.

Тяжёлая борьба со степняками-печенегами, вылившаяся в грозную битву под Киевом на Сетомле в 1036 г., когда Ярослав с трудом справился с врагом, заставила его искать помощи для борьбы с кочевниками у Византии и согласиться на устройство митрополии во главе с греком Феопемптом. А это означало, что Византия стремилась установить таким путём, путём переплетения церковной и политической зависимости, своё влияние на Руси и посадить в Киев своего представителя. Но «игемония» (владычество) Византии была столь обременительной для

Руси, что Ярослав, как это мы увидим ниже, вынужден был разорвать с нею и в 1043 г. даже совершить поход на Константинополь.

Не случайно описавший этот поход Владимира Ярославича Михаил Пселл считает его «восстанием» русских против византийской «игемонии». Факт создания в Киеве митрополии, находившейся в руках греков, в Византии рассматривали как подчинение Руси, а русских считали на этом основании подданными императора.

Так положен был конец византийским стремлениям установить «игемонию» над Русью.

В 1051 г. Ярослав, «собрав епископы», поставил в Киеве митрополитом русского человека, священника княжеского села Берестого Иллариона. При этом русский князь не посчитался с константинопольским патриархом. Ещё до этого Ярослав посадил в Новгороде русского епископа Луку Жидяту. С этого момента Византия уже не могла мечтать о возобновлении «игемонии» и даже тогда, когда на русской митрополичьей кафедре потом оказывались греки, митрополия всё же оставалась русским учреждением, действующим в интересах русской земли. Недаром, подчёркивая независимость русской церкви и, следовательно, Руси, Ярослав добивается канонизации первых русских святых — Бориса и Глеба.

Этим и объясняется характеристика, данная русской церкви и русскому народу краковским епископом Матвеем: «Он (русский народ) не желает сообразовываться ни с латинской, ни с греческой церковью, но, отделяясь от той и другой, не пребывает ни с одной из них в общении таинств».

Времена Ярослава характеризуются распространением «книжности». Сам Ярослав «книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне». Ярослав «собра писце многы, и прекладаше от Грек на Словеньское писмо, и списаша книги многы». Дочь его, Анна, была грамотна и, будучи уже французской королевой, писала той кириллицей, которой выучилась в доме отца на берегах Днепра. Сын, Всеволод, знал пять языков. Внук, Владимир Мономах, был составителем «Устава» и своего знаменитого «Поучения детям».

В 1030 г. в Новгороде Ярослав устроил школу, куда было набрано 300 детей «старост и поповых», и начал их

«учити книгам». При нём началось и наше бесценное русское летописание. Ярослав заложил каменную Софию Киевскую (1037 г.), освящённую в 1039 г., а сын его, Владимир, — каменную Софию Новгородскую, построенную в 1045—1051 гг. вместо старой деревянной тринадцатиглавой Софии, сгоревшей в 1049 г.

Третья София стояла в Полоцке, а в Чернигове высился Спасский собор.

Ярослав выстроил в Киеве много новых зданий и церквей (церковь Благовещения у Золотых ворот, монастыри святых Георгия и Ирины). И «заложил Ярослав город великий Киев, у него же града суть Златая врата». Ещё недавно место, где стояла София, было «поле вне града», а теперь она уже высилась в центре обнесённого укреплениями «града» Ярослава.

Киев превращался в огромный город большой державы. Здесь можно было встретить «ляхов» и «угров», чехов и немцев, греков и хазар, евреев и армян, англо-саксов и шведов, норвежцев и «быстроногих данов» (датчан). Недаром Титмар Мерзебургский называет его «большим городом», в котором «находится более нежели 400 церквей и 8 рынков», а Адам Бременский именует его «соперником константинопольского скипетра, одним из великолепнейших украшений Греции» (т. е. Руси. — В. М.).

Рост могущества Руси имел своим непосредственным результатом укрепление её международного положения. Прежде всего необходимо было вернуть захваченные Болеславом западнорусские земли.

В 1022 г. Ярослав ходил к Берестью, а когда в 1025 г. умер Болеслав и началась борьба между его сыновьями, один из которых, Оттон, одно время жил на Руси, Ярослав поддержал соперников нового польского короля Мешко, в 1030 г. отбил у ляхов город Белз, а в 1031 г. вместе с Мстиславом вторгся в Польшу, «повоевал» её, вернул Руси захваченные Болеславом Червенские города и «вывел» много пленных ляхов, которых расселил на Руси.

Ярослав продолжает укреплять западные рубежи Руси. В 1038 г. он ходил походом в Ятвяжскую землю, а в 1040 г. — на Литву.

Затем Ярослав заключает союз с польским королём Казимиром, выдаёт за него свою сестру Добронегу (Доб-

рогневу) — Марию, и на сестре Казимира женится Изяслав Ярославич.

Ярослав помогал своему союзнику и трижды ходил на врагов Казимира — мазовшан (одно из польских племён) — в 1041, 1043 и 1047 г. В последнем походе был убит мазовецкий князь Моислав.

Во времена Ярослава Польша зависела от Руси, и западные границы Руси хорошо охранялись. Следом деятельности Ярослава в юго-западных землях Руси является город Ярослав на Сане, оплот «Червенских градов». Одновременно идут укрепления русских рубежей на северо-западе и освоение прибалтийских и северных земель. В 1030 г. Ярослав «иде... на Чюдь (эстов. — В. М.), и победи я, и постави град Юрьев» (ныне Тарту), ставший надолго оплотом русского владычества в Прибалтике. В 1032 г. из «Новагорода на Железные врата», т. е. в землю чуди заволоцкой, на Северную Двину, ходил какой-то Улеб, но поход этот был неудачен. Через 10 лет, в 1042 г., Владимир Ярославич ходил «на Ямь», т. е. емь, тавастов (финское племя), и «победи я». В те времена емь-тавасты жили в западном Приладожье, где их соседями с востока и юго-востока были карелы и русские.

Так продолжал Ярослав начатое Владимиром укрепление русских границ на юго-западе, западе и северо-западе и расширял влияние Руси на север Восточной Европы. Много сил было положено на укрепление рубежей южной Руси, которой постоянно угрожали печенеги. Последняя решающая битва с печенегами произошла в 1036 г. Бой начался на «поле вне града», где позднее была воздвигнута София, на поле, позднее ставшем центром нового, Ярославова Киева, огромного города. «По среде» стояли варяги, на правом фланге — «кыяне», на левом — «новгородци». «И бысть сеча зла, и одва одоле к вечеру Ярослава».

Большое число печенегов утонуло в Сетомле и «в инех реках», а остатки спаслись бегством.

Так кончилась борьба Руси с печенегами. За ними шли слабые и малочисленные торки, а в год смерти Ярослава вместе с торками пришёл передовой отряд половцев во главе с Болушем, для того чтобы своим появлением у Киева как бы возвестить о новой грозной опасности, нависшей над русской землёй.

Переходя к русско-византийским отношениям, мы должны отметить, что, как было уже сказано ранее, взаимоотношения Руси и Византии определялись формулой, согласно которой Византия считала себя «игемоном» Руси, а Русь упорно отстаивала свою независимость во внешних сношениях и в организации церкви. Русские войны попрежнему шли на службу к императору и непрочь были повторить времена Олега и Игоря.

В 1018 г. свояк Владимира, Хрюсохейр («Золотая Рука»), с 800 воинами прибыл в Константинополь, «желая вступить в наемную службу». Когда император предложил ему сложить оружие, тот отказался, ушел к Абидосу, где разбил византийцев, а затем отправился к Лемносу, где русские обманым путём были перебиты.

К 40-м годам XI в. отношения между Русью и Византией были напряжёнными: Русь боролась с попытками императора и патриарха подчинить её своему влиянию.

Из Константинополя выслали русских купцов, а воинов-русов вывели из Царьграда и расквартировали в провинции.

Поводом к выступлению русских послужило убийство греками одного «важного скифа», т. е. русского.

В 1043 г. Владимир Ярославич с всеводами Вышатою Остромиричем и Иваном Творимиричем выступил в поход на Византию.

Русские проникли в Пропонтиду и вступили в переговоры с императором Константином Мономахом, предлагая ему заключить мир. Император отказался.

В морском сражении грекам помогла сильная буря. Высокие волны разметали русские ладьи, а крупные корабли византийцев, ворвавшиеся в расстроенную русскую флотилию, пустили в дело греческий огонь.

Разбило бурей и «князь корабль» Владимира Ярославича. Более 6000 русских воинов из разбитых ладей столпились на берегу. Вести их на Русь взялся Вышата Остромирич. Но у Варны русских разбили греческие войска. В плен попало около 800 русских, которые были приведены в Византию и ослеплены. Лишь через три года вернулся на Русь Вышата Остромирич.

Ладьи Владимира Ярославича и Ивана Творимирича пустились в обратный путь. За ними погнались греческие суда, но русские повернули им навстречу, дали бой,

«изби» греческие суда, и только после этого отправились на север.

Спустя три года, когда над Византией оказалась занесённой кривая печенежская сабля, она обратилась за помощью к Руси. Этим и объясняется возвращение Вышаты из византийского плена. Но дружеские отношения между Русью и Византией возобновились не скоро. Только в 1052 или 1053 г. Русь снова увидела на митрополичьей кафедре грека, и в дом русских князей была принята византийская царевна. Она стала невесткой Ярослава, женой его сына Всеволода.

Всё более и более тесные связи устанавливались и со странами Западной Европы. Трижды Ярослав выступал в союзе с Германией, а именно: во времена своей борьбы с Болеславом, когда одно время он был в дружественных отношениях с Генрихом, затем во времена войны с Мешком и, наконец, вместе с Германией Ярослав поддерживал Казимира.

Дважды, в 1040 и 1043 гг., русские послы ездили к Генриху III. Один сын Ярослава, Святослав, был женат на сестре трирского епископа Бурхарда, другой, Изяслав, был женат в первый раз на некоей Гертруде. Какой-то русский князь был женат на дочери саксонского маркграфа Оттона. Другой русский князь был женат на дочери графа Штадтского, Леопольда. Её сын, Вратислав, остался на Руси.

Брачные связи киевской княжеской семьи с германскими государями не были случайностью, а свидетельствовали об укреплении дипломатических сношений и торговых связей, установившихся ещё в отдалённые времена и отразившихся, как было уже указано, в Раффельштедтском уставе, в памятниках, относящихся к Регенсбургу, главному городу торговых связей Западной Европы с Русью.

Установились сношения и с далёкой Францией. Дочь Ярослава, Анна, в 1049 или 1050 г., была выдана замуж за французского короля Генриха I Капета. Из Франции в Киев явилось за ней многочисленное посольство во главе с епископом.

Анна была умной и энергичной женщиной, умевшей управлять государством.

На многих французских документах той поры наряду с подписями её мужа и сына, короля Филиппа, встречаются

её подписи «Ана рѣина» (Анна Регина, т. е. королева Анна).

Там, в далёкой Франции, Анна писала кириллицей, которой научилась в доме отца своего, в Киеве, «книгам прилежа». Кстати отметим, что муж её, французский король, был неграмотный.

Завязались сношения с Англией. Сыновья убитого Канутом Великим английского короля Эдмунда Железный Бок Эдвин и Эдуард бежали в Швецию, а оттуда на Русь, где жили некоторое время при дворе Ярослава. Это было после 1016 г.

Внук Ярослава, Владимир Мономах, был женат на дочери английского короля Гаральда, Гите.

О русско-венгерских отношениях мы узнаём из венгерских источников. Они сообщают, что свояк святого Стефана Владислав Лысый был женат на русской. Сыновья его, Андрей и Левента, после 1038 г. дважды были на Руси, на Волыни и в Приднепровье.

Женой Андрея была, повидимому, дочь Ярослава Анастасия.

Где-то за Карпатами, по Тиссе и Попраду, во времена Владимира лежали границы Руси с землями Стефана Угрьского и Андриха Чешьского.

Но уже при сыне Владимира, Ярославе, и при сыне Стефана, Генрихе, венгерское влияние распространяется в Закарпатье, и Закарпатские русские земли с XII в., с появления «Русской марки», основанной венграми, становятся Угорской Русью.

Киевская Русь времён Ярослава продолжала быть очень тесно связанной со Скандинавией. Норманны продолжали служить на Руси, в Гардарикии, в Хольмгарде и Кенугарде (Киеве), проходили через Русь в далёкий Миклагард, служили посредниками между нею и другими странами Европы и, в частности, Англией, подвергавшейся в те времена нападениям и завоеваниям норманских конунгов.

У Ярослава служат герои Эймундовой саги — Якун, Шимон, Рагнвальд, Эйлиф и др.

Сам Ярослав был вторым браком женат на дочери шведского короля Олафа, Ингигерд, матерью которой была вендка из западнославянского племени ободритов (бодричей).

В 1029 г. в Киев к Ярославу прибыл Олаф Святой норвежский.

Возвращаясь на родину в 1030 г., Олаф Святой оставил на попечение Ярослава и Ингигерд своего маленького сына Магнуса. Князь и княгиня окружили его заботой. Когда в 1032 г. норвежские вожди явились в Киев просить Магнуса стать их королём, Ярослав и Ингигерд отпустили его, но взяли с норвежцев клятву быть верными Магнусу. С их помощью Магнус стал норвежским королём.

В 1031 г. на Русь вторично прибыл сводный брат Олафа Норвежского, знаменитый Гаральд Гардрад. Вместе с русскими он бился с поляками, затем отправился в Константинополь, где и вступил в русский отряд и в его рядах сражался в Сарацинской земле, Сицилии, в Малой Азии, Африке, Солуни (Салониках). С его именем связаны знаменитые рунические надписи на мраморе Пирейского Льва.

Саги о Гаральде говорят, что все эти подвиги он совершил для того, чтобы «русская девушка с золотой гривной» — Елизавета Ярославовна — перестала его презирать и согласилась стать его женой. Как истинный рыцарь, он пошёл за море, чтобы мечом прославить свое имя и добыть «на вено» за Елизавету бесчисленные богатства. Во всяком случае, из Миклагарда Гаральд снова попадает в Киев, женится на Елизавете Ярославовне и уезжает на север, где вскоре становится норвежским королём.

Мы закончили свой обзор внешних сношений и международных связей Киевской Руси времён Ярослава Мудрого. Русь стремительно шла вперёд. Смело и решительно выступала Русь на арену мировой дипломатии и международных сношений и повелительно заняла своё место в семье христианских государств Европы.

Русь не отгородила себя китайской стеной от Запада. Она вступила в сношения с Западом, торговала с ним и воевала, заключала дипломатические браки и политические союзы, принимала и направляла посольства, совершала совместные походы и воспринимала культуру западных стран.

Но огромная и могучая Киевская держава не шла на поводу у Европы. Она не была отсталой страной, и по-

этому ей особенно нечего было заимствовать. Она во многом стояла выше Скандинавии, Польши, Венгрии и мало в чём уступала странам далёкого Запада. Недаром Киев, по Адаму Бременскому, — «соперник Константинополя» и лучшее украшение «Греции»; недаром Титмар Мерзебургский говорит о нём, как о крупнейшем городе, подлинном мировом центре; недаром норманны восхищались богатой, усеянной городами, Гардарик, а Теофил, говоря о расцвете ремёсел и искусства, среди стран, особенно прославившихся ими, отмечает Византию и Русь.

Международное положение Руси укрепляется, и удельный вес её в системе государств Европы и Востока неизмеримо возрастает. Свидетельством этого является развитие зарубежных связей Руси. Пусть приведённые нами сведения, касающиеся дипломатических сношений и брачных союзов, отрывочны и скудны, но они являются свидетельством постоянно растущих и крепнущих международных связей Руси.

И огромной силой и верой в Русь дышат слова первого митрополита из русских, Иллариона, величайшего писателя, публициста и патриота своего времени, обращённые к старым русским князьям: «Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великая и дивная сотворившего, нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земля Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, иже в свое лета владычествующа, мужеством же и храбростью прослуша в странах многих и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не в хуе бо, и не в неведоме земли владычествоваша, но в русьской, яже видима и слышима есть всеми коньци земля». И эти слова его в известной степени отражали представление русского человека о той роли, которую играла Киевская держава в политической жизни тогдашнего мира.

Несколько слов о самом Ярославе.

Работы советских учёных Герасимова, Рохлина и Гинзбурга, связанные с изучением скелета Ярослава Мудрого, обнаруженного в Софийском соборе в Киеве, дают нам некоторое представление о внешнем облике Ярослава. Он был выше среднего роста и прихрамывал с детства, но хромота не мешала его ратным подвигам. Впоследствии Ярослав получил тяжёлую травму, на всю жизнь сделавшую его «хромцем».

Скандинавские саги, русские летописи и изучение некоторых особенностей его скелета дают нам возможность сделать вывод о том, что Ярославу были присущи живость, вспыльчивость, самолюбие. Это был человек умный, суровый, импульсивный, раздражительный и в то же самое время отходчивый, добрый, сговорчивый.

В нашей летописи Ярослав — «книжный» и «христолюбивый» князь.

Он — законодатель, строитель, книжник, покровитель духовенства, монашества. При нём «нача вера хрестьянска плодится и расширяти», укреплялась княжеская власть, крепла и расширялась княжеская администрация, воздвигались города, храмы, дворцы, прокладывались дороги, устанавливались зарубежные связи, создавался первый свод русских законов — Русская Правда.

Таков внешний и моральный облик Ярослава Мудрого. Семья Ярослава была довольно многочисленной.

Два сына его, Илья и Владимир, и жена, Ингигерд, умерли ещё при его жизни.

В живых оставались сыновья Изяслав, Святослав, Всеволод, Игорь и Вячеслав.

Ярослав умер 20 февраля 1054 г. Смерть не застала его врасплох, как Владимира. Его любимым сыном был Всеволод. «Бе бо любим отцемь паче всея братьи». Понятно, почему отец выделял Всеволода. Широко образованный (он знал пять языков), умный, искусный дипломат византийской ориентации, он в то же время был смел и решителен. Недаром скандинавские саги именуют его «Смелым». Но, памятуя события начала своего княжения, Ярослав завещает киевский стол не ему, а старшему сыну, Изяславу, который и должен быть «старейшим», «в мене место». Ему же принадлежали Турово-Пинская земля и Новгород. Святослав, сидевший перед тем на Волыни, получил Чернигов, земли радимичей и вятичей, т. е. всю Северскую землю, Ростов, Суздаль, Белоозеро, верховья Волги и Тмутаракань, Всеволод получил Переяславль, Игорь — Волынь, а Вячеслав — Смоленск.

Внук Ярослава, Ростислав Владимирович, сидел в «Червенских градах», в Галицкой земле, а в Полоцке правил «Рогволожий внук» — Всеслав Брючеславович.

Грозные признаки распада Киевского государства становились всё яснее и отчетливее. Это видел и Ярослав.

Недаром перед смертью он обращается к сыновьям, призывая их к единству, согласию, миру, к послушанию старшему.

Развитие производительных сил, развитие феодального землевладения и феодальных отношений, так ярко представленное в Русской Правде Ярославичей, рост экономического и политического могущества отдельных областей во главе с крупными городами — Новгородом, Черниговом, Переяславлем, Ростовом и т. д. — постепенно подтачивают единство «готической Руси» — Киевского государства.

Выросшее в отдельных областях Руси боярство стремится стать их полновластным хозяином и, сплотившись вокруг «своего» князя, обзаведшегося здесь, на месте своего посажения, в земле «отчич и дедич», всякой «жизнью», «гобином», землями и угодьями, дворами и челядью, проникшегося не общерусскими, а местными, «земскими», интересами, пытается отложиться от Киева, который отныне становится помехой для самостоятельного развития этих областей и земель, в скором времени превращающихся в княжества, маленькие «феодальные полугосударства» (*Сталин*), «национальные области» (*Ленин*).

Каждая область Киевской державы превращается в гнездо боярских вотчин. Судьба Киева перестаёт интересоваться не только новгородское, ростовское, черниговское, галицкое и прочее боярство, но и самих новгородских, ростовских, черниговских и галицких князей — «Рюриковичей». Они стремятся отделиться от Киева, создать независимые княжества.

Отсутствие органической связи между отдельными русскими землями, отсутствие экономической общности — всё это, делавшее объединение земель, достигнутое Киевским государством, непрочным и непродолжительным, было знаменем грядущего распада.

И он наступил.

Феодальная раздроблённость была показателем развития производительных сил, показателем развития феодализма, но она же на определённом этапе стала тормозом для их дальнейшего развития, для роста ремёсел, промыслов, торговли, городов, для новых форм феодального землевладения и организации феодального хозяйства и была ликвидирована самим историческим развитием России.

Она же способствовала упадку Руси, ослабила русскую землю, умалила её международное значение, сделала добычей соседних враждебных государств и орд кочевников. Русь «теряла целые области вследствие интервенции соседних народов» (*К. Маркс*), надолго, на столетия, подпадавшие под иго иноземцев.

Так действовали центробежные силы, разрывавшие на части Киевское государство.

Начался «закат готической России».

ГЛАВА X

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Многогранна, ярка и красочна древнерусская культура, величествен её расцвет, многообразны её связи, в далёкое-далёкое прошлое уходят её истоки, древни её традиции.

Мы не знаем, когда далёкие предки восточных славян, те, кого мы называем протославянами, вступили в сношения со своими ближними и дальними соседями, сношения, результатом которых было взаимное (в той или иной степени) культурное воздействие, своеобразный, пусть ещё очень примитивный, синкретизм, смешение культур.

Во всяком случае, население степей, лесостепной полосы Восточной Европы и даже далёких её прибалтийских и поволжских лесов включилось в орбиту влияния цивилизаций древнейшего средиземноморского очага человеческой культуры ещё в незапамятные времена, тогда, когда на территории будущей Руси попали под покров земли египетские скарабеи,¹ когда лучи культурного влияния древнейшего государства Закавказья, Урарту, материализованные в виде вещей и украшений халдского и ассирийского типа, распространялись в черноморских степях и терялись где-то у Дона и Донца, на границе леса и степи, в те времена, когда с далёкого Янтарного берега Балтики по рекам Центральной и Восточной Европы высоко ценимый народами древности янтарь стал поступать в Переднюю Азию, на Крит, в Египет.

А это было во II—I тысячелетиях до н. эры.

Не приходится уже говорить о связях трипольской куль-

¹ Скарабеи — фигуры жуков, считавшихся священными в Древнем Египте.

туры с «догреческой» культурой Греции, крито-микенской культурой.

Трипольская культура связывала население Приднепровья, с одной стороны, с Западом, с Подунавьем, с протоиллирийскими племенами, с племенами культуры «ленточной керамики», с другой — с Балканами, с протофракийцами, племенами «крашеной керамики», с очагом древнейшей цивилизации в восточном Средиземноморье — Критом и Микенами.

Уже в ту отдалённую эпоху, в III—II тысячелетиях до н. эры, племена Приднепровья впитывают начатки культуры Средиземноморья и участвуют в его историческом развитии в качестве его далёкой северо-восточной окраины.

А эти племена приняли участие в формировании культуры древнейшего славянского населения Восточной Европы.

В античную эпоху, когда греческие города-колонии усеяли берега Чёрного моря и вступили в связи с «варварским» миром Причерноморья, со «скифским» (в широком смысле слова) и не скифским населением Восточной Европы, этот «варварский» мир, принявший участие в формировании славянства, испытал на себе влияние античной культуры. Это была «эллинизация варваров». В то же самое время греки сами подпали под влияние яркой культуры скифских и не скифских племён Причерноморья, связанных с очагами культуры древнего Востока. Это была «варваризация эллинов».

В материальной и духовной культуре древних славян сохранились следы античной, греческой, скифской, сарматской, гето-дакийской культур. Это нашло отражение в верованиях, религиозных представлениях, в одежде, украшениях, искусстве и т. д.

С трипольцами восточных славян сближает культ матери-Земли, культ быка, древние земледельческие традиции; со скифами, сарматами, гето-дакийцами — верования, погребальные обычаи, одежда, украшения, даже обычай стричь волосы «в круг» и др.

Уже в скифские времена в среднем Приднепровье искусство обработки железа, литья меди, тиснения золотом, производства керамики достигает высокого развития.

В III—IV вв., в период распространения в среднем Приднепровье римского влияния, возникает производство за-

мечательных изделий с выемчатой эмалью, появляется гончарный круг и искусно сделанная чёрная лощеная посуда; высокого развития достигает обработка кости. На Оке в это же время развивается кузнечное и ювелирное ремесло.

Дурная традиция археологии и исторической науки обычно связывала все эти сдвиги в области ремесла с какими угодно народами и, прежде всего, с готами, отказываясь видеть в носителях ремесленного искусства Приднепровья древних славян.

Между тем, как мы уже видели, среднее Приднепровье является древнейшим очагом этногенеза славян, областью быстрого и интенсивного складывания и развития культуры восточной ветви славянства.

Преемственная связь, хотя, конечно, отнюдь не непосредственная, устанавливаемая между ремеслом среднего Приднепровья III—IV вв. и IX—X вв., сохранение определённых мотивов и навыков говорит о том, что все эти изделия были созданы далёкими предшественниками ремесленников киевских времён.

В течение определённого периода времени в VI—VII вв., в период завоевательных походов антов, наблюдается известный упадок ремесленной деятельности.

Исчезают связанные со включением среднего Приднепровья в район распространения провинциально-римской культуры гончарный круг и выемчатая эмаль, а ювелирное искусство, продолжающее развиваться, характеризуется производством пальчатых фибул (застёжек). Это времена начала известного запустения среднего Приднепровья и передвижки с севера на юг отсталых лесных славянских племён.

VIII век, время хазарского владычества, характеризуется распространением на Руси восточного влияния.

На изделиях русских ремесленников сказывается влияние мусульманского Востока — Ирана, арабских стран, Средней Азии.

В VIII—IX вв. наблюдается рост кузнечного, литейного, гончарного, ювелирного и косторезного ремёсел, которые выделяются в самостоятельные отрасли производства. В IX в. вновь появляется гончарный круг, но на этот раз на территории несравненно более обширной, чем в III—IV вв.

Постепенно ремесло совершенствуется, усложняется, дифференцируется. Появляются чеканка, выемчатая чернь, выемчатая эмаль, зернь, а со второй половины X в. — производство шлемов и кольчуг, плоскорельефная чеканка, волочение проволоки, филигрань, эмаль, стекло и эмалевая полива на строительной декоративной керамике.

На гончарных изделиях появляются клейма мастеров.

В середине XI в. дальнейшее развитие ремесла порождает штамповку, заменившую трудоёмкую чеканку, вводятся каменные формочки для литья, стандартизация.

Центрами ремесленного производства становятся Киев, Смоленск, а затем и Новгород.

В XI в. славятся новгородские ювелиры-чеканщики, гончары и плотники, киевские мастера, выделявавшие мечи русского типа и замки, и т. д.

Ремесленники древней Руси X—XI вв. делились на три группы: 1) княжьи и боярские, 2) свободные ремесленники-горожане и 3) деревенские ремесленники.

«Правда» Ярославичей берёт под защиту княжьи ремесленников и ремесленниц и назначает за их убийство 12-гривенный штраф.

На Руси IX—XI вв. производили свои замечательные изделия искусные кузнецы и оружейники, бронники и плотники, кожевники и гончары, ювелиры и резчики по кости, каменщики, эмальеры, стеклоделы и т. д.

Высокохудожественные изделия русских ремесленников дорого ценились за границей.

Скань, серебро с чернью, эмаль, шиферные пряслица и другие изделия вывозились в Чехию, Польшу, Камскую Болгарию, Херсонес, в славянское Поморье и т. д.

Об уровне развития славянского художественного ремесла свидетельствует изумительная выкладка узоров из скани и зерни на серебряных украшениях (серебряные подвески и лунницы из Гнездовского клада, височные подвески и лунницы из Борщевского клада под Киевом, оба X в., и др.).

Шедёвром русского ремесла является серебряная оправа турьих рогов из Чёрной Могилы в Чернигове (X в.). Оправа одного из рогов покрыта черневым узором из переплетающихся растительных пальмет, по технике не уступающим лучшим восточным образцам. На оправе другого рога чеканом и резцом изображена охота на птиц,

причём в центре рисунка помещены две пары грифонов, сплетённых хвостами, крыльями и шеями.

Достаточно посмотреть на замечательную отделку турьих рогов из Чёрной могилы, для того чтобы нам стало ясно, почему в своём трактате Теофил (X в.) писал: «...если ты его (трактат) подробно изучишь, то узнаешь...», что нового изобрела Русь в искусстве изготовления эмалей и в разнообразии черни».

Вот почему Теофил в своём трактате на первом месте ставит Византию, на втором — Русь, а затем уже Францию, Италию, Германию, арабские страны.

Вот почему византийский писатель XII в. Иоанн Тцетцес писал стихи, в которых прославлял русских ремесленников — резчиков по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом.

Говоря об архитектуре древней Руси, невольно хочется сказать словами Б. Д. Грекова:

«Если вы, собираясь осмотреть Киевскую Софию, заранее решили отнестись снисходительно к умению наших далёких предков выражать великое и прекрасное, то вас ждёт полная неожиданность».

Грандиозный храм, полный света, великолепно украшенный фресками и мозаикой, монументальный и торжественный, он не только оказывал огромное впечатление на современников вроде знаменитого митрополита Иллариона, который писал о нём: «церковь дивна и славна всем окрестным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи землием от востока до запада», но и на людей поздних времён, вплоть до нашего XX в. Киевская София, заложенная Ярославом Мудрым (1037 г.), задумана как символ равноправия русской и византийской церкви, равноправия Руси и Византии, символ утверждения самостоятельной русской церкви.

Её строгие пропорции, её огромные размеры (1326 кв. метров без галлерей), целая система изобразительных композиций говорят об исключительном мастерстве русских зодчих.

А рядом с Софией стояла ещё более древняя, построенная Владимиром (989—996 гг.) Десятинная церковь богородицы, сооружение грандиозных размеров (1542,5 кв. метра). Масса мрамора, обломки мраморных колонн и капителей, пол из разноцветного мрамора, куски яшмы и

порфира, стекла и шифера, остатки мозаики и фресок — всё это говорит о пышности, богатстве и великолепии храма, не случайно названного летописцем «мраморным». В Новгороде высился другой замечательный Софийский собор, построенный Владимиром Ярославичем в 1045—1051 гг. В Полоцке стояла третья София, а в Чернигове — древнейший Спасский собор, заложенный ещё Мстиславом в 30-х годах XI в.

В архитектуре черниговского Спаса можно наблюдать следы кавказского, восточного влияния. Повидимому, кавказские зодчие приняли участие и в возведении не дошедшей до нас церкви Богородицы в Тмутаракани, заложенной Мстиславом, и в строительстве черниговского Спасского собора.

Величественны архитектурные памятники древнего Киева. Ещё в середине X в. в Киеве высился княжой дворец, обычно именуемый «дворцом княгини Ольги», — великолепное двухэтажное кирпичное здание, окрашенное в светло-коричневый цвет, украшенное мрамором, шифером, мозаикой, фресками и т. д.

При Ярославе были воздвигнуты великолепные «Золотые ворота», представлявшие собой глубокую каменную арку с железными, украшенными позолотой, дверями; над аркой высилась башня с куполом; внутри башни была устроена церковь.

Планомерное строительство многих древних русских городов и прежде всего самого Киева, приводило к тому, что здания как бы связывались с окружающей природой. Так, например, сливались София и Княжеская гора в Киеве.

Архитектура древней Руси X—XI вв. отличается грандиозностью масштабов, монументальностью, торжественностью и в то же самое время массой света, динамичностью, лёгкостью, яркостью красок, замечательным убранством и украшением (мозаика, фрески, барельеф, майолика, инкрустация).

Она является как бы воплощением в древнерусском зодчестве той жизнерадостности, того оптимизма, далёкого от идей аскетизма и отрицания земных благ и земной суеты, которые определяют собой идеологию Киевской Руси времён Владимира и Ярослава, раннее русское христианство.

Она отражает мощь Руси, надежды и чаяния русского народа, уверенность в себе, в своих силах, его исторические перспективы, идеи равноправия русского народа и греческого, равноправия Руси и Византии, роль и миссию русского народа.

Не случайно архитектурный стиль древней Руси так близок по идее, по художественному языку народному эпосу.

Нет сомнения в том, что греческие и, повидимому, кавказские мастера принимали участие в возведении величественных памятников русской архитектуры киевских времён.

Но для их возведения нужны были и свои, русские, мастера, свои, русские, рабочие, без которых невозможно воздвигать столь грандиозные здания. И они, эти искусные русские «каменосечцы» и «древоделы», плотники и художники были на Руси, как были и зодчие-мастера, вроде Миронегга, построившего в 1020—1026 гг. пятиглавый деревянный храм в честь первых русских святых — Бориса и Глеба, или Ждана, выстроившего храм тех же святых в 1072 г.

И с постановкой этого вопроса мы переходим к другим формам русского народного зодчества.

От деревянного русского народного зодчества каменные постройки заимствовали галереи «терема» и «сени» — лестничные башни с шатровыми верхами.

Таким произведением деревянного зодчества была тринадцатиглавая дубовая Новгородская София, на месте которой Владимир Ярославич воздвиг каменную.

Древнейшие сведения о княжеском дворце сообщает Ибн-Фадлан.

Он говорит о том, что дворец князя представляет собой огромное помещение, где одновременно могут находиться до 400 человек. В нём стоит престол, на котором, возвышаясь над своими слугами, восседает князь. Это не что иное, как рубленая из огромных брёвен гридница, известная нам из летописи и скандинавских саг. Гридница очень велика. Она вмещает не только всех княжеских чад и домочадцев, не только всех ближайших слуг и дружинников, но и много приглашённых гостей.

Здесь собираются все, кто служил князю и жил на его хлебах, все гости и приглашённые.

Посреди неё возвышается «отень стол» — почётное место князя.

Кровля гридницы покоится на огромных, толстых столбах. Внутри гридницы — большие открытые очаги, позднее сменённые печами.

Не менее традиционным для княжеского двора был рубленый из дерева терем — высокая башня со специальными горенками (комнатами) для женщин. Гридница и терем чрезвычайно характерны для зодчества Киевской Руси. Почти в каждой былине воспеваются «гридницы светлые» и «терема златоверхие».

Довольно рано на смену гриднице, этому типичному сооружению эпохи «военной демократии», отражающему патриархальную простоту, приходят сени. Они составляли второй этаж княжеского дворца, построенного из громадных дубовых брёвен, и представляли собой огромный зал, помещавшийся между клетями.

Заменяя древнейшую одноэтажную гридницу, сени становятся местом собраний и пиров. Здесь, в сенях, стоял и княжеский престол. К сеням вёл вход — лестница. По сторонам сени (или сенница) опирались на клетки первого этажа, а посередине — на столбы.

Вдоль стен сеней стояли тяжёлые, широкие лавки, покрытые парчой и мехами, а перед лавками — длинные столы, за которыми обедали и пировали. По стенам висели доспехи и оружие, а на полках была расставлена посуда: деревянные чаши и ложки, уполовники, корцы, ковши, глиняные горшки, корчаги, криньки, плошки, золотые, серебряные, железные и медные сосуды, котлы, сковороды, ложки, мисы, чары, блюда, кубки, ковши, отделанные серебром рога и т. д.

В этой посуде подавались мёды и квасы, пиво (ол) и вина.

На углях и рожне, в котлах, повешенных над очагом, а позднее в печах жарили и варили мясо быков и баранов, свиней и телят, туров и диких коз, лосей и кабанов, дикой и домашней птицы, клали на блюда, подавали к столу.

Столы ломились от питий и яств: мясных кушаний, масла, сыра, хлеба, коврижек, пирогов, рыбы, «зелья» (овощи: капуста, репа, морковь, огурцы, лук, чеснок), «овощей» (фрукты: яблоки, груши, сливы), сладких печений, пряностей (перец, мята, тмин) и т. д.

В такой гриднице пировал Владимир, в таких сенях пиршествовали былинные богатыри киевских времён.

Княжой дворец — «хоромы» — представлял собой совокупность отдельных зданий. Избы и клетки стояли отдельными группами, связанными друг с другом переходами и сенцами.

Кроме хором, на княжеском дворе стояли различные хозяйственные постройки: погреба (вначале тюрьмы, а затем хранилища), медуши (погреб, где хранился варёный мёд), бретьяницы (погреб для хранения бортневого мёда), скотницы (казнохранилища) и бани.

Двор княжеский, окружённый тыном, замыкал огромную площадь. На нём творился суд, собирались сходы, сходилась дружина, устраивались игры и забавы.

Княжеские дворы с дворцами располагались и по сёлам (Берестово).

Такие же дворы и хоромы имели бояре. Те же дома в два этажа, внизу — кладовые и клетки, наверху — сени на высоких столбах. К ним ведёт лестница. Светлицы и горницы терема, частокол двора, тяжёлые ворота довершали сходство. Избы, клетки, погреба, бани занимали двор.

Жилищем «простой чади», «сельского» и городского «людья» служили бревенчатые избы или полуземлянки, крытые соломой и камышом.

Немудрёные очаги и печи, простые лежанки из земли, лавки и столы, глиняная и деревянная посуда, несложный инвентарь (сельскохозяйственные, кухонные и ремесленные принадлежности), — таково было внутреннее убранство жилища бедного русского человека.

Древнерусское жилище с его патриархальным бытом, зодчество киевских времён, предметы быта той поры нашли яркое отражение в народном эпосе. Они были порождением одной эпохи, одного этапа в истории русского народа, они были детищем русского народа времён «славного варварства» (*К. Маркс*), героической поры.

Замечательные произведения мастеров, создававших фрески Киевской Софии, изображающие воинские и охотничьи сцены, животных, птиц, представления скоморохов и т. д., исполненные ярко, живо и реалистично, говорят о развитии живописи.

Портретная живопись представлена изображениями жены Ярослава Мудрого, Ирины, и её трёх дочерей.

Резчики по камню, мрамору и дереву создавали деревянные и каменные статуи языческих богов вроде киевского деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, новгородского Перуна с палицей, знаменитого «Збручского идола»; высекали и вырезывали красивые барельефы, вроде барельефа на камне пещеры у реки Буш, впадающей в Днестр, и изображающего человека, оленя, дерево и петуха, т. е. сцены моленья и предметы языческого культа древних славян, а со времён христианства они же стали украшать церкви, отделявая саркофаги и баллюстрады, капители и рельефы. Ко времени Владимира относится водружение в Киеве двух статуй и квадриги (античной четвёрки лошадей). В это же время появляется и иконопись.

Перейдём к внешнему облику русских людей киевских времён.

Одеждой «простой чади» древней Руси служили широкие «порты», длинные, до самых щиколоток, такие же длинные перепоясанные рубахи с длинными, расширяющимися книзу рукавами. На груди рубаха имела вышивку, достигающую до пояса. Такая же вышивка украшала и рукава.

Характерно, что костюм, который носили среднеднепровские анты, уводящий нас своими корнями в сарматский мир, до недавних дней сохранился на Украине и в Белоруссии. Поверх надевался долгополый суконный кафтан или кожух. Сорочки, пояса, шитые из кожи остроносые сапожки со швом на подошве, кожаные лапти, шапки, плетённые или сделанные из шкур, меховые особые мешочки, носимые у пояса, где помещались огниво, трут, бруски для точки и т. д. Таков был костюм смерда или горожанина, чаще всего сделанный не специалистом-«швецом», а самим владельцем костюма.

Костюм женщин из «сельского» и городского «простого людя» составляли длинные рубахи, кофты, юбки, шапочки и повязки, расшитые серебряными и стеклянными украшениями. На висках носили кольца, нашитые на головной убор или нанизанные на ремень. Головы оплетали шёлковыми шнурами и лентами. Волосы заплетали в косы, которые либо укладывали в причёску, либо спускали на спину или на грудь.

Зимой носили тот же кожух, что и мужчины, не было большого отличия и в обуви,

Одежда знати была дорогой и яркой. Парчѣвые и шёлковые кафтаны, обшитые мехом и украшениями долгополые суконные кафтаны, корзно (плащи), короткие куртки и кафтаны с золотыми пуговицами, широкие шаровары, собольи шапки с шёлковыми верхами, шёлковые шубы, разноцветные сафьяновые сапоги, прошитые бронзовой проволокой и подбитые твёрдой кожей, позолочѣнные пояса и т. п. — такова была одежда русской знати.

Женщины знатных и богатых семей одевались в длинные шёлковые кафтаны с широкими рукавами, сафьяновые сапожки, шёлковые шубы на меху, подпоясывались золотыми поясами.

Золотые и серебряные кольца, браслеты, ожерелья, бусы, височные кольца, особые коробочки, золотые и серебряные лунницы и пр. служили украшением.

«Простая чадь» стригла волосы в скобку, как это делали древние племена Скифии и Дакии; знатные русы брили голову, оставляя на одной стороне чуб. Бороды либо брили, либо красили и свивали. Нередко встречалась татуировка.

Таков был внешний облик русских людей киевских времён.

Многообразной и красочной материальной культуре древней Руси соответствовала яркая, многогранная, сложная духовная культура восточного славянства.

С незапамятных времён развилась на Руси народная устная поэзия, замечательный древнерусский эпос.

Заговоры и заклинания (охотничьи, пастушеские, земледельческие, вроде знаменитых заклинаний дождя) с их яркой, меткой и живой народной речью; пословицы, отражающие земледельческий быт древних славян; носящие часто магический характер загадки, в которых нетрудно проследить пережитки архаических религиозных представлений и обычаев, вроде посвящений юношей — остаток седой древности, календарные обрядовые песни, связанные с древним языческим славянским календарём (аграрная магия, греко-римская и христианско-языческая обрядность); свадебные и похоронные обряды и песни, связанные с хозяйственной жизнью и культом предков; причитания, легенды и сказки и т. п. — составляли магическую, мифологическую поэзию древних восточных славян.

В древнерусском устном народном творчестве обрядо-

вого происхождения сохранились пережитки древних семейных отношений (например, пережитки группового брака и беспорядочных половых отношений дородовой коммуны в весенней обрядовой поэзии, обычаях, «купальской» и свадебной обрядности) и религиозных представлений далёкой поры (анимизм, магия и культ предков, реже — тотемизм).

Но даже архаическая обрядность и связанное с ней народное поэтическое творчество свидетельствуют о том, что с давних времён восточное славянство включилось в общую культурную жизнь с народами средиземноморских цивилизаций. Так, из греко-римского мира пришли «радуница» (праздник поминания покойников, греческое «godonia»), «русалий» (весенний праздник, римское «rosalia» — день роз), «коляды» (праздник нового года — «calendae»), масленица (соответствует карнавалам) и ряд других религиозных представлений, нашедших аналогии с древнерусскими языческими поверьями и слившихся с ними, представлений, уходящих в седую даль времён.

Древнерусский фольклор был связан с религиозными верованиями и обрядами, с бытом и практической хозяйственной деятельностью.

Загадки, поговорки, сказки отражали религиозно-мифологические представления.

В основе устной народной поэзии лежали стремления и мысли, чаяния и идеалы «людьа» древней Руси, порождённые производственными отношениями, общественным бытом, тяжёлой борьбой общин с природой.

Так рождались сказки о скатерти-самобранке, ковре-самолёте, сапогах-скороходах и т. д.

С течением времени в эту древнюю языческую обрядность и в фольклор проникают черты, свойственные христианству.

Коляды, щедривки, масленица, заклинание весны, красная горка, радуница, русальная неделя, Купала, проводы весны, дожинки и другие праздники приурочиваются к христианским святым, к праздникам христианского календаря. Язычество христианизируется, а христианство принимает языческие черты.

Прежние магические обряды перерождаются в «бывальщины» (рассказы о леших, водяных, домовых), в волшебные сказки, где остатком глубокой старины высту-

пают пережитки обряда посвящения юношей при достижении ими зрелости, заклинания и т. п.

Смысл обрядов давно позабыт, искажены термины, но форма обрядности необычайно живуча и сохраняется на протяжении многих-многих поколений.

И уже тогда, в далёкие времена, у истоков Киевской Руси, рождались былины («старины») киевского цикла.

Их породила реальная жизнь древней Руси, и популярные в народе исторические деятели киевских времён превращались в эпических героев. Русские былины возникли в X—XI вв., в период образования и расцвета Киевского государства. Об этом говорят исторические имена героев былин, бытовые детали, общественные отношения и моральные взгляды, характеризующие собой былины. Стародавние времена, когда князья занимались «ловами» (охотой), ездили в полюдь, направлялись в далёкие походы в сказочно-богатые царства, отразились в былинах о Вольге, в имени которого мы усматриваем видоизменённые имена Олега и Ольги.

Деятельность этого героя древних былин действительно в некоторой степени напоминает деятельность Олега и Ольги.

К этому же времени относится весь цикл былин о «ласковом» князе Владимире Красное Солнышко, о Добрыне Никитиче, знатном богатыре, в котором нетрудно усмотреть летописного дядю Владимира Добрыню. Таким же историческим лицом выступает Алёша Попович.

Сложный образ Ильи Муромца, попавшего в германский и скандинавский эпос, тоже отражает некоторые черты исторического Олега, хотя со временем значительно видоизменяется, становясь олицетворением русского воина, народного богатыря, «сына крестьянского».

Илья Муромец — защитник вдов и сирот, носитель подлинного народного патриотизма, правдивый и гордый, прямой и честный, храбрый и бескорыстный, враг «бояр кособрюхих», притесняющих его, крестьянского сына.

Он стоит на богатырской своей заставе с палицей в «девяносто пуд» «не ради князя Владимира», хоть и ласков на пирах Владимир Красное Солнышко, «а ради матушки-свято-Русь земли».

Таким же обобщающим типом является идеальный крестьянин Микула Селянинович.

Чертами глубокой древности наделён образ Святогора, «старшего» богатыря.

В былинах находят отражение и вековая борьба Руси с кочевниками и ряд исторических событий. Сватовство Соловья Будимировича к племяннице киевского князя отражает сватовство Гаральда Гардрада к Елизавете Ярославне, высватывание Добрыней невесты Владимиру отражает сватовство Владимира к Рогнеде.

В бесчисленных народных былинах, отразивших историческую действительность и исторических деятелей далёких эпох, отразилась страстная любовь русского народа к своей родине, к свято-русской земле, уважение к тем, кто стоял на богатырской заставе, на её рубежах, кто верой и правдой служил своему народу, защищал бедных, сирых и убогих, кто не боялся говорить правду в глаза великим мира сего — князьям и боярам, кто держал с честью своё слово богатырское, кто был честен и храбр, верен и стоек.

Героический период в истории русского народа породил былины.

Яркость и сочность красок, пленяющий художественный реализм, красота былинного напева, художественная и идейная сила былинных образов, величие былинных героев, пафос древнерусского народного творчества делают его великим и бессмертным.

— «Я снова обращаю... внимание... на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор... Василиса Премудрая... — всё это образы, в создании которых гармонически сочетались рация и интуицию, мысль и чувство», — писал Максим Горький.

Былины киевских времён — это составленная самим народом его история, это прошлое народа, им самим воспетое, переложённое на язык старинных напевов, песен боянов, «соловьев старого времени», на язык рокошующих струн гуслей.

«От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории» (М. Горький).

Так возникала дописьменная и бесписьменная история Руси.

Она, эта дописьменная история, попала в письменную историю, в наши летописи, прошла через них красной нитью, обогатила их яркими образами, замечательными рассказами, правдивыми характеристиками, сложилась в целый цикл исторических преданий в поэтической форме и дошла до нас в форме былинного народного творчества.

Русскую историю стали складывать, «песнь пояше», под звон струн своих гуслей, бояны, воспевавшие в княжеских гридницах «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», и слагавшие новые песни о подвигах своих современников бесчисленные «певцы», «игрецы» и скоморохи, неизвестные создатели народного эпоса, навеки запечатлевшие историческое прошлое народа русского в своём устном творчестве.

Они же — бояны, игрецы, певцы, скоморохи — были создателями и носителями народного устного творчества, музыкантами и артистами древней Руси.

Древнейший жанр русской музыки — это эпические сказания («старины», былины), обрядовые песни, причеты и т. д. Они близки речитативу.

Былинные напевы представляют собой как бы величественную и спокойную музыкальную речь. Так пели бояны древней Руси.

От них отличаются свадебные и похоронные песни, так называемые «плачи», основанные на неоднократном повторении «завывальных» мотивов («попевок»), календарные и сезонные обрядовые песни, построенные на интонации «выкликаний», «призывов», и различного рода «протяжные песни».

Инструментом древнерусским «игрецам» служили гусли, сопели (дудки), сурны (трубы), рога, бубны, кувички (своеобразные флейты).

Со временем появилась нотная письменность (Остромирово евангелие и Куприяновы листы).

Началом театральных представлений на Руси явились народные игры и обряды, сопровождавшиеся пением, игрой и пляской.

И носителями театрального народного творчества, первыми актёрами выступают скоморохи — певцы, танцоры, акробаты, фокусники и т. д.

Без этих любимцев народов, воспетых в былинах об «удалой скоморошине», сохранявших, отделявавших, шли-

Новгородский Софийский собор (к стр. 264)

А

Б

А) Фрески Киевского Софийского собора (к стр. 282).
 Б) Боян (к стр. 288)

фовавших, развивавших и распространявших народное творчество по всей земле Русской, в своё время не обходилось ни одно народное празднество, ни один княжой пир.

Недаром скоморохи попали даже на фрески киевского Софийского собора.

И дожила «удалая скоморошина», несмотря на преследования со стороны правительства и церкви, сохранив нам жемчужины народного творчества, до XVII и даже XVIII в.

Параллельно с устным, бесписьменным народным творчеством развивалась древнерусская письменность, «книжность».

Возникла она на Руси задолго до принятия христианства.

Ещё в середине IX в. Константин Философ (Кирилл) во время своей хазарской миссии видел в Херсонесе у «русина» евангелие и псалтырь «роушками письмены пьсано» и, зная славянский язык, этот солунский грек, к изумлению собравшихся, быстро начал читать и переводить псалтырь и евангелие, написанные неизвестными ему знаками, но на понятном ему языке.

Как выглядело это древнерусское письмо?

Черноризец Храбр сообщает, что в древности у славян были «черты и резы», которыми они «чътяху и гадаху». Затем они стали заимствовать латинское и греческое письмо, но так как в них отсутствовал ряд звуков, имевшихся в славянских языках (ж, ч, ш, щ и др.), то была создана славянская письменность.

Эти древнерусские «черты и резы» мы можем наблюдать на обломках глиняной посуды IX—X вв., найденных в землях вятичей и кривичей (под г. Калинином), на полированных костях, обнаруженных в земле северян (под Черниговом), археологическими раскопками (Городцова, Самоквасова и др.), в сочинении Ибн-Абн-Якуб-Эль-Недима, арабского писателя X в., тщательно скопировавшего русскую надпись на куске дерева.

Ибн-Фадлан видел надпись на столбе, воздвигнутом русскими на могильном кургане.

Уже договор Олега с греками был переведён на русский язык, а со времени Игоря князь снабжал особыми грамотами всех русских послов и купцов, направлявшихся в Царьград.

Есть основания полагать, что эти русские «черты и резы», приспособленные к звукам славянской речи, усвоенные им во время хазарской миссии, Константин Философ, вводя письменность среди моравских славян, положил в основу славянского письма, знаменитой «кириллицы».

Таким образом, истоки «кириллицы» — древнерусские «черты и резы» IX в. Они вновь вернулись на Русь уже во времена принятия христианства в изменённой форме в виде «кириллицы».

Славянская письменность возникла на базе древнерусского письма, и Русь не заимствовала письменность, а сама создала и распространила её.

Это подтверждает Фахр-ад-Дин-Мубарак-Шах (XIII в.), сообщающий, что хазары заимствовали своё письмо у русских. «Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собою. Букв всего 22».

И в основу своей азбуки, насчитывающей «тридцать и осмь» букв, Кирилл положил этот двадцатидвух- (или двадцатиодно) -буквенный алфавит, роднящий русскую и хазарскую письменность.

Принятие христианства способствовало распространению письменности и «книжности» на Руси, но древнерусское письмо зародилось задолго до официального крещения Руси.

Влияние его на письменность соседних славянских и неславянских народов очень велико.

Вместе с принятием христианства, когда монастыри и княжие дворы становились очагами, распространявшими письменность и образованность на Руси, появляются первые памятники древнерусской литературы.

Стремление русского народа к созданию своей истории нашло отражение в появлении древнейшего Киевского летописного свода.

Созданный по инициативе Ярослава Мудрого летописный свод 1039 г. отличается ясным и простым языком, глубоким содержанием и единством идеи.

Художественность изложения, юмор, бытовая наблюдательность, высокое патриотическое сознание сочетаются с привлечением огромного материала: памятников материальной культуры, документов, данных языка, рассказов очевидцев, народных песен, былин, преданий и легенд.

В его строках запечатлены накопленная многовековая народная мудрость, горячий, страстный патриотизм.

Таким же бесценным памятником древнерусской «книжности» является «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона.

Возникшее в обстановке идеологической и политической борьбы Руси с Византией, борьбы за свою независимость (до похода русских на Византию 1043 г.), отличающееся исключительной жизнерадостностью и оптимизмом, оно представляет собой блестящее по стилю и глубоко содержательное по идее патриотическое и полемическое сочинение, направленное против Византии, стремившейся к гегемонии над Русью.

Основная идея «Слова» — равноправность народов, признание «благодати» («нового завета»), христианства, международным, а не замкнутым, сугубо национальным учением («ветхим заветом»). И в то же самое время оно является хвалой русскому народу, Руси и её крестителю — Владимиру.

«Слово» проникнуто мольбой сохранить независимость Руси:

Не наводи на ны напасти искушения,
Не предай нас в руки чуждних,
Да не прозовется град твой град пленен...

В такой же обстановке была создана замечательная «Память и похвала» Владимиру Иакова Мниха, проникнутая тем же патриотическим чувством.

Автор её использовал какие-то не дошедшие до нас древнейшие записи.

Эти первые русские произведения дали толчок развитию русской книжности. Вскоре появились «толкования» Упыря Лихого (1047 г.), евангелие, переписанное для новгородского посадника Остромира дьяком Григорьем (1056—1057 гг.), «Изборник» Святослава Ярославича (1073 г.), «Жития» первых русских святых — Бориса и Глеба, целый ряд переводов, сочинений «отцов и учителей» церкви, житий, хроник (летописей) Георгия Амартола и др., отрывков из древних античных авторов (Плутарха, Пифагора, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диогена, Сократа) и т. д.

Русская письменность той поры, впитывая в себя книжность Византии, Болгарии и западнославянских стран (Моравия, Паннония, Чехия и Польша), в то же самое

время сама оказывала большое влияние на литературу славянских народов. Так, например, чешские святые Людмила и Вячеслав стали русскими святыми, а Борис и Глеб были признаны святыми в Чехии, где в Сазавском монастыре им был устроен особый «придел».

На Руси наряду с «кириллицей» встречается другое письмо — «глаголица» (Упырь Лихой, фрески Софии), распространённое в юго-западных славянских землях.

В латино-польских текстах много русских слов, в русских текстах XI в. встречаются слова западнославянских языков. Особенно сильно влияние Киевской Руси на южных славян, часто переписывавших в XIII—XIV вв. книги, заимствованные у них в своё время Русью, с русских оригиналов (кормчие, евангелие, требники и др.). Русская служба Борису и Глебу, «ответы» русского митрополита Иоанна, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона и другие русские литературные произведения XI в. были распространены позднее в Болгарии и Сербии.

Культура Киевской Руси той поры, таким образом, оказывалась не только поглощающей «чужеземные влияния», но и распространяющей собственное влияние по землям «дальним и ближним».

Высокий уровень литературной культуры древнерусских художественных произведений середины и второй половины XI в. говорит о том, что у них были не дошедшие до нас предшественники. Рассадниками и хранителями древнерусской письменности выступают монастыри. И с 70-х годов XI в. роль центра «книжности» и литературной деятельности на Руси закрепляется за Киевским Печерским монастырём.

Вместе с исторической, церковной и прочей литературой возникает и развивается рождённая растущей государственностью деловая литература и, в первую очередь, законодательство.

Уже в глубокой древности сложился упоминаемый в договорах русских с греками «Закон русский».

При Ярославе был создан «древнейший русский свод законов» (Фр. Энгельс) — Русская Правда.

Вместе с отдельными распоряжениями князя, грамотами, договорами, записями-хрониками о важнейших событиях его правления они хранились в княжеской «скотнице» (казнохранилище).

Росла образованность на Руси. Ещё Владимир отдал в «учение книжное» детей «нарочитой чади», т. е. бояр, княжих мужей и дружинников, чтобы подготовить из них образованных государственных деятелей.

Грамота быстро распространялась на Руси. У «единого от учитель» в Курске в начале XI в. обучался целому циклу наук, «всей грамматики», Феодосий Печерский.

Ярослав учредил в Новгороде особую школу, где обучалось 300 человек «старост и поповых детей».

«Хитрых писать книги», вроде киево-печерского монаха Иллариона, становилось на Руси всё больше и больше.

Любителей книги было ещё больше.

Уже Ярослава Мудрого можно было по праву назвать образованнейшим человеком своего времени. Один его сын, Святослав, заставил книгами все «клетки». Для него был написан знаменитый «Изборник». Другой сын Ярослава, Всеволод, «дома сидя изумеяше пять язык». Владимир Всеволодович Мономах известен не только как составитель законодательного памятника, «Устава», но и как автор знаменитого «Поучения», свидетельствующего о талантливости и эрудиции автора, о знакомстве его с русской и иностранной, в частности англо-саксонской, литературой.

Немало «книжных» женщин знала древняя Русь. Женщина в X—XI вв. ещё не была затворницей теремов и принимала активное участие в общественной и политической жизни страны.

Сестра Ярослава Предслава переписывалась с братьями, писала «кириллицей» дочь его Анна, а в 1086 г. внучка Ярослава Янка Всеволодовна учредила при Андреевском монастыре первое в Европе женское училище.

Чтобы понять значение этого, нужно учесть, что император Оттон Великий лишь в старости научился писать, а Филипп Смелый, вступив на престол, не знал ни одной буквы. Документы западноевропейского средневековья пестрят крестами, которые ставили вместо своих подписей неграмотные короли, графы, пфальцграфы, герцоги и т. д.

В «книжность» Киевской Руси проникала античная наука, элементы античного естествознания. Эти начатки знаний в области астрономии, математики, ботаники, медицины, географии и т. д. сыграли свою роль в развитии русской науки той далёкой поры.

Драгоценные остатки античной науки и техники были тем наследием, которое оплодотворило культуру русского народа и приблизило его к науке.

И нужно отметить, что на начальных этапах истории древней Руси эта «книжность» имела больше условий для своего сохранения и распространения, нежели в Западной Европе.

Это было время, когда христианство на Руси носило характер религиозного оптимизма, чуждого аскетизму, отрицанию «мира», фанатической борьбе с «эллинскими премудростями», с античным естествознанием, философией и литературой, т. е. как раз всему тому, что было характерно для средневековой католической религии.

Распространялось образование, росло число школ и учителей. Память об этом «научении книжном» сохраняют русские былины.

Былина о Ваське Буслаеве вспоминает о том, как:

Стали его грамоте учить:

Грамота ему в наук пошла.

Посадили его пером писать:

И письмо ему в наук пошло.

На Руси ценили и любили книгу. «Велика бо бывает полза от учения книжного, книгами бо кажеми и учими есмы... мудрость бо обретаем... от словес книжных» — повествует летописец.

«Ум без книг, аки птица спешена... свет дневной есть слово книжное...». Книги «суть реки, напаяющи вселенную...», «книгам бо есть неищетная глубина...»

И эти мысли бесчисленных известных нам и анонимных авторов, составителей и переписчиков книг, встречаемые на каждом шагу, определяют отношение русского человека киевских времён к книге, к науке, к образованию.

Любовь к книге, к истории своей страны и своего народа породила бесчисленные летописи, равных которым не имеет ни один народ мира, которыми по праву может гордиться древняя Русь.

Но наряду с «книжной» наукой, иногда переплетаясь с ней, а иногда идя своим путём, росла и развивалась бесписьменная народная наука, народная мудрость. Народная мудрость носила характер «рецептурной» науки — древние русские передавали из поколения в поколение накопи-

ваемый опыт, приобретённые наощупь, вслепую, познания; они знали, как надо построить дом, как вылечить больного, как и когда производить те или иные земледельческие работы, в зависимости от погоды, где найти зверя и т. п., но чаще всего не могли ответить на вопрос — почему?

Многовековая практика многому научила, выработала правила, рецепты, но не объяснила или объяснила весьма своеобразно те или иные явления природы, особенности живого и растительного мира и т. п.

Практические познания человека в его борьбе с природой облекались в форму религиозных представлений.

Поэтому-то часто хранителями народных знаний выступают представители языческой религии: волхвы, кудесники, колдуны, ведуны, ведьмы, знахари и т. п.

Веру в языческих богов и свой собственный авторитет они укрепляли прежде всего тем, что молитвы и магические заклинания, связанные с вызовом духов для помощи при засухе, дождях, голоде, суховеях, с предсказаниями погоды, со стремлением облегчить тяжёлый труд и т. д., они сочетали с применением некоторых конкретных знаний, которые они тщательно берегли и хранили, передавая только своим ученикам. Они же выступали в роли знахарей-врачей.

В этих накопленных народом знаниях, на которые как на свою монополию претендовали всякого рода волхвы и чародеи, магическое, фантастическое, нелепое перемешивалось с зёрнами истины, языческое, религиозное — с научным.

Вот поэтому-то, когда христианская церковь начала гонения на язычество, она стала преследовать и носителей этих полурелигиозных представлений — полупрактических знаний. И народные приметы и познания (народная медицина и ботаника, метеорология и астрономия), часто необычайно меткие и глубокие, сохраняются лишь в глуши, преследуемые, клеймённые прозвищем «языческих» и «еретических», превращённые в тайные знания, хранителями которых выступают колдуны, знахари, ведуны, ведьмы.

Но был и другой путь развития и накопления народной мудрости. Этот путь не превратил практические познания, приобретённые народом и облечённые в языческую обо-

лочку, в тайные знания ведунов и знахарей. Наоборот, эти последние, освобождаясь от магической шелухи, становились всё более и более светскими.

Опыт и навык дровосеков и каменщиков, зодчих и земледельцев, охотников и воинов, поморов и купцов, накапливаемый веками, приводил к приобретению новых познаний, к расширению кругозора людей древней Руси, к появлению новых воззрений на окружающую их живую и мёртвую природу.

Именно такое отношение к собственному опыту, мыслям, обобщениям обогащало русский народ, порождало ряд практических познаний, приводило к появлению искусных строителей и кузнецов, замечательных пахарей, осваивавших огромные лесные массивы своей страны с «сошкой кленовой», смелых мореходов, опытных «лечьцов» (лекарей) и т. д.

Так обогащалась народная мудрость, а кладезь её бездонен.

Русский человек той далёкой поры всему верил — «и в чох, и в сон, и в птичий грай», ко всему присматривался, прислушивался, всему придавал сверхъестественное значение: «храмина трещит, ухозвон, воронограй, куроклик, окомиг, огонь бурчит, пес воет, мыший писк, мышь порты грызет, жаба кычет, кошка мявкает, сон страшит, чернца сретит, свинью сретит, огонь пищит...».

И в то же самое время здравый смысл побеждал суеверие, распространялись знания и письменность, в широкие массы проникали начатки «книжности», накапливалась подлинная мудрость народная.

Так расцветала древнерусская культура — источник культуры всех трёх братских славянских народов Восточной Европы.

Своими истоками культура русского народа киевской поры уходит в седую даль времён. В творческом процессе, на протяжении веков и тысячелетий переплавляя и видоизменяя культуру древних народов, наследие давно канувших в Лету эпох, общаясь с соседями, беря и отдавая, русский народ создал блестящую и яркую, глубокую и богатую, содержательную и самобытную культуру киевских времён, культуру, лежащую в основе культуры великорусского, украинского и белорусского народов.

Везде и повсеместно — у Карпат и на Оке, у Ладоги и в Подунавье, в пущах Полесья и в далёкой Тмутаракани — она была единой, и местные особенности во всех проявлениях материальной и духовной жизни русского человека не могли нарушить её цельности, её единства и монолитности.

И это единство проявлялось и проявляется много столетий спустя в том общем, что сближает и роднит избу крестьянина сурового русского Севера и хату бойка далёких Карпат, резьбу гуцула с резьбой холмогорца, вышивки гродненского белоруса с рязанским шитьём, обряды, поверья, обычаи всех трёх восточнославянских народов.

Имя этому единству — древнерусская культура.

ГЛАВА XI

КИЕВСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Говоря о киевском периоде в истории славянских народов Восточной Европы, мы не можем не поставить вопрос о роли норманнов-варягов, скандинавов, в складывании древнерусского государства, в развитии русской культуры, вопрос, давно поднятый в исторической литературе.

Никто не будет отрицать того, что норманны ездили на Русь, проезжали через неё, поселялись в ней, сливались с русским её населением.

Находки вещей норманского происхождения (норманские мечи франкской работы, о которых говорят восточные писатели, норманские фибулы, украшения, оружие); скандинавские могилы; предметы религиозного культа, вроде знаменитых молотков Тора, подвешенных к шейному обручу; несомненные следы норманских колоний в русских городах и около них (Смоленск — Гнездово, Старая Ладога и др.); наличие на Руси топонимики скандинавско-варяжского происхождения; заимствования в русском языке из скандинавских языков (ящик, гридь, кербь, кнут, лавка, ларь, луда, рюза, скиба, скот, стул, стяг, суд, тиун, шнека, ябетник, якорь); рунические надписи на Руси и о Руси; прямые указания русских, византийских, западноевропейских, восточных, скандинавских источников о норманнах в Восточной Европе — всё это говорит о пребывании норманнов на территории Восточной Европы.

Но ни о каком завоевании Руси скандинавами-варягами, ни о какой норманской колонизации не может быть и речи.

Варяги-норманны не могли насадить на Руси свою культуру, законы, государственность прежде всего потому, что у себя, в далёкой Скандинавии, они находились на том же, а во многом на более низком уровне обществен-

ного и культурного развития, чем древняя Русь. На последнюю имела большое влияние с давних времён древняя античная, греческая и римская, а затем позднее византийская и восточная цивилизация, что уже тогда включило славянское и не славянское население Восточной Европы в орбиту влияния средиземноморского и восточного очага человеческой цивилизации, тогда как далёкая суровая Скандинавия, порождая предприимчивых и храбрых конунгов, викингов-воинов и мореплавателей, жадных и воинственных искателей славы и добычи, прославившихся своей яростью берсеркеров, была далека от основных очагов культуры и прогресса, и военные качества её сыновей отнюдь не могли заменить им начатков знаний, образованности и культуры. Несмотря на поездки в другие, более передовые страны и связи с ними, норманские викинги не приносили на родину цивилизацию этих стран, так как многие из них уже не возвращались в Скандинавию.

Поэтому в области развития материальной и духовной культуры, в области развития государственности Скандинавия стояла не выше, а ниже Руси, через которую она и познакомилась с богатствами и цивилизацией Византии — Миклагарда и Востока, страны сарацин, производших на сыновей суровой и холодной страны ошеломляющее впечатление. Недаром в скандинавских сагах, несомненно, верно отразивших представление широких народных масс северных стран о Руси, эта последняя, Гардарик, выступает страной несметных богатств, дорогих товаров, искусно изготовленных вещей, бесчисленных городов, величественных зданий, служба конунгам которой сулит почёт, славу и богатство. Общий тон поэзии скальдов, несомненно, правильно отражает взаимные связи Руси и Скандинавии. Руси нечего было заимствовать у скандинавов, а те заимствования, которые имели место в действительности в языке, праве, в материальной культуре, в эпосе, очень незначительны и свидетельствуют только о деятельности норманнов на Руси, а не об их культуртрегерской миссии. Поэтому варяги-норманны не могли быть создателями Русского государства, так как государство и государственная власть отнюдь не были прерогативой выходцев из Скандинавии, а сложились в Восточной Европе в результате общественного развития славянских племён.

Норманны на Руси не были колонизаторами. Это были купцы и воины-наёмники. Если они оседали на Руси, их жёнами были славянки.

Дети, рождённые в браках со славянками, носили уже славянские имена и становились русскими, славянами. Варяги-норманны быстро поглощались славянской средой и ассимилировались славянами. «Сами вожди весьма быстро смешались со славянами, что видно из их браков и их имен» (К. Маркс).

Поэтому влияние норманнов на культуру, быт, верования, язык, обычаи русских незначительно.

Династия на Руси была скандинавского происхождения, но она удерживается на Руси и господствует опять-таки только потому, что она руссифицируется, ославянивается и, обрусев, опирается на русскую знать, использует русские правовые институты, придерживается русских обычаев, нравов, религии, говорит на русском языке и враждебно относится к попыткам новых скандинавских авантюристов, купцов и воинов-наёмников, пытающихся повторить при Владимире и Ярославе то, что удалось их предшественникам в начале второй половины IX в. в Новгороде, хотя и не отказывается от их услуг.

Русские князья Владимир и Ярослав, посаженные на трон в значительной степени силой варяжского оружия, избавляются от наглых варяжских наёмников, первый — при помощи «воев» Руси Приднепровской, а второй — опираясь на новгородцев.

Характерно, что сами варяжские викинги, служившие в Хольмгарде и Кенугарде у русских князей, забыли об их скандинавском происхождении и, судя по сагам, знают их только как русских князей, под их русскими именами.

Не норманны были создателями древнерусской государственности. Не норманны создали богатую и яркую культуру Киевской Руси. Но, может быть, они дали начало названию Руси, самому наименованию — русские, руссы?

За это, казалось бы, говорит то обстоятельство, что летопись называет Рюрика, Синеуса и Трувора варягами из племени «Русь», что финны до сих пор зовут шведов «guotsi», т. е. русы, что некоторые западноевропейские и византийские источники считают русов норманнами (Лиутпранд, Иоани Диакон и др.), что имена русских

«слов» (послов) в договорах с греками и названия днепро-вских порогов «по-русски» у Константина Багрянородного звучат по-скандинавски, что у некоторых восточных писателей славяне («сакалиба») противопоставляются руссам.

Чем характеризуются русы? Русы не имеют «ни недвижимого имущества, ни деревень, ни пашень» (Ибн-Росте); «пашень Русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле Славян» (Ибн-Росте). Зато у них много городов, они воинственны, драчливы, храбры. Русь постоянно воюют и совершают нападения на славян, захватывают в плен и порабощают, а также добывают в земле славян всё необходимое для жизни, очевидно, собирая дань. Всё их имущество добыто мечом. Многие славяне, для того чтобы спастись от нападения русов, собиравшихся в дружины по 100 — 200 человек, приходят к русам служить, «чтобы этой службой приобрести для себя безопасность» (Гардизи). Русы — воины и купцы. Они ездят в «Рум и Андалус», в Хазарию, Византию, Багдад. Их поездки делали Чёрное море «Русским морем». Они живут в городах, окружают своих каганов. Русы хорошо одеты, богаты, «живут в довольстве» (Ибн-Росте). У них много рабов, драгоценностей, денег, украшений, дорогого оружия, тканей и т. п. Они выступают в роли купцов и послов, заключают соглашения от имени своих правителей, ведут заморскую торговлю. Зимой они собирают дань и выходят в полюдье в земли подвластных славянских племён (Константин Багрянородный).

Такова «Русь» — «руссы», так, как они рисуются нам по источникам.

А кто же славяне?

Славяне платят дань. Они возделывают землю, у них пашни, нивы, скот. Они живут в деревнях, пахут, пасут скот, добывают меха, которые у них отбирают в качестве дани русы. Они бедны, плохо вооружены. Славяне подвергаются набегам русов, которые собирают с них дань, кормятся во время полюдья, захватывают в плен, порабощают, вынуждают идти к ним на службу. Они мало подвижны, редко ездят. Их почти не знают соседи. Русь подчёркивает свое господствующее положение даже в том случае, если и они и славяне участвуют в совме-

стном походе. Так, например, русы ставят на свои ладьи парчѣвые паруса, а славяне — полотняные.

Такое деление русов и славян не этническое, а социальное, классовое.

Перед нами две резко обособляющиеся группы: 1) русы — это городская, военная и купеческая, господствующая верхушка и 2) славяне — это земледельцы, основная масса бедного сельского населения, общинники, всё более и более теряющие свою былую самостоятельность.

И среди этой верхушки воинов и купцов, варварской военной рабовладельческой и торговой правящей верхушки были варяги, норманны. Их-то как наиболее подвижной элемент, вечно стремившийся к поездкам, войнам, походам, торговле, их, этих вечных бродяг-авантюристов, русские князья использовали прежде всего в качестве военной силы для далёких походов, послов и «гостей» (купцов — княжеских торговых агентов) и т. п.

Поэтому-то о Руси и о русских часто судили по норманнам русской службы, уже в той или иной степени обрусевшим.

Варяги представляют славянскую Русь в посольствах, торговле, они воюют, нападают, нанимаются на службу, продают свой меч и свои товары далеко на юге и на востоке, и немудрено, что соседи часто составляют себе представление о Руси в целом по этим норманским искателям «славы и добычи».

Быть может, социальная верхушка, которую мы называем «русью», получила своё название именно от этой своей части, от норманнов?

Нет.

Термин «русь», «рось», «рус», «рос» — очень древнего происхождения.

На юге Восточной Европы народы, в имени которых встречается термин «рос», упоминаются в источниках ещё во времена сарматов.

Мы знаем «роксаланов» или «росаланов», одно из сарматских племён, аорсов, росиев (Ефрем Сирийский), розомонов (Иордан, саги о Германарихе), росов (Псевдо-Зхария).

Кто были они, эти народы «росского» начала? Это были народы различного происхождения и говорили они на различных языках. Одни из них, быть может, были

близки к готам и герулам, другие, несомненно, принадлежали к народам иранского происхождения.

Несомненно то, что какая-то, и очень значительная, группа этих племён, носившая название роксаланов (или росаланов), состояла, собственно, из двух частей — «росов» и аланов, причём «рокс», «рос» означал «светлый» (близко к этому русское «русый», т. е. тоже «светлый»). При этом следует отметить, что в районе среднего Приднепровья ряд географических пунктов имеет в своём наименовании корень «рос».

А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что жители среднего Приднепровья начала н. эры — восточные славяне — анты — в своём наименовании также были не чужды термину «рос».

Характерно также и то, что термин «рос» во множестве отложился в топонимике Белоруссии и Литвы, где издавна жили древние славяне и ближайшие сородичи — литовцы.

Из этого отнюдь ещё не следует, что он, этот термин, является принадлежностью только славянских и литовских земель, но мы вправе утверждать, что термин «рос» — очень древнего происхождения и в славянских и литовских землях Восточной Европы выступает с отдалённых времён как понятие этническое. Это — первый этап в истории термина «Русь».

Но затем «рос» — «рус» («рос»-ы — «рус»-ы) становится понятием социальным, и этнический термин превращается в общественный, классовый.

Н. Я. Марр считает, что «русская» или «росская» военно-дружинная организация являлась «классовой организацией строителей древнейших городов на Руси».

«Русь» в этом смысле слова мы уже рассматривали. Это — второй этап в эволюции понятия «Русь».

И, наконец, третий этап в развитии термина «Русь»: он снова становится понятием этническим и начинает покрывать собой всё население государства, господствующая прослойка которого носила название «русы».

«Русь» того времени — это область среднего Приднепровья (Киев, Чернигов, Переяславль), центр «русской» военной организации, земля Русская, бывшая земля полян, «яже ныне зовомая Русь».

По мере распространения власти Киева, князя «рус-

тов», князя Руси, на земли восточных славян от Карпат и земли пруссов до Оки, от Ладоги до Дуная, на земли финно-угорских и литовских племён всё население, подвластное русскому князю, вошедшее в состав древнерусского государства, получает наименование русских, а земля — Руси.

В IX — X вв. «русы» — это господствующая славянская верхушка, сложившаяся, в первую очередь, на юге, в среднем Приднепровье. Это — Русь в узком смысле слова, «Русь внутренняя». В её составе много норманнов, и поэтому её легко спутать (и часто, действительно, путают) со скандинавской вольницей. Это трудно сделать на Руси, но очень легко — за её пределами. В Византии, правда, разделяют русских, варягов и норманнов, «жителей островов на севере океана». Норманны, в византийских источниках — это не русские, а русские — это не обязательно норманны, хотя среди них могут быть и скандинавы.

Интересно отметить, что отождествление варягов с русью в летописи не является первоначальным, а введено составителем Повести временных лет 1111 г.; в предшествующем своде 1093 г. говорилось о том, что варяжские дружины стали называться «русью» лишь в Киеве.

Перейдём к вопросу об образовании древнерусской народности.

Деятельность Владимира в области «устроения» земли Русской, его заботы о «строе землянем» и об «уставе землянем» и объединение всех восточнославянских земель от Карпат до Оки и Волги, от Ладоги до Дуная, Олешья и Тмутаракани, объединение политической жизнью, единой государственностью, единым «законом русским» и религией, общностью материальной и духовной культуры, общей борьбой с «ворогами», общими интересами на мировой арене — всё это не могло не вызвать больших изменений в жизни восточного славянства как некоего этнического массива.

Зарождается и крепнет древнерусская народность.

Общественное развитие, результатом которого было создание древнерусского государства, вызвало большие изменения в этническом составе населения Восточной Европы.

Укрепление государственности на территории Восточ-

ной Европы, государственности, находящейся в руках русской варварской феодализирующей, а позднее уже чисто феодальной верхушки, имело огромное значение в формировании древнерусской народности.

Киевское государство объединило восточнославянские племена в единый политический организм, связало их общностью политической и экономической жизни, культуры, религии, способствовало появлению и укреплению понятия единства Руси и русского народа.

Развивающиеся торговые связи между отдельными городами и областями Руси, сношения между русским населением различных земель, установившиеся в результате «нарубания» воев, хозяйничанья и управления княжих «мужей», расширения и распространения княжеской государственности и доменной администрации, освоения княжой дружиной, боярами и их «отроками» всё новых и новых пространств, полюдь, сбор дани, суд, переселения по своей инициативе и волей князя, расселение и колонизация, совместные поездки, походы и т. п. — всё это в совокупности быстро разрушало первобытную языковую и культурную племенную и территориальную разобщённость.

В племенные и областные диалекты проникают элементы диалекта соседей, в быт населения отдельных земель — черты быта русского и нерусского «людья» других мест и т. д. Речь, обычаи, нравы, быт, порядки, религиозные представления, сохраняя много отличного, в то же самое время приобретают общие черты, характерные для всей русской земли.

И так как «главное орудие человеческих торговых сношений есть язык» (*Ленин*), то эти изменения в сторону единства в этнокультурном облике русского населения Восточной Европы идут прежде всего по линии установления общности языка, так как язык — основа народности.

Два фактора определяют собой народность как этническое понятие:

1) общность языка и 2) национальное самосознание, сознание единства всех людей, говорящих на данном общем языке.

Ещё в племенных диалектах наблюдаются явления, свидетельствующие о развитии их в сторону некоего

единства. Ещё в древности, на самой заре русской государственности, со времён возвышения Киева, говор полян, «яже ныне зовомая Русь», впитавший в себя элементы языков пришельцев в эту местность славянского и не славянского происхождения, выдвигался в качестве общерусского языка.

В древней Руси, стране городов, «Гардарик» скандинавских саг, в IX — XI вв. в результате развития ремёсел и торговли и роста городов, в которых сосредоточивается подвижная господствующая знать: князь, дружинники, купцы и т. д., происходит процесс интенсивного выделения городского диалекта, носящего общерусский характер и отличающего от пёстрых племенных диалектов, сохраняющихся ещё долгое время в деревнях. Язык горожанина, и прежде всего, представителя полупатриархальной-полуфеодальной варварской знати, отличается всё больше и больше от языка «сельского людя». Эта первая, выступающая в византийских и восточных источниках под названием «росов» или «русов», говорит одним и тем же языком в Киеве и Новгороде, на Белозере и в Переяславле, на Оке и в Прикарпатье. В этом языке знати и горожан сглажены племенные диалекты, не мало заимствований из других языков (греческого, финно-угорских, тюркских, норманских).

Пёстрая многоплеменная верхушка — «русь», впитавшая в себя различные племенные элементы, но имевшая своим центром Киев, вырабатывает особый диалект, более сложный и богатый, нежели сельские диалекты, диалект, в основу которого был положен язык «Руси», т. е. Киева, земли полян.

Так рождался общий разговорный древнерусский язык.

Вторым источником формирования последнего был язык народного эпоса (песен, сказаний, былин), необычайно распространенного в древней Руси, язык, характерный отвлеченными понятиями, стандартами и элементами чужеземного эпоса, неизвестными речи деревенского населения, язык «боянов», «соловьев старого времени».

Третьим руслом формирования общерусского языка был язык правовых документов и норм, язык деловой литературы, возникшей ещё до «Русской Правды», во времена «закона русского», если не раньше. Он вырос из разговорной речи, но специфика его, особое содержание и упо-

требление главным образом всё той же верхушкой сделала его наддиалектным.

Так ещё в дописьменные времена в древней Руси начал складываться в городах и в районах, к ним примыкающих, общерусский разговорный язык. Когда на территорию древней Руси проник в качестве языка богослужений и «книжности» древнецерковно-славянский язык, язык письменности, появившейся на Руси задолго до принятия христианства и пользовавшейся народной речью, он не мог стать единственным языком древнерусской письменности, так как хотя был и не чуждым, но чужим.

Поэтому уже в XI в. оформляется древнерусский литературный язык, в основу которого легли древнецерковно-славянская письменность и древнерусский разговорный язык. Питающей средой древнерусского литературного языка являлись языки-диалекты восточных славян и древнецерковно-славянский язык, впитавший в себя элементы языков народов Средиземноморья. Этим и объясняется исключительное богатство древнерусского литературного языка, высокий уровень развития его, языка с богатой стилистикой и семантикой.

Итак, налицо первый фактор, определяющий собой единство древнерусской народности, — язык.

Остановимся теперь на втором — на чувстве национального самосознания.

Достаточно беглого взгляда, брошенного на наши источники, — а они отражают мысли людей древней Руси, — достаточно даже поверхностного знакомства с древнерусскими преданиями, — а они отражают идеологию народа, — для того чтобы убедиться в том, насколько развито было у наших предков чувство единства народа, чувство патриотизма, любви к родине, само понятие родины, земли Русской, насколько большое всеобъемлющее понятие вкладывали они в слова «Русь», «русская земля».

Яркими памятниками древнерусского патриотизма, отражающими чувство национального самосознания русского народа, являются и повесть временных лет, «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, и «Память и похвала» Иакова Мниха, и «Слово о полку Игореве», и другие жемчужины древнерусской литературы.

Они проникнуты чувством любви к земле Русской, они с гордостью говорят о своём русском народе, о его славных богатырских делах. Сознанием единства русской земли, единства русского народа от «Червенских градов» до Тмутаракани, от Ладоги и до Олешья проникнуты произведения «книжных» людей киевской поры.

Это сознание единства является величайшим вкладом киевского периода в историю всех трёх братских славянских народов Восточной Европы, имевших общего предка — древнерусскую народность времён Владимира, Ярослава и Мономаха.

В это же время складывается единство культуры от Перемышля и Берлади, от Малого Галича и Бельза до Муром и Рязани, Ростова и Владимира, от Ладоги и Пскова, Изборска и Белоозера до Олешья и Тмутаракани; единство, проявляющееся буквально во всём — от архитектуры до эпоса, от украшений и резьбы по дереву до свадебных обрядов, поверий, песен и поговорок; единство, роднящее ещё и в наши дни гуцула и лемка Карпат с русским крестьянином Мезени и Онеги, белоруса из-под Гродно с жителем рязанских лесов. И в этом единстве мы также усматриваем великое наследие киевского периода в русской истории, ибо он, киевский период нашей истории, сделал русских русскими. И сознание единства, память о том, что во Львове, Галиче, Берестье, Холме, Ярославе, Пряшеве, Хусте, Ужгороде, Киеве, Минске, Полоцке живут те же «русские», что и во Владимире, Твери, Новгороде, Смоленске, Ярославле, Суздале, связанные общим происхождением, близостью культуры и языка, общностью религии, историческими традициями киевских времён, — никогда не исчезало из самосознания великорусского, украинского и белорусского народов, и не могли изгладить его ни страшное Батыево нашествие, ни безмерно тяжкое татарское иго, ни вековое господство литовских и польских панов, венгерских магнатов, молдавских бояр, ни годы лихолетья, ни тяжкие испытания, выпавшие на долю всех трёх ветвей великого народа русского.

Всюду — во Львове и в Ужгороде, в Бресте и Санюке — русские знали, что они — «от многоплеменного рода российского». «От них же (от русских. — В. М.) и мы обретаемы во граде Львове». Ещё в XIV в. Молдавия по-

сила название «Россовлахия», ещё в XVII в. в Оргееве говорили по-русски, жил на Дунае «русский народ», о котором вспомнил папа Климент VIII в 1595 г., а рядом, у Карпат, лежала «*Russia Rubra*», «Червоная Русь». В начале XVII в. ещё хорошо знали, что от Вислы до Волги «один народ и одна вера».

То общее, что объединяет великоросса, украинца и белоросса, есть результат незыблемых связей, установившихся между населением различных уголков Руси ещё на заре истории русского народа и его государства. И в этом — огромное значение киевского периода в истории славянских народов Восточной Европы.

На основе древних связей и традиций, на базе этнической общности восточного славянства, в условиях возникающего древнерусского государства, на основе общности языка, обычаев, быта, законов, религии, идеологии, на основе единства материальной и духовной культуры, единства на международной арене, совместной борьбы за «землю и веру русскую» начинает возникать национальное самосознание. Мы — люди русские, люди одной веры, одного языка, одних обычаев, «отец своих», одних нравов, люди одного психического склада, одних качеств, сыновья и дочери своей страны — Руси. Мы — русские. И так думали и так говорили в чаще вятичских лесов, у Оки, в Тмутаракани, у Лукоморья, на берегах Днепра-Славутича, в Киеве, стольном граде русской земли, в Полоцке и Пскове, во Владимире-на-Волыни, в Червене и Перемышле, т. е. везде, где слышалась русская речь и исповедывалась православная вера — смесь греческого христианства с истинно русским язычеством.

Сознание единства всей Руси, всех русских людей, сознание единства всего русского народа является величайшим вкладом киевского периода в истории великорусского, украинского и белорусского народов, ибо Киевская Русь — это начальный этап в истории всех трёх братских славянских народов Восточной Европы, имеющих одного предка — русский народ киевских времён, древнерусскую народность.

Величайшее значение киевского периода в истории всех восточнославянских народов заключалось в том, что именно в эти века сложилось то общее в языке, быту,

культуре, религии, морально-нравственном, психологическом укладе, что определило собой кровные, тесные связи, объединившие все три славянские народа Восточной Европы в единое, неразрывное целое. Благодаря этому беззаветно преданные своей русской культуре и религии, своим русским традициям и обычаям русские люди дальних земель — украинцы и белоруссы, подпавшие под власть иноземных завоевателей, столетиями испытывая тяжкий национальный гнёт, сумели сплотиться вокруг родной старины, ставшей символом их независимости и счастья, свидетелем лучших времён и предметом несбыточных мечтаний, отстоять свой язык и религию, свою культуру, свою национальную гордость и сохранить нетронутой свою национальную сущность.

Величественный процесс объединения восточнославянских и ассимилируемых ими племён в единую древнерусскую народность, процесс сплочения племенных культурных комплексов в некое единство древнерусской культуры, создание Русской державы, распространение единой религии и единых юридических государственных норм, возникновение общерусской военной системы и системы международных договоров, соглашений и постоянных дипломатических связей — всё это в истории славянства Восточной Европы сыграло настолько большую роль, что сравнительно короткого периода Киевской державы оказалось достаточно для того, чтобы создать этническое объединение, выдержавшее все испытания и сохранившееся до последнего времени в виде того общего, что объединяет русский, украинский и белорусский народы.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава I. Земля русская	10
Глава II. О происхождении славян	20
Глава III. Анты. Начальный этап в истории русского народа и русской государственности	47
Глава IV. Восточнославянские племена перед образованием Киевского государства	69
Глава V. Разложение первобытно-общинного строя и возник- новение феодальных отношений в древней Руси	99
Глава VI. У истоков Киевского государства	146
Глава VII. Образование Киевского государства	172
Глава VIII. Владимир	214
Глава IX. Ярослав	252
Глава X. Культура древней Руси	274
Глава XI. Киевский период в истории славянских народов Восточной Европы	298

Отв. редактор *Л. Петерсон*

ОГИЗ. Госполитиздат. Ленинград. 1946

Подписано к печати 2/III 1946 г. М 00965. Объем $19\frac{1}{2}$ п. л. + $1\frac{1}{4}$ рисунков. Уч.-изд. 19, 20

Тираж 30000 экз. Заказ № 293.

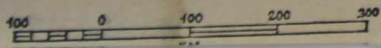
2-я типография „Печатный Двор“ им. А. М. Горького треста „Полиграфкнига“
ОГИЗа при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ

- Культура „ямочно-гребенчатой керамики“
- ===== Трипольская культура
- Лужицкая „
- Культура „полей погребальных урн“
- x-x-x-x Северные „поля погребений“

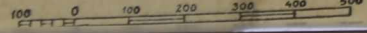
o Русские поселения в лесостепной полосе и степях

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО IX-XI вв

— Границы Киевского государства
 - - - " земель, находившихся под влиянием Руси или временно принадлежавших Киевскому государству
 — Политические и торговые связи
 — Поход русских на Сурож (в конце VIII или начале IX в.)
 — " на Амастриду (в нач. IX в.)
 — Походы на Константинополь (860г., Олег, Игорь и Владимир Ярославович)
 — " в Каспийское море и в Закавказье
 — Поход Владимира Святославовича на Корсунь и в Польшу
 — Походы Святослава Изяславовича на Оку, камских болгар, хазар,
 Дунайских болгар и Византию
 К - Корсунь С - Сурож
 Т - Тмутаракань Ко - Корчев

11 р. 50 к.

1981/11/17